Министерство образования и науки Российской Федерации

Рязанский институт (филиал)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Московский государственный открытый университет
имени В.С. Черномырдина»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник статей Международной (заочной) научно-практической конференции

Министерство образования и науки Российской Федерации

Рязанский институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Московский государственный открытый университет
имени В.С. Черномырдина»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:

Сборник статей Международной (заочной)

научно-практической конференции

17 апреля 2012 года

Рязань
Узорочье
2012

ББК 81.0
А 437

Рецензент:

Т.А. Комова, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова

А 437 Актуальные проблемы современных лингвистических исследований: Сборник статей Международной (заочной) научно-практической конференции 17 апреля 2012 года / под ред. С.Б.Улановой; Рязанский институт (филиал) Московского государственного открытого университета им. В.С.Черномырдина. – Рязань: Узорочье, 2012. – 357 с.: ил.

ISBN 978-5-85057-

В сборнике представлены материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Актуальные проблемы современных лингвистических исследований», в которых освещаются теоретические и методологические проблемы современной лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Рассматриваются вопросы взаимодействия языка и мышления, языка и культуры, различные аспекты дискурса, проблемы категоризации и концептуализации мира в языке, изучается специфика терминов и терминосистем, освещаются отдельные направления компьютерной лингвистики.

Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам языковых специальностей университетов.

Ключевые слова: *лингвистика, межкультурная коммуникация, лингводидактика, социолингвистика, компьютерная лингвистика, когнитивно-коммуникативная парадигма, текст, дискурс, семантика, прагматика, языковая личность, номинация, стилистика, интерпретация текста, перевод, термины, терминосистемы.*

ББК 81.0

© Авторы докладов, 2012

© Бойчук Л.В. , логотип конференции, 2012

ISBN 978-5-85057-

© Издательство «Узорочье», 2012

ОТ РЕДАКТОРА

Рязанский институт (филиал) Московского государственного открытого университета им. В.С. Черномырдина, готовящий высококвалифицированных профессионалов по инженерно-техническим и отраслевым экономическим специальностям, впервые за годы своей продолжительной истории организовал международную (заочную) научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы современных лингвистических исследований», которая проходила в Рязани 17 апреля 2012 года и вызвала живой интерес специалистов, работающих в области лингвистики, межкультурной коммуникации, методики преподавания иностранных языков. Всего в конференции приняли участие около ста гостей из России (Москва, Белгород, Иркутск, Казань, Красноярск, Магнитогорск, Мурманск, Рязань, Нижний Тагил, Омск, Пенза, Пятигорск, Смоленск, Тула, Уфа), ближнего и дальнего зарубежья: Беларусь (Минск, Гомель, Горки, Гродно, Мозырь), Украина (Киев, Житомир, Нежин, Симферополь), Азербайджан (Баку), Китай (Чанчунь). Сборник включает работы докторов и кандидатов наук, докторантов, аспирантов и начинающих исследователей.

Конференция состояла из семи секций: 1) языковые единицы в когнитивно-функциональном и семантическом аспектах; 2) текст и дискурс: коммуникативно-прагматический аспект исследования; 3) язык и личность: проблемы номинации, стилистики, интерпретации текста и перевод; 4) проблемы исследования терминов и терминосистем; 5) проблемы социолингвистики, компаративистики и межкультурной коммуникации; 6) компьютерная лингвистика; 7) лингводидактика.

Тематика докладов отражала современные направления и подходы в исследовании языка. В центре внимания были теоретические и методологические проблемы изучения языковых единиц в различных аспектах: когнитивно-функциональном, семантическом, коммуникативно-прагматическом. Отдельная секция конференции была посвящена проблемам методики преподавания языков.

Вопросы взаимодействия языка и мышления исследуются в работах Л.Р. Абдуллиной, Л.Ф. Давлетшиной, С.П. Добижи, М.А. Калининой, М.С. Качур, Н.А. Песковой.

Семантический аспект изучения языковых единиц разного уровня представлен в работах Л.В. Ворониной, И.И. Груль, Ю.А. Стасевич, Т.Д. Дьяченко, Л.В. Стародубцевой, Г.Р. Искандаровой, Ю.Е. Козловой, Т.Н. Куренковой, Ю.С. Курилкиной, С.Б. Улановой, Т.С. Чабаненко.

Исследованию коммуникативно-прагматического аспекта текста и дискурса посвящены статьи З.И. Игнатюк, и А.Э. Левицкого.

Внимание учёных сосредоточено на исследовании различных видов дискурса: политического (работы А.В. Федорюк, И.П. Савиловой, Г.П. Лошак), юридического (М.В. Батюшкина), социально-ориентированного (Е.В. Лухина), делового дискурса (Д.С. Храмченко), педагогического дискурса (М.Ю. Олешков). Не угасает интерес филологов к интерпретации художественного текста, который продолжает анализироваться с новых позиций, в рамках современной парадигмы языкознания (А.Г. Козлова, Е.Г. Логинова, Е.Г. Штырлина, Т.Н. Куренкова), и к проблемам перевода (Ф.Р. Новрузов).

Интернет представляет собой богатейший материал для изучения и рассматривается в рамках лексикологии, прагматики, лингводидактики (Т.В. Аникина, М.И. Бызова, Ю.В. Поветкина, М.В. Половец, В.Г. Гуд, Е.В. Вильковская).

Различные аспекты фонетики и фонологии исследуются в работах (Т.М. Насоновой, Л.В. Рускевич, Л.В. Молчановой, Н.И. Лепуховой).

Вопросам региональной ономастики посвящены исследования Н.В. Бубновой, С.С. Пилецкой, И.Ю. Самойловой, Е.С. Космовской.

Проблемы исследования терминов и терминосистем рассматриваются в работах Е.В. Кербер, А.К. Купцовой, Н.В. Моряхиной, М.В. Половец.

Взаимодействие языков и культур – лингвокультурология и межкультурная коммуникация – тема статей Л.И. Богатиковой,

Т.А. Гавриленко, Т.В. Лановой, Л.С. Москаленко, Е.О. Муравьевой и О.В. Писецкой. Исследованию основных особенностей афроамериканского этносубъязыка посвящена работа Т.Б. Заграевской, в которой автор справедливо указывает на малоизученность и перспективность такого направления как этносоциолексикографические исследования этносубъязыка и этносоциолекта.

В шестом разделе освещаются вопросы, связанные со сферой компьютерной лингвистики: изложена авторская методика алгоритмической процедуры перевода, и рассматриваются возможности её использования в машинном переводе (А.И. Заволокин, В.В. Миронов), в работе В.А. Коломиец обобщен опыт создания корпуса аннотаций научных статей по компьютерной лингвистике, его структурно-семантические и дидактические особенности, инфологическому моделированию лингвистических баз данных посвящена работа О.С. Мицкевич.

Заключительный раздел конференции был посвящен вопросам лингводидактики. В русле компетентностного подхода выполнены работы Н.Н. Ачкасовой, В.Г. Гуд, Е.В. Вильковской, О.Б. Зарубиной. Обращение к теме дидактических принципов обучения является актуальным для методики обучения иностранным языкам в Китае. Доклад Н. Шань затронул историю данного вопроса и передовой опыт российских учёных.

Надеюсь, что публикуемые материалы заинтересуют преподавателей вузов, научных работников, студентов, магистрантов, аспирантов, принесут пользу тем, кто увлечённо занимается научной деятельностью, и окажут положительное влияние на расширение исследований в данной сфере.

С.Б. Уланова,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой психологии и лингвистики
РИ (ф) МГОУ им. В.С. Черномырдина

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Л.Р. Абдуллина

(Казань, Россия)

ЛОГИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСЕ

(на материале татарского языка)

В данной статье рассматривается вопрос взаимодействия языка и мышления, в рамках которого особое место отводится логическим формам и законам. На примере приема замены компонентов глагольных фразеологических единиц татарского языка выявляется механизм осуществления многоаспектной корреляции языковой формы и элементов сознания, служащий основой коммуникативно-прагматической стратегии информанта в дискурсе.

Ключевые слова: замена компонентов, логика, ментальность, концепт, дискурс.

This article is devoted to the question of interaction of language and thinking, in which the special place is allocated to logic forms and laws. On an example of the method of replacement of components of Tatar verbal phraseological units the mechanism of realization of multiple-aspect correlation of the language form and elements of consciousness, forming a basis of communicative and pragmatical strategy of an informant in discourse comes to light.

Key words: replacement of components, logic, mentality, concept, discourse.

В последние десятилетия активно развиваются идеи когнитивной лингвистики, при этом вне поля зрения остаются достижения формальной логики, которая описывала лишь знаковую форму мышления, не учитывая при этом зависимость строения и правил преобразования этой формы от содержания, не отражая различий между мышлением и его продуктами, тогда как мышление имеет свое качественно специфическое содержание и свои специфические закономерности протекания. Любые мыслительные процессы так или иначе заключаются в различного рода логико-семантические формы, интегрирующие в себе как языковые блоки, так и зрительные образы, картинки, эмоции. В связи с этим представляется необходимым обращение к логическому

анализу дискурса, выявляющему логические системы, семантики которых включают определенные характеристики субъекта, такие как его знания, установки, принимаемый им концептуальный аппарат, которые могут быть осмыслены в контексте дискурсивных форм организации этнокультурного сознания. Как справедливо полагает Н.Ф. Алефиренко, «это объясняется тем, что дискурсивное образование, вторично интерпретируя и моделируя тот или иной фрагмент картины мира, порождает знаки вторичной и косвенно-производной номинации, поскольку соотносится с ним не отдельными своими частями, а как единое целое» [1. С. 178]. Примером сказанному служат глагольные фразеологические единицы (ГФЕ).

В дискурсе ГФЕ может подвергаться различного рода трансформациям, семантическим или структурно-семантическим в зависимости от интенций информанта. Предметом настоящего исследования послужили специфические черты реализации одного из наиболее часто встречающихся в газетном дискурсе приемов структурно-семантического преобразования, а именно замены компонентов. В данной статье предпринята попытка отобразить необходимость логико-концептуального подхода к рассматриваемому явлению.

Общеизвестно, что прием субституции заключается в устранении из исходной формы фразеологизма одного или нескольких компонентов, место которых занимают другой или другие компоненты, способные более адекватно выполнять коммуникативную задачу текста. Замена компонента ГФЕ может быть ориентирована на усиление или ослабление интенсивности действия, обозначаемого фразеологизмом. Обратимся к следующему примеру.

«Тик депутатлар арасында үзе утырган ботакны кисәргә теләүче табылмады» (Ватаным Татарстан, 15.04.06.).

Исходная форма: *үзе утырган ботакка балта чабу – тормышта үзенең таянычы булган нәрсәне җимерү, киләчәкне күреп эш итмәү* “рубить сук, на котором сидишь”.

Кисү - нәрсәне дә булса бер өлешен аерып кыскарту, киметү, азайту; бетерү, юкка чыгару “отрезать, отрубать; препятствовать” и *балта чабу –*

нинди дә булса берәр эшне җимерү, юкка чыгару “рубить топором, уничтожать” – слова одной лексико-семантической группы, ассоциируемые в ментальной сфере реципиента с концептом «Конец».

При этом следует заметить, что преобразованный оборот в сравнении с исходной ГФЕ *үзе утырган ботакны кисү* явно проигрывает в экспрессивности, менее ярко характеризует поведение депутатов. ГФЕ являются видовыми по отношению к их ядерным компонентам, представленным глагольными единицами *кисү*, *балта чабу*, способными образовывать и другие ГФЕ типа *тамырына балта чабу* “подрубить под корень”, *парә-парә кисү* “разрывать на кусочки”.

В дискурсе возможны также замены компонентов на речевой антоним. Стилистический эффект антонимической модификации компонента основан на том, что из стабильного состава ГФЕ изымается один из компонентов и заменяется антонимичным словом, благодаря чему ГФЕ придается противоположный смысл.

«Ну-у зур сабак булды бу колхоз малына, кеше күрми – белми дип дәүләтнекенә нәфесеңне салмаска!» (Ватаным Татарстан, 05.08.06.).

Исходная форма: *нәфесе төшү – кызыгу* “иметь (выразить) желание”.

Ядерный компонент ГФЕ *төшү* заменяется понятием *салмау*, вступающим с ним в отношения противоположности, поскольку оба понятия обозначают взаимоисключающие признаки. Положительное понятие *салу* и отрицательное понятие *салмау* являются несовместимыми понятиями, находящимися в отношения противоречия или контрадикторности, являясь видами единого вербализуемого в дискурсе фрейма. При этом одно понятие указывает на некоторые признаки, а другое эти признаки отрицает. Объемы двух понятий составляют весь объем рода, видами которого они являются: *салу / салмау*. В свою очередь глаголы *салу* “положить; ставить; издавать; вызывать; подвергать” (А) и *төшү* “спускаться; выпадать; попадать; выступать” (В) являются совместимыми понятиями, у которых объемы частично совпадают, также как и содержание данных понятий.

С позиций логики происходит умножение понятий *салу* и *төшү*, в результате чего образуется новое понятие с объемом, охватывающим собой только совпадающие элементы объемов исходных понятий. Соответственно понятия А и В вступают в отношения пересечения, поскольку на ментальном уровне в совместившейся части кругов в сочетании с лексической единицей *нәфес* “страстное желание” мыслится *күрсәтергә* (С). Подобное логическое произведение обусловливает тождество таких видовых понятий, как *нәфесе төшү* (Е) и *нәфес салу* (D).

Понятие А и В находятся в отношениях пересечения, поскольку объем одного из них частично входит в объем другого. Понятие С представляет мыслительный образ стереотипной ситуации, то есть фрейм *күрсәтергә*, вербализуемый в дискурсе номинативными структурами *салу* (А), *салмау (*не А), *төшү* (В). Фреймовая структура знаний, организованная вокруг данного наивного понятия, может быть ассоциирована с новым концептом, вербализуемым уже средствами вторичного номинирования, в частности, *нәфес салмау* (D) и *нәфесе төшү* (Е), которые находятся в отношениях противоположности, являясь, с одной стороны, видами одного рода, выраженного понятием *күрсәтергә* (С), и с другой стороны, видами понятий *салу* - *салмау* (А не А) и *төшү* (В), которые могут быть представлены в дискурсе и другими видовыми понятиями, например, *суга салу*, *күз төшү*.

Анализ ГФЕ, преобразованных с помощью компонентных замен, свидетельствует о том, что их измененная семантика и стилистическая характеристика всегда соотносятся с соответствующими характеристиками нормативного оборота, что облегчает процесс декодирования ГФЕ. «В противном случае читатель не воспринял бы словесную игру» [2. С. 159]. Компонент-заменитель и вытесняемое слово исходного состава ГФЕ могут находиться в различных семантических отношениях. Замена может осуществляться как при наличии в семантической структуре корреспондирующих элементов соотносительных признаков (синонимическая замена), понятных вне всякого контекста, так и при отсутствии каких-либо

общих доречевых семантических черт (замена компонента на антоним, замена компонента контекстуальным синонимом). Подобный подход к приему замены компонентов не раскрывает сущности механизма его реализации в дискурсе, в связи с чем возникает необходимость оперирования логическими категориями, понятийной картиной мира, позволяющих познавать когнитивные структуры человеческого сознания. Уместным в данном контексте будет мысль Н.Ф. Алефиренко о том, что «слова взаимоассоциируются лишь при условии, что соответствующие им понятия входят в закодированные в памяти пропозиции – целостные мыслительные субъектно-предикатные структуры, отражающие некоторые ситуации и конфигурации их элементов» [1. С. 183]. Происходит процесс извлечения из долговременной памяти некоторого фрейма, отвечающего содержанию текста.

Предпринятая в данной статье попытка логико-семантического анализа приема замены компонентов ГФЕ свидетельствует о том, что для получения адекватных знаний о функционировании языковых единиц в дискурсе необходим мультипарадигмальный подход, основанный на достижениях структурной, коммуникативно-прагматической, когнитивной лингвистики, психолингвистики, логического анализа дискурса и позволяющий отобразить корреляцию между языковыми процессами, ментальными сущностями и когнитивными структурами представления знаний.

Литература

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005.

2. *Зернова, Л.Г.* Контекстная реализация фразеологических единиц испанского языка (на материале произведений Бенито Переса Гальдоса): дис. …. канд. филол. наук. – Киев, 1984.

Т.В. Аникина, М.И. Бызова

(Нижний Тагил, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ВИРТУАЛЬНОГО ЖАНРОВЕДЕНИЯ

Развитие Интернет-коммуникации способствует появлению новых форм виртуального общения. В настоящее время исследователи выделяют такие Интернет-жанры,

как форум, сайт, гостевая книга, флуд, электронное письмо и другие. В данной статье предпринята попытка классифицировать существующие Интернет-жанры.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, виртуальная реальность, Интернет-жанр, классификационный критерий.

The development of Internet communication leads to the appearance of new forms of virtual contacts. The scientists single out such Internet-genres as forum, site, guest book, flud, e-mail and others. In this article the author tries to classify existing Internet-genres.

Key words: Internet communication, virtual reality, Internet-genre, criterion for classification.

Стремительное развитие информационных технологий способствует возникновению новой культурной и языковой среды, новой лингвистической реальности, которая формируется и развивается с расширением сферы действия современных средств коммуникации: Интернета, сотовой и спутниковой связи. Сегодня следует говорить о том, что Интернет обладает не столько информационной функцией, сколько коммуникативной. Ввиду всеобщей распространенности этого явления исследование различных видов коммуникации и коммуникативного пространства в сети Интернет становится особенно актуальным.

Многие ученые занимаются исследованиями жанров Интернет-дискурса, так как количество участников и видов виртуального взаимодействия постоянно увеличивается. Попытаемся выделить и классифицировать существующие в Интернет-коммуникации жанры.

М.М. Бахтин определяет жанр как устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками [2. С. 177]. В большинстве случаев один жанр может включать в себя некоторые стилистические черты другого жанра. С помощью системы жанров мы можем классифицировать известные способы коммуникации в сети Интернет.

Итак, под виртуальным жанром мы понимаем особый тип коммуникации, осуществляемой только в виртуальной среде и обладающей собственными

уникальными критериями и признаками, среди которых следует отметить карнавальность, синхронность, интерактивность и другие. В настоящее время в Интернет-коммуникации выделяются следующие жанры: форум, гостевая книга, электронное письмо, чат, Интернет-дневник (блог), смс, многопользовательская ролевая игра, жанр мгновенных сообщений, Интернет-реклама, социальная сеть, флейм, флуд, виртуальный роман, креатифф, спам, послание, сетевой флирт и сайт. Таким образом, в Интернет-пространстве проблема классификации жанров особенно актуальна: исследователи выделяют различные критерии для разделения способов виртуального общения.

Например, в работе Л.Ю. Ивановой предлагается следующая классификация Интернет-жанров по аналогии с жанрами других сфер общения: общеинформационные жанры или жанры новостей, научно-образовательные и специальные информационные жанры, художественно-литературные жанры (к которым примыкает часть развлекательных жанров, оформляющих неспециальное, непрофессиональное общение), деловые и коммерческие жанры [4. С. 137].

В работе Н.Г. Асмус используются следующие параметры для разделения виртуальных жанров: тематический признак, коммуникативная цель, сфера общения, образ автора-читателя, режим синхронного/асинхронного времени, форма объективации (близость к письменному или устному тексту), диалог/полилог, композиция, языковые особенности [1. С. 27].

А.А. Селютин разделяет Интернет-жанры на канонические (те, которые существовали и до появления их в Интернет) и на неканонические (жанры, присущие и всегда существовавшие только в Интернет-сети). Под каноническими жанрами учёный подразумевает рекламу, которая появилась сначала на телевидении и в газетах. Неканонические жанры включают в себя электронную почту, чат, форум, социальную сеть, игровой портал [5. С. 139]. Предложенное разделение жанров довольно противоречиво.

Мы полагаем, что отнесение электронной почты к неканоническому жанру неоправданно. Безусловно, критерий мгновенности доставки сообщений

играет важную роль, но, несмотря на это, с помощью писем люди начали общаться достаточно давно. Возможность пользоваться Интернет-ресурсами помогла доставлять письма быстрее.

Например, «креатифф» можно отнести к каноническим жанрам. «Креатифф» представляет собой вид сетевого сленга, где слова подвергаются специальному искажению, но появился он изначально в Интернет-сети. Широкое распространение в реальной действительности он получил благодаря Интернет-пользователям.

Анализ большинства работ показывает, что классификационные критерии выделения Интернет-жанров пересекаются, один виртуальный жанр может относится к нескольких классификациям. Тем не менее, мы полагаем, что большинство жанров Интернет-коммуникации можно разделить по следующим признакам:

1. Цель общения:

- информационные: электронное письмо, форум, гостевая книга, блог, смс, послание, социальная сеть, Интернет-реклама;
- фатические (общение ради общения): чат, жанр мгновенных сообщений, ролевая игра онлайн, флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, флуд, спам, креатифф.

2. Количество собеседников:

- диалоговое общение: электронное письмо, жанр мгновенных сообщений, смс, сетевой флирт, виртуальный роман, блог, социальная сеть;
- полилоговое общение: форум, гостевая книга, чат, ролевая игра онлайн, флейм, креатифф, флуд, спам, послание, Интернет-реклама;

3. Интерактивность:

- общение «здесь и сейчас»: чат, жанр мгновенных сообщений, ролевая игра онлайн, флейм, сетевой флирт;
- общение в режиме «off-line»: электронное письмо, форум, гостевая книга, блог, послание, социальная сеть, виртуальный роман, спам, флуд, креатифф.

4. Степень распространения коммуникации:

- общение, выходящее за рамки Интернет-сети: креатифф, Интернет-реклама;

- общение, осуществляемое только в пределах Интернет-сети: электронное письмо, форум, гостевая книга, чат, блог, смс, послание, социальная сеть, ролевая игра онлайн, сетевой флирт, виртуальный роман, флуд, спам.

Итак, мы видим, что в Интернет-коммуникации границы между жанрами намного более размыты и подвижны, чем в реальной коммуникации, что, в принципе, объясняется незаконченностью формирования жанров, а также теми специфическими особенностями, которые отличают Интернет-коммуникацию от реальной коммуникации.

Таким образом, появляются новые жанры виртуального общения, а, следовательно, критерии их разделения постоянно обновляются. На данный момент невозможно разработать универсальную классификацию жанров Интернет-коммуникации, так как их развитие всегда находится в движении. Постоянное и достаточно стремительное становление Интернет-технологий вызывает бесчисленное количество преобразований в коммуникативном пространстве Интернета, вследствие чего Интернет-жанры появляются, формируются, видоизменяются и иногда исчезают быстрее, чем в реальной коммуникации.

Литература

1. *Асмус, Н.Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук: (10.02.19). – Челябинск, 2005.

2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.

3. *Горошко, Е. И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 5. – Орел: ОГИИК, ПФ «Картуш», 2007. – С. 223–237.

4. *Иванов, Л. Ю.* Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. режим доступа: www.faq-www.ru/lingv.htm.

5. *Селютин, А. А.* Жанры как форма коммуникативного выражения онлайновой личности // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 37. Филология. Искусствоведение.– 2009. – № 35. – С. 138–141.

Л.В. Воронина

(Рязань, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ФИНИТИВА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Наше исследование посвящено описанию наиболее востребованных языком современной прессы синтаксических конструкций с семантикой цели, назначения, а также выявлению актуальных семантических тенденций при выражении указанных значений.

Ключевые слова: семантика цели и назначения, грамматические структуры.

The article is devoted to the description of the syntactic structures with the semantics of purpose in mass media discourse. The specific features of meaning are revealed.

Key words: semantics of purpose, grammatical structures.

Факт актуализации семантически емких и структурно компактных конструкций в языке современных СМИ признан многими исследователями и не вызывает сомнений. Применительно к целевым контекстам данные тенденции реализуются особым образом.

Востребованность конкретных грамматических структур финитива обусловлена семантической спецификацией последних. Подразумевая под термином «финитив» [1. С. 43] семантику цели, назначения, мы подвергаем анализу все семантические составляющие этого понятия – значение цели и семантику назначения предмета или действия. Широкое распространение языковых средств, выражающих идею «овеществленной» цели, – одна из ярчайших тенденций выражения смысла «цель» на сегодняшний день: *зал* ***под фотографию***, *комитет* ***по делам молодежи***, *заявление* ***на выплаты*** и под. При этом в конструкции сообщается о функциональности как конкретных имен существительных (особенно в языке рекламных текстов): *Вот почему крем «Софья» занимает первое место среди* ***средств*** ***для предупреждения***

варикозной болезни ног (Комсомольская правда 18–25.03.2010), так и отвлеченных (преимущественно в языке аналитических статей*): Значит, есть еще одна* ***тема для плагиата*** (Собеседник 17–23.03.2010); *Настал* ***момент для голосования*** (Комсомольская правда 18–25.03.2010).

Актуализация микрополя «овеществленной» цели обуславливает актуальность дестинативов, оформляющих данное значение. В этой связи самыми продуктивными из ранее не востребованных являются *«под + N_4»*, *«к + N_3.»* и особенно *«по + N_3.»*: *Уже сегодня до* ***30% мест*** *в государственных вузах* ***отдано под коммерческие отделения*** (Комсомольская правда 8–14.10.2008); *«Это –* ***приглашение к танцу****, – прокомментировал «АиФ» вручение Дмитрию Медведеву ордена «Солнце Перу» один из членов российской делегации* (Аргументы и факты 3–009.12.2008); *Правда ли, что* ***усилия*** *правительства* ***по спасению фондового рынка*** *обернуться для нас инфляцией?* (Комсомольская правда 8–14.10.2008).

В рамках собственно целевых конструкций нами выделены две прямо противоположные тенденции. С одной стороны, очевидна актуализация синтаксических конструкций, выражающих максимально обобщенное значение цели: в первую очередь это ППК с производными предлогами *в целях, с целью*: *– **В целях** **исследования** подфакельных выбросов предприятий и оперативного реагирования на жалобы жителей… администрация города Рязани выделила…* (Комсомольская правда 18–25.03.2010); *– У тех, кто регулярно принимал поливитаминные препараты* ***с целью оздоровления*** *организма… риск рака на 19% выше* (Собеседник 7–13.04.2010). С другой стороны, очевидна прямо противоположная тенденция. Известно, что при определенных условиях (лексико- и семантико-грамматические характеристики контактного слова) одна и та же ППК способна выражать идею цели под разным углом зрения, оформляя семантику более или менее обобщенной цели и ее семантические типы. В настоящее время собственно целевое значение (значение в чистом виде) не является актуальным для носителей языка, поэтому начинают активизироваться именно те условия, которые способствуют выражению

семантических типов цели. Проследим это на примере ППК *«для + N_2»*, целевая семантика которых в настоящее время претерпевает значительные изменения.

ППК, выражающие прямую цель, встречаются не часто. Если они используются средствами СМИ, то с обязательным акцентом на целевом компоненте, что подчеркивается актуальным членением предложения: ***Для развития балета в XX веке*** *она [Плисецкая] сделала гигантски много* (Комсомольская правда 8–14.10.2008); ***Для проведения*** *операции ЦРУ завербовала ряд французских граждан, участвовавших в отравлении городка* (Мир новостей 23.03.2010). Получают распространение ППК при отвлеченных существительных: *рекомендации для овладения секретными азами, повод* ***для интервью****, предпосылки* ***для возникновения дефицита.*** Целевая семантика данных ППК смещена в сторону назначения и осложнена атрибутивным значением. Активизируются предложно-падежные конструкции *«для + N_2»*, информирующие о назначении того или иного объекта (предметная цель), позицию которого занимает конкретное существительное: *В* ***зал для прослушивания*** *приглашают по одному* (Приложение «Комсомольская правда в Рязани» 8–14.10.2008).

Процесс актуализации конкретных смысловых типов цели характерен и для других ППК. К примеру, известно, что ППК «*на + N_4*» способны сообщать о двух смысловых типах цели – цели как конечном пункте движения (*идти на службу*) и об «овеществленной» цели (*деньги на откуп*). Сообщения о цели как конечном пункте движения субъекта не являются актуальными для языка современной прессы, в то время как семантика назначения предмета (обычно это денежные ресурсы) получает дальнейшее развитие: – *Ведь никто не знает, какую часть сверхдоходов монополист оставляет себе, а какую отдает* ***на взятки*** (Собеседник 17–23.03.2010); *Правительство выделило 3 триллиона рублей* ***на решение*** *проблем банков* (Комсомольская правда 8–14.10.2008).

Дестинатив «*в + N_4*» способен оформлять три семантических типа цели: цель-образ действия (*сказать в шутку*), цель-конечный пункт движения

(*идти в разведку*) и цель, которая осуществляется самим фактом действия (*сказать в оправдание*). На сегодняшний день из всех трех типов востребованным оказался только последний: *…**В доказательство с**воих слов я готова предоставить документы* (Приложение «Комсомольская правда в Рязани» 8–14.10.2008).

«Второе рождение» в языке СМИ переживают ППК с предлогом *ради*, семантическая специфика которого – сообщение о цели-предпочтении – долгое время не позволяла им быть активными в разговорной речи. В настоящее же время функционирование ППК «*ради* + N_2» обусловлено именно факторами стилистического характера.

Во-первых, дестинатив с *ради* носит устойчивый характер, если позицию имени занимает лексема *справедливость: **Справедливости ради** стоит отметить, что розница пока лишь смутно ощущает жаркое дыхание засухи* (Московский комсомолец 25.08–1.09.2010). Актуальность таких построений обусловлена соответствующей направленностью СМИ – быть или хотя бы казаться объективными. Во-вторых, свободное употребление существительных с предлогом *ради* всегда эмоционально окрашено, носит ярко выраженный оценочный характер: *Артист [Алексей Макаров] устроил благотворительный аукцион **ради помощи животным*** (Мир новостей 23.03.2010). В-третьих, вкупе с местоимением *чего* предлог *ради* оформляет вопрос о цели (обычно риторический), к которому часто прибегают авторы, с тем чтобы выразить негативное отношение к сообщаемой ими информации: *Понятное дело, что видеокамера или прочие средства видеофиксации нарушений… плохо различают одетые по последней моде регистрационные знаки **(иначе чего ради было городить огород с ужесточением карательных мер)*** (Московский комсомолец 25.08–1.09.2010).

Еще одним семантическим трендом стало стремление построить высказывание, содержащее множественность смысла и одновременно единственность. В отношении семантики финитива эта тенденция находит свое выражение в активизации конструкций, выражающих синкретичное значение

цели. Наиболее частотны следующие семантические пересечения: 1) цель + делиберати в: – *Это произошло само собой или были предприняты меры* ***по улучшению качества воздуха…*** (Комсомольская правда 18–25.03.2010); 2) цель + объект: *Кто безвременно погиб в очередном бессмысленном бою* ***за очередную недостижимую цель***? (Российская газета 26.11. 2009); 3) цель + объект + делиберати в: – *И ностальгия а-ля Высоцкий «Было время и цены снижали!» – призыв* ***к возврату*** *сталинизма!* (Комсомольская правда 18–25.03.2010); 4) цель + место: – *Если раньше мы отправляли подобные работы* ***на выставки****, то чаще всего они возвращались распечатанными…* (Российская газета 26.11. 2009); *Это Андропов вызвал из Ставрополя* ***на работу*** *в Москву молодого перспективного Горбачева…* (Комсомольская правда 18–25.03.2010); 5) цель + условно-следственное значение: ***Чтобы улучшить качество атмосферного воздуха****, необходимы масштабные мероприятия…* (Комсомольская правда 18–25.03.2010).

Таким образом, намечая функциональную активность ряда грамматических структур с целевым значением, мы отмечаем, во-первых, активизацию тех из них, которые выражают семантические спецификации финитива. В их числе несобственно целевые конструкции с семантикой назначения, а также (в рамках собственно целевых построений) те, которые сообщают о семантических типах цели или стилистически маркированном финитиве.

С другой стороны в современных СМИ предпочтение отдается ранее неактуальным или вовсе не востребованным языком классической прозы синтаксическим конструкциям. Это, как правило, структурно компактные ППК с непроизводными предлогами, более или менее развернутые построения с причастными и деепричастными оборотами, относительно громоздкие союзные конструкции с типизированной лексемой в главной части. Некоторая позитивная динамика наблюдается и в употреблении бессоюзных сложных предложений или сложноподчиненных с операторами, в принципе неспособными выражать или подчеркивать целевое значение.

Литература

1. *Золотова, Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1998.

И.И. Груль, Ю.А. Стасевич

(Гродно, Беларусь)

ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ КОНСТРУКЦИИ «ПРЕДЛОГ + ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ» ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Наше исследование посвящено изучению полисемантичности конструкции «предлог + дательный падеж», которая использовалась древнегреческими авторами для отображения пространства и времени.

Ключевые слова: полисемантичность, предлог, дательный падеж (Πτωσις δοτικη), пространство, время, пространственные отношения, временные отношения, древнегреческий язык.

The article is devoted to the polysemy of the construction «preposition + Dative case» used by ancient Greek authors to describe space and time.

Key words: polysemy, preposition, Dative case, space, time, space relationships, temporal relationships, the ancient Greek language.

Изучение предложно-падежных конструкций древнегреческого языка для выражения пространства и времени представляет особый интерес, так как они играли важную роль при формировании семантики высказывания. Исследования темпоральной и пространственной лексики, морфологии и синтаксиса древнегреческого языка позволяют выделить связь пространственно-временных отношений. Падежи (Genetivus, Dativus, Accusativus) и предлоги, употребляющиеся для выражения пространства, использовались и для выражения темпоральных отношений. В нашей работе мы остановимся на исследовании конструкций с дативом. Dativus loci

(локативное значение) при беспредложном употреблении определяет место (без конкретизации): Και Ξενια ***τω Αρκαδι***, ος αυτω προειστηκει του εν ταις πολεσι ξενικου, ηκειν παραγγελλει λαβοντα τους αλλους πλην οποσοι ικανοι ησαν τας ακροπολεις φυλαττειν [3]. «Ксению ***из Аркадии***, который командовал его наемниками в городах, он приказывает прийти к нему, захватив всю воинскую силу, кроме отрядов, необходимых для охраны акрополей». Темпоральный (временной) датив без предлога обозначает близость к определенному моменту, особенно при датах и названиях праздников: Επυαξα δε η Συννεσιος γυνη προτερα Κυρου ***πεντε ημεραις*** εις Ταρσους αφικετο [3]. «Эпиакса, жена Сиеннесия, прибыла в Тарс ***5 днями раньше*** Кира».

В древнегреческом языке предлоги первоначально были наречиями и не влияли на падеж существительного, при котором стояли, а только уточняли то значение, которое заключалось в самом падеже. Позже эти наречия стали восприниматься как «управляющие» падежами. И.М. Тронский, опираясь на данные разных эпох развития древнегреческого языка, подчеркивал, что расширение сферы грамматического функционирования предлогов и далее предложных сочетаний следует считать важным фактором, послужившим причиной глубоких изменений падежной системы индоевропейских языков. «Грамматические отношения, выражаемые падежными отношениями, очень рано потребовали конкретизации и уточнения с помощью предлогов. В первую очередь это произошло в падежах, обозначающих пространственные и временные отношения. При выражении грамматических отношений путем сочетания предлогов с падежной формой функция дифференциации значений переходит нередко на предлоги, а падежная форма теряет свою выразительность и становится излишней» [1].

Материалом для нашего исследования послужили «Одиссея» Гомера [2] и «Анабасис» Ксенофонта [3]. При исследовании данных текстов выделены следующие конструкции «предлог + Πτωσις δοτικη»:

1. Προς + Πτωσις δοτικη : Εντευθεν εξελαυνει σταθμους δυο παρασαγγας δωδεκα ες Κεραμων αγοραν, πολιν οικουμενην, εσχατην ***προς τη Μυσια χωρα*** [3].

«Отсюда в два перехода он проходит 12 парасангов до Базара Корамы, города многолюдного и расположенного ***у самой границы Мисии***». У Ксенофонта конструкция «προς + Πτωσις δοτικη» обозначает *нахождение вблизи, рядом* (аналогично русскому предлогу *при* в местном значении).

2. Υπο + Πτωσις δοτικη: Ως ειπουσ ***υπο ποσσιν*** εδησατο καλα πεδιλα, αμβροσια χρυσεια [2]. «Кончив, она привязала ***к ногам*** золотые подошвы, амвросиальные». Гомер конструкцию «υπο + Πτωσις δοτικη» использует для обозначения места, отвечая на вопрос «где?», «к чему?».

Εστι βασιλεια εν Κελαιναις ***υπο τη ακροπολει*** [3]. «В Келенах ***под акрополем*** есть дворец». В данном случае конструкция «υπο + Πτωσις δοτικη» означает «под чем-нибудь» в значении «у основания высокого предмета».

3. Εν + Πτωσις δοτικη: Πολλα δ ο γ ***εν ποντω*** παθεν αλγεα ον κατα θυμον [2]. «Много духом страдал ***на морях***, о спасенье заботясь». В данном случае конструкция «εν + Πτωσις δοτικη» в значении пространства обозначает место пребывания, отвечая на вопрос «где?».

Ελεγετο δε και Συεννεσις ειναι επι των ακρων φυλαττων την εισβολην· διο εμεινεν ημεραν ***εν τω πεδιω*** [3]. «А по слухам, Сиеннесий находился в горах и охранял вход в страну; поэтому Кир на один день прибыл ***на равнину***». В этом случае конструкция «εν + Πτωσις δοτικη» у Ксенофонта имеет значение направления, отвечая на вопрос «куда?».

Εν δε τη υπερβολη των ορεων τη εις το πεδιον δυο λοχοι του Μενωνος στρατευματος απωλοντο [3]. «Но ***при переходе (во время перехода)*** через горы в долину погибли два лоха Менона». Ксенофонт использует конструкцию «εν + Πτωσις δοτικη» для обозначения времени на вопросы «когда?», «в какое время?».

Ενταυθα εμειναν ημερας τρεις· ***εν ω*** Κυρος απεκτεινεν ανδρα Περσην Μεγαφερνην, φοινικιστην βασιλειον, και ετερον τινα [3]. «Там он пробыл 3 дня; ***в эти дни (в течение этих дней)*** Кир казнил перса Мегаферна, царского порфироносца, и некоего другого вельможу». Для обозначения времени у

Ксенофонта конструкция «εν + Πτωσις δοτικη» употребляется в значении «в течение какого времени?».

4. Επι + Πτωσις δοτικη: Ου γαρ πω τεθνηκεν ***επι χθονι*** διος Οδυσσευς [2]. «Но не погиб ***на земле*** Одиссей богоравный». В произведении Гомера конструкция «επι + Πτωσις δοτικη» имеет локативное значение «около, рядом», отвечая на вопрос «где?».

Ο δ ως απηλθε κινδυνευσας και ατιμασθεις, βουλευεται οπως μηποτε ετι εσται ***επι τω αδελφω***, αλλα, ην δυνηται, βασιλευσει αντ εκεινου [3]. «Когда Кир уехал, познав опасность и претерпев бесчестие, он принял решение впредь никогда больше не отдавать себя ***во власть брата***, но, если это окажется возможным, сменить его на престоле». Ксенофонт использует конструкцию «επι + Πτωσις δοτικη», отвечающую на вопрос «куда?».

Υπωπτευον γαρ ηδη επι βασιλεα ιεναι· μισθωθηναι δε ουκ ***επι τουτω*** εφασαν [3]. «Они, ведь, уже подозревали, что идут на царя, а нанимались они, – таковы были их слова, – ***не с этой целью (не на эту должность)***». В данном случае Ксенофонт придает конструкции «επι + Πτωσις δοτικη» смысловой оттенок, обозначая «на какую должность?».

5. Παρα + Πτωσις δοτικη: Ου νυ τ Οδυσσευς Αργειων ***παρα νηυσι*** χαριζετο ιερα ρεζων Τροιη εν ευρειη; [2]. «Он ли не чествовал в жертвах тебя на равнине троянской ***близ кораблей*** аргивян?».

Παρα δε Ξενιου και Πασιωνος πλειους η δισχιλιοι λαβοντες τα οπλα και τα σκευοφορα εστρατοπεδευσαντο ***παρα Κλεαρχω*** [3]. «Больше 2000 солдат Ксения и Пасия с оружием и обозом расположились лагерем ***у палатки Клеарха***». И Гомер, и Ксенофонт используют конструкцию «παρα + Πτωσις δοτικη» в локативном смысле на вопросы «вблизи чего?», «рядом с чем?».

6. Περι + Πτωσις δοτικη: Ενιοι δε και στρεπτους ***περι τοις τραχηλοις*** και ψελια ***περι ταις χερσιν***· [3]. «А у некоторых даже гривны ***на шее*** и браслеты ***на руках***». Такая нетипичная для дательного падежа конструкция «παρα + Πτωσις δοτικη» используется Ксенофонтом в местном значении на вопрос «где?».

Согласно данным примерам следует, что беспредложная конструкция дательного падежа сводит употребление локальных и темпоральных отношений к одному-двум значениям, не конкретизируя их. При этом предложно-падежная конструкция принимает разнообразные смысловые оттенки по сравнению с ее беспредложным употреблением.

Литература

1. *Тронский, И.М.* Историческая грамматика латинского языка. – Москва: Индрик, 2001.
2. *Homeri.* Ilias. – Ed. G. Dindorf. Teubneri. – Lipsiae, 1962.
3. *Xenophontis.* Cyri Anabasis. – Ed. C. Hude, cur J. Peters. – Lipsiae, 1909.

Л.Ф. Давлетшина

(Магнитогорск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЛЕКСИЧЕСКОМ ПРОТОТИПЕ НА МАТЕРИАЛЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Наше исследование посвящено определению лексического прототипа многозначных слов в английском языке на материале артефактов (длинных тонких предметов) и отражение его в языковой картине мира носителей языка. В статье рассматривается предположение о том, как человек хранит в своем сознании значения и образы полисемантов языка.
Ключевые слова: лексический прототип, языковая картина мира, полисемант, метафора.

The article is devoted to the problem of lexical prototype of polysemantic words in the English language in the field of artifacts (long/ thin objects) and its reflection in the linguistic worldview of native speakers. The attempt is made to reveal the way a speaker keeps meanings and images of polysemantic words in his/her mind.
Key words: lexical prototype, linguistic worldview, polysemantic words, metaphor.

Язык – это важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Язык не мог бы быть средством общения, если бы он не был бы связан с концептуальной картиной мира. Язык означивает отдельные элементы концептуальной картины мира. Это выражается обычно в создании

слов и средств связи между словами и предложениями. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Языковая картина мира (примитивная или научная) – это результат переработки информации о среде и человеке. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны, чем научные.

Исследования в области содержательного ядра многозначного слова позволяют предположить эгоцентричность, индивидуальный характер познающего сознания, понять «привычки сознания», узнать, о чем и как думает та или иная личность.

Языковая картина мира, являясь гештальтом высокой степени сложности, имеет многоуровневую организацию, состоящую из картин мира отдельного человека, группы, народа, и соединяет общее и индивидуальное, общечеловеческое и национально-специфическое, универсальное и исторически обусловленное, глобальное и частное.

Известно, что в процессах концептуализации, связанных с актуализацией ЛСВ полисемантов, важную роль играет система образов, как одна из оперативных единиц концептуальной картины мира. Формирование образного значения слова осуществляется на основе закрепленных в языковой картине мира стереотипов. Образное слово ярко и наглядно передает особенности языковой интерпретации действительности, участвует в формировании языковой картины мира. Поэтому далее целесообразно рассмотреть важную составляющую когнитивного подхода к осмыслению семантики многозначного слова – образность.

Анализ сущности и специфики языковой картины мира позволяет определить предположительный статус лексического прототипа (ЛП), и то, каким образом языковая картина мира отражена в нем. Поскольку свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, именно в содержательном ядре слова (ЛП) в сжатом виде заложены наиболее существенные компоненты

значения, отражающие такое мировидение. Выделяя их, можно выявить стереотипы отражения сознанием человека предметов и явлений, соответствующие наивной картине мира.

Многие ученые-лингвисты (в их числе профессор В.В. Виноградов) отказались от гипотезы, что полисемант присутствует в сознании человека во всей системе значений, и обратились к гипотезе существования содержательного ядра многозначного слова. Определим критерии идентификации содержательного ядра в нашем понимании и установим уровень его понимания и функционирования.

Мы исходим из предположения о том, что, сколько бы значений не ассоциировалось с конкретной формой, с ней всегда связывается ее системное значение. Оно опознается как значение данной формы на уровне языка и служит основой для вывода актуального значения слова с учетом речевого контекста по принципу: одно значение – одна форма. Традиционно на роль системного значения лексической единицы претендуют первые, главные, номинативно-непроизводные (НН) значения [3. С.77].

Для вывода системного значения, которое охватило бы все значения, роль НН значения нужно расширить с помощью компонента сравнения. Эта следующая ступень обобщения представляет собой совместно с НН значением содержательное ядро полисеманта, которое является семантическим инвариантом всех лексико-семантических вариантов (ЛСВ) полисеманта. Содержательное ядро определяется, вслед за И. К. Архиповым, как «**лексический прототип**» (ЛП) [1. С. 33].

Приведем идентифицирующие признаки ЛП:

1) ЛП есть пучок коммуникативно-значимых абстрактных узуальных смыслов; пучок интегральных и дифференциальных признаков, которые не могут быть выведены один из другого [2. С. 5];

2) ЛП есть содержательный инвариант всех ЛСВ, концептуальной базой которого является НН значение, ориентированное на среднего носителя языка [3. С. 77].

НН значение называется **«ближайшим» лексическим прототипом (БЛП)** (как значение, которое первым приходит в голову носителю языка, как элемент базисного уровня при осмыслении понятия об объекте). А все содержательное ядро полисеманта, то есть БЛП и абстрактная часть, являющаяся результатом осмысления всех ЛСВ слова, на более высоком уровне обобщения названо **«дальнейшим» лексическим прототипом (ДЛП)** [1. С. 33]. Далее приведем анализ слова *pin* с целью определения ЛП.

Для начала мы попытались сформулировать первое номинативно-непроизводное (НН) значение на основе наиболее частотных семантических компонентов дефиниций различных словарей.

Словари отмечают тот факт, что речь идет о маленьком (6), тонком (5), остром (4) предмете. Функциональную сему Fastening отмечают 7 словарей, из них о ткани или бумаге говорят 5. 7 словарей наделяют его острым концом и 4 – головкой.

Словари расходятся во мнении о том, из чего сделан этот предмет: 7 из металла и 2 из дерева, но все они утверждают, что это твердый предмет.

На основе данных словарей о наиболее частотных компонентах определим НН значение этого слова: *a small thin piece of metal with a sharp point and a rounded head used to fasten fabric or paper together* – как предположительно функционирующем на уровне обыденного сознания.

Далее рассматриваются все остальные значения этого слова, их насчитывается около 50. Если рассмотреть классификацию этого слова, то можно выделить две большие группы: 1) **функциональная группа** (кнопка, булавка, брошь, заколка для волос, контакт, скоба, прищепка, гвоздь); 2) **метафорическая**, которую в свою очередь можно тоже разделить на 2 подгруппы: 1) сравнение с булавкой по внешнему виду (стержень, поршневой палец, тонкая складка, нога, кегля), 2) по функции (картинка – то, к чему приковывается взгляд, флажок с номером, удержание противника на лопатках, шах, настроение).

Самым приблизительным значением этого слова является *something resembling a pin*. Данное значение явно возникло вследствие того, что в памяти человека естественно остаются воспоминания о случаях реализации активных переносных смыслах в переносных структурах высказываний. Эти данные подтверждают предположение о существующем представлении у носителей языка о возможности осмысления любого предмета, во-первых, как абстрактной сущности, во-вторых, как основы метафорической номинации с использованием механизма «как» (like) и «как если бы» (as if). [3. С. 77]. Поэтому эта структура, подсказанная словарями, включается в лексический прототип, который принимает вид: *номинативно-непроизводное значение* ***pin*** *(1) or something like a pin (1): a small thin piece of metal with a sharp point and a rounded head used to fasten fabric or paper together or something like a pin (a thin, slender object which can prick).*

Литература

1. *Архипов, И. К.* Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики// Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сборник статей. Studia Linguistica № 6. – СПб., 1998. – С. 5-22.

2. *Архипов, И. К.* Природа и диапазон семантического варьирования слова: к проблемам прототипической семантики// Современные проблемы теории языка: Сб. ст., посвященный юбилею заслуженного деятеля науки, д-ра филол. наук М.В. Никитина.– СПб.: РГПУ, 2000. – С. 33-39.

3. *Песина, С. А.* Полисемия в когнитивном аспекте: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.

4. Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners, 3rd edition, 2001.
5. Online Plain Text English Dictionary // www.onelook.com.
6. Encarta Word English Dictionary// www.encarta.net.
7. Infoplease Dictionary // www.infoplease.net.
8. Ultralingua English Dictionary // www.ultralingua.net.
9. Merriam Webster Online Dictionary.
10. Merriam Webster Medical Dictionary.

С.П. Добижи
(Горки, Беларусь)

КОНЦЕПТЫ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В БЕЛОРУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются концепты *время* и *пространство* в представлении белорусов, особенности мировосприятия белорусского народа. Белорусские фольклорные тексты, сохранившие до наших дней отголоски мифов, общеплеменных обычаев и обрядов, выступают как один из видов моделирования окружающего мира, космоса.

Ключевые слова: фольклор, время, пространство, земля, рай, небо, Мировое древо.

The article investigates the concepts of time and space in the worldview of Belarusians. Belarusian folklore texts, which still keep echoes of myths, general tribal customs and traditions, are seen as one of the types of modelling the surrounding world.

Key words: folklore, time, space, earth, paradise, heaven, the world tree.

Концепты *время* и *пространство* рождаются в сознании человека как попытка осмыслить все происходящее, независимое от самого индивида. В белорусских фольклорных текстах данные концепты реализуется с помощью лексемы *время*. Идея времени, как известно, складывается из ряда факторов: изменение внешнего мира, изменение самого человека, необратимость событий, независимость их от человека и его воли, действий и поступков. В белорусских фольклорных текстах, как и в других фольклорных картинах мира, время не зависит от человека и течет само по себе. Представление о пространстве и времени в белорусских фольклорных текстах реализуется с помощью лексем *зямля, неба, рай, пекла, гэты свет, той свет*.

Реальный мир («гэты свет») – это жизнь на земле, полная трудностей и испытаний. Этот свет, который часто называется «белы свет», включает не только Землю и земное пространство, но и Солнце, Луну, звезды, он сотворен Богом и живет по его законам. Белому свету противопоставляется «неба» и «рай» как идеальный мир, с одной стороны, и «той свет» как царство тьмы, с другой стороны. В представлениях белорусов рай как невидимый, идеальный мир находится на небе.

Небо в белорусской мифологии – самая важная часть Космоса, вершина Мировой горы, на которой живут боги. Так, согласно представлениям белорусов Могилёвщины, небо – это шаровидная гора изо льда, которая опирается на моря, на ней живут Бог и свита. Мифы свидетельствуют, что небо состоит из семи ярусов, Бог живет на седьмом ярусе, люди же способны видеть только первое небо [1. С. 340]. Небо ассоциируется не только с Богом и местом его пребывания, но и с местом и временем пребывания праведных душ. Для белорусов характерна классическая, древнейшая концепция рая как сада, в котором «заўжды шмат усяго, што толькі душа прымае». В белорусской сиротской песне невеста будит своих умерших родителей в саду:

Хадзіла сіротачка па садочку,

Прытаптала чорну сцежку ходзячы,

Свайго татулечку будзячы [3. С. 40].

Пространственная локализация рая связана с осью «верх – низ», он находится «угары там, каля яснага сонейка, дзесь на поўдні, куды й птушкі лятуць у вырай» [4. С. 67].

Характерной чертой белорусской мифологии является соединение рая земного и небесного, что отражается в мифе о месте на земле, где раньше был рай, а теперь там живут птицы, а также святые люди и ангелы. Это дивное место называется «вырай», куда птицы под руководством Бога летят зимовать [1. С. 422]. Древние славянские представления о том, что деревья являются пристанищем для душ умерших, широко представлены в белоруских фольклорных текстах. Например, существование запрета «Жывой яблыні і грушы нельга зрубіць» объясняется тем, что именно на этих деревьях «адпачывае Прачыста Маці» [4. С. 67].

В земной реальности репрезентантами неба и рая считаются холмы, возвышенности, а также вершина Мирового древа, на кроне которого, по представлениям белорусов, и находится рай. У белорусов, как и у большинства индоевропейцев, Мировое древо, или Прадрево, является центром мира и соединяет центр Земли, центр Подземелья и центр неба [2. С. 494].

Само древо в народном представлении имеет три уровня: Нижний, Средний и Верхний Мир, где человеку с его домом, семьей, домашними и дикими животными, объектами охоты, отводится именно средняя часть Древа, а само оно чаще всего представляется дубом или явором. Так, в белорусской свадебной песне отражена своеобразная природная иерархия, в которой явор занимает главное место и ассоциируется с отцом:

Зялёны ягор – то татулечка мой,

Бела яблынька – то матулечка мая,

Зялёны дуб – брацейкі мае,

Белы вішанькі – сястрыцы мае [3. С. 48].

Мировое древо упорядочивает Космос, организует мир вокруг себя по всем направлениям: и по вертикали как дорога из подземелья («пекла») к небу, к Солнцу, к раю, к Богу; и по горизонтали как четыре направления, четыре стороны горизонта. Раю и небу противопоставлен ад – «пекла» – место, где после смерти страдают грешники.

Ад в белорусском мифологическом пространстве занимает позицию крайнего «низа» и резко противопоставляется раю, то есть «верху». «Пекла» находится «унізе пад зямлёй». Следует отметить, что в белорусской дохристианской традиции ада в современном его понимании, по-видимому, не существовало, так как, во-первых, в белорусских мифах подчеркивается безгрешность людей и, во-вторых, белорусы до наших дней почитают умерших предков. Это подтверждает широко распространенный на всей территории Беларуси культ предков – Дзяды [1. С. 372]. Поэтому мир мертвых понимается как кладбище. В белорусских загадках кладбище описывается как деревня, в которой живут или спят «дзяды», кричат петухи и лают собаки: Дзярэўня заведзена, сабакі брэшуць, петухі пяюць, а людзі не ўстаюць [5. С. 72]; Ёсць такое месца, дзе пеўні не пяюць і людзі не ўстаюць [6. С.149].

Таким образом, белорусская мифологическая картина мира отражает троичность мироздания: абсолютное начало – Бог, имеющий свое пространство и время («неба», «рай»), ад («пекла») и между ними земная жизнь.

Литература

1. *Санько, С., Валодзіна, Т., Васілевіч, У. і інш.* Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн.– Мн.: Беларусь, 2004.

2. *Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы.– Тбилиси: Наука, 1984.

3. *Вяселле.Песні*: В 3 т. – Мн.: Навука і тэхніка, 1983.-Т.3.

4. Легенды і паданні. – Мн.: Навука і тэхніка, 1983.

5. *Носович,И.И.* Белорусские пословицы и загадки. – СПб.: Российская академия наук,1869.

6. *Романов, Е.Р.* Материалы по этнографии Гродненской губернии, вып 1. – Вильна, 1911.

Т.Д. Дьяченко, Л.В. Стародубцева

(Белгород, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос о выделении среднего залога в английском языке, связанный с несоответствием между глагольной формой активного залога и концептуальным осмыслением ситуации, в которой объект воздействия занимает позицию подлежащего. Импликация реального субъекта действия также неоднозначна. Внимание полностью сфокусировано на процессе.

Ключевые слова: средний залог, глагол, семантика, подлежащее, дополнение.

The article deals with the problem of the medial voice in the English language, which is connected with the mismatch of the active form of the verb and the conceptual understanding of the situation, in which the object of the action takes the position of the subject. There may be no evident implication of the real doer. Process is in the focus of attention.

Key words: medial voice, verb, semantics, subject, object.

В данной работе нам хотелось бы обратить внимание на парадоксальность ситуации, сложившейся в грамматике английского языка относительно среднего залога. Его формальное отсутствие в номенклатуре категорий английского глагола, в нормативной грамматике и практическом курсе преподавания английского языка не мешает авторам теоретических

грамматик вновь и вновь обращаться к теме среднего залога, приводя соответствующие примеры и аргументы в поддержку своей позиции по данному вопросу.

Предметом широкой и долгой дискуссии являются конструкции типа «*The door opened*», противопоставляемые категориальной бинарной залоговой оппозиции «*He opened the door – The door was opened by him*». Нормативная грамматика трактует спорные непереходные формы переходных глаголов как формы актива, но при этом любое практическое пособие по английской грамматике, претендующее на полноту содержания, обычно представляет список дискутируемых форм и комментарий к нему отдельно от описания собственно актива или по контрасту с ним.

Дж. Лайонз, включавший средний залог в залоговую систему английского языка, отмечал, что действие исходит из субъекта и замыкается в нем [1]. Речь при этом, как представляется, идет о синтаксическом уровне высказывания.

И.Б. Хлебниковой [2] представлен следующий список интересующих нас форм, с комментарием, что в русском языке все такие глаголы обычно имеют окончание *«ся»*.

1. The book sells well.
2. The milk tastes sour.
3. The car steers hard.
4. The dress buttons in back.
5. This material wouldn’t wash.
6. The damage done to the thing does not show.
7. The assertion proved to be false.

Существенным для нас является то, что при описании семантики этих глаголов И.Б. Хлебникова употребляет словосочетание «medial meaning», то есть «значение среднего залога», а не собственно форма среднего залога, что говорит о том, что морфологических показателей для рассматриваемого значения в современном английском языке выделено быть не может.

Рассмотрим далее некоторые примеры, которые представляются нам наиболее интересными с точки зрения выделения среднего залога как многоуровневой категории, имеющей разноплановые средства выражения в языке.

Then the gong sounded for tea, which somehow had to be endured, the shrimps shelled, the bread buttered, the milk and tea poured into the cups… (BNC)

Затем гонг зазвонил к чаю, время, которое надо как-то пережить, креветки были очищены, хлеб намазали маслом, молоко и чай разлили по чашкам…

Залоговые характеристики глагольных форм этого предложения отражают такое осмысление ситуации, при котором производитель действия уходит на второй план. Подлежащие, выраженные неодушевленными существительными, подвергаются целенаправленному воздействию. Диатеза данного предложения не является прямой, т.е. отношения между участниками описываемой ситуации не соответствуют отношениям между членами предложения. В реальной ситуации действия направлены на объекты, которые в предложении стоят в позиции подлежащего. Производитель действия присутствует в реальной ситуации, но в предложении он не выражен (тот, кто накрывает на стол).

Проанализируем далее следующий пример, в котором наблюдается большая вовлеченность подлежащего в процесс:

The meeting closed at three forty p.m. (BNC)

Собрание закончилось без двадцати четыре.

Данное предложение представляет собой классический пример среднего залога. Подлежащее выражено неодушевленным отглагольным существительным, тем не менее, его семантика имплицирует наличие одушевленных деятелей (группы людей). Сказуемое в форме прошедшего времени изъявительного наклонения обозначает завершенность действия к определенному времени. Сравнивая данный пример с предложением The door opened, можно отметить, что дверь при определенных обстоятельствах может

открыться и сама, без целенаправленного воздействия одушевленного деятеля (ветер, изменение наклона поверхности и т.д.), тогда как завершение собрания подразумевает действия (или их прекращение) его участников или организаторов.

Таким образом, несмотря на отсутствие морфологических показателей среднего залога, мы считаем возможным говорить о его вхождении в концептуальное пространство категории залога, отражающего диатезу: соотношение структуры денотативной ситуации и синтаксического уровня языка.

Литература

1. *Лайонз, Д.* Введение в теоретическую лингвистику. – Москва: Прогресс, 1978.

2. *Хлебникова, И.Б.* Основы английской морфологии. Essentials of English Morphology: учебное пособие. – 3-е изд., испр. - М.: Высшая школа, 2004.

3. British National Corpus// http://www.natcorp.ox.ac.uk.

Г.Р. Искандарова

(Уфа, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ ДЕРИВАТОВ

Статья посвящена вопросам словообразовательной мотивированности производного слова. Анализ мотивационных отношений между производящей основой и дериватом свидетельствует о том, что большинство отыменных немецких дериватов лексикализовано. Это обусловлено гипонимической мотивацией на уровне взаимодействия концептуальной семантики мотивирующего и производного слова.

Ключевые слова: мотивация, деривация, лексикализация значения, гипонимическая мотивация, прототипная мотивация.

The article deals with the questions of the word-building motivation of a derived noun. The analysis of motivation relations between a primary word and a derived base shows that the most nominal derivatives of German are lexicalized. This fact is conditioned by a hyponymic motivation on the level of the interaction of conceptual semantics of a primary base and a derivative.

Key words: motivation, derivation, lexicalization of the meaning, hyponymic motivation, prototype motivation.

Производное слово как вторичная языковая единица, формально и семантически зависящая от исходной единицы, при наличии общей ядерной части отстоит от исходной единицы на один деривационный шаг. Между производным словом и производящей единицей нет полного тождества, так как налицо некоторые семантические сдвиги, образующие отношения словообразовательной производности (мотивированности). След производящего слова, в какой бы форме он ни сохранился в производном слове, называется производной базой производного слова. Чем полнее в производном слове представлена производящая база, тем легче устанавливаются и дольше сохраняются отношения словообразовательной мотивированности между словами.

Не все производные слова, образующиеся в результате суффиксальной деривации, характеризуются однотипным механизмом деривации. В известных в словообразовании теориях мотивации основное внимание уделяется, как правило, лексической семантике мотивирующего слова, а также особенностям его формальной связи с производным. Мотивация, ориентирующаяся на собственно мотивирующее слово, называется простой. С точки зрения формальной связи с мотивирующим словом она может быть одновременно непосредственной, если само мотивирующее слово – непроизводное (например, *учить – учитель, teach – teacher*), или опосредованной, если мотивирующая единица является производным словом (например, *lesen – lesbar – Lesbarkeit, read – readable – readability*). С точки зрения смысловой связи производного и мотивирующего слов мотивация может быть прямой, когда производное выявляет связь со смыслом мотивирующих слов в их собственно-номинативном плане, и переносной, или косвенной, когда семантика производного ориентирована на образное, коннотативное значение исходного слова [4. С. 87].

«Словообразовательная мотивированность – явление всегда двустороннее, формально-семантическое. Поэтому мы не можем рассматривать отдельно формальную и семантическую мотивированность... Лучшим

доказательством неприемлемости чисто семантического критерия служит та достаточно распространенная закономерность, что однокоренные слова, находящиеся в одних и тех же семантических отношениях, могут характеризоваться противоположным направлением мотивации: ср., например, *белый – белеть*, но *зреть – зрелый*» [3. С. 59].

Рассмотрим проблему словообразовательной мотивированности на примере субстантивных дериватов немецкого языка. Большинство немецких субстантивных дериватов мотивированы или существительным (*Töpfer (<Topf)*, *Geiger (<Geige)*), или глаголом (*Schmelzer (<schmelzen)*, *Lehrer (<lehren)*). Однако некоторые производные могут кореллировать как с существительными, так и с глаголами. Так, *Schüler* формально кореллирует как с существительным *Schule*, так и с глаголом *schulen*. Но с семантической точки зрения глагол *schulen* как потенциальная производящая основа для *Schüler* исключается. Если бы дериват *Schüler* мотивировался глаголом *schulen* (*schul(en)* + *-er*), то мы бы получили значение ‘учитель’. *Schüler* может мотивироваться только существительным *Schule*.

Для немецких дериватов характерно явление полимотивированности: когда дериват в одинаковой степени мотивирован как глаголом, так и именем существительным, например: *Fischer (<Fisch; fischen)*, *Förster (<Forst; forsten)*. В случае с производным *Einkäufer*, мотивированным глаголом *einkaufen*, можно предположить, что оно также мотивировано с существительным *Einkauf*, которое «поддерживает» производное семантически. Подобные мотивационные отношения наблюдаются у производных с *-ent/-ant*, которые первично мотивированы глаголами на *-ieren* и вторично отглагольными существительными (*Dilett**ant**, Fabrik**ant**, Produz**ent**, Refer**ent**, Repräsent**ant**, Rezens**ent***).

С проблемой мотивационных отношений тесно связана проблема идиоматизации значения. У некоторых дериватов на *-ler* в немецком языке однозначно устанавливается частичная идиоматизация, или неполная мотивированность. Так, например, *Tischler, Schlosser, Spengler*

детерминируются объектами действия: *Tischler* – это «лицо, которое производит **столы**» (“eine Person, die **Tische** herstellt”), *Schlosser* – «лицо, которое производит **замки**» (“eine Person, die **Schlösser** herstellt”) и *Spengler* – «лицо, которое производит **пряжки**» (“eine Person, die **Spangen** herstellt”). Кроме того, лексическое значение слов содержит дополнительный признак, потому что *ein Tischler* производит не только столы, но и также стулья и другую мебель; потому что *ein Schlosser* производит не только замки, но и самые различные предметы из металла; потому что *ein Spengler* производит не только пряжки, но и различные предметы из жести. Все-таки эти образования не полностью идиоматизированы, а еще транспарентны в своей мотивационной связи с производящей основой. (*Spengler*, пожалуй, полностью идиоматизирован, так как «наивный» говорящий немецкого языка не знает, что *Spengler* произведен от *Spange*).

Обозначения профессий, таких как *Tischler*, *Schlosser*, *Maurer*, можно было бы объяснить так называемой «гипонимической мотивацией». Гипонимическая мотивация, по мнению О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, подразумевает мотивацию «предметными существительными=гипонимами, называющими определенный вид того или иного класса предметов, тогда как производное выражает отношение не только к этому виду, а к целому классу» [1. С. 107].

При гипонимической мотивации значение мотивирующего слова **А** входит полностью в значение мотивированного слова **В**, но **А** не полностью заполняет значение **В**.

Значение гипонима нередко бывает хронологически первым, на основе которого развились более поздние значения. Изучение гипонимов с когнитивной точки зрения дает представление о формировании первичного знания о предметах, явлениях и их номинации. В свою очередь, изучение гипонимически мотивированных лексических знаков представляет интерес для диахронической концептологии, поскольку они являются источником этнокультурной информации [2. С. 17-18].

Гипонимическая мотивация была заимствована семантикой прототипов и исследована более подробно. При мотивации прототипом в качестве словообразовательного мотива в производном выступает важный характерный признак. Так, можно говорить о прототипной мотивации локативных имен, которые представляют собой обозначения магазинов и помещений по потребляемому или производимому в них товару, например, рус. производное *булочная* мотивировано основой *булка*, которая выступает представителем всех хлебопекарных изделий, производящихся и продающихся в пекарне. Важным для прототипной номинации является тот факт, что в нескольких языках может использоваться один и тот же прототипный мотив, независимо от того, идет ли речь о калькировании или о свойственном языку явлении. Так, ***Böttcher***, ***Fleischer***, ***Töpfer*** имеют одни и те же прототипные мотивы с русскими производными *мясник*, *горшечник*. Но все-таки примеры с различным прототипным мотивом преобладают, например, ***Maurer*** (<***Mauer*** ‘стена’) // *каменщик* (<*камень*), ***Schäfer*** (<***Schaf*** ‘овца’) // *скотник* (<*скот*) и т.д.

Эти факты свидетельствуют о том, что семантическое описание подобных дериватов базируется на селективных отношениях между производящей основой и производным словом. По весьма точному замечанию З.А. Харитончик, значения производящих единиц предстают как «открытые системы с единым стержнем», любая часть которых (интенсиональная, импликациональная, латентная и т.д.) может быть вызвана к жизни коммуникативными потребностями и стать основой для семантической вариативности дериватов в результате отражения в них как ядерных, так и внутренне присущих неядерных компонентов концептуальной структуры производящей единицы [5. С. 115]. Принимая это положение во внимание, ученые-когнитологи считают правомерным изучение мотивационных отношений на уровне взаимодействия концептуальной семантики мотивирующего и производного слова. В связи с этим, на наш взгляд, в когнитивной дериватологии не исключено появление понятия «концептуальная мотивированность».

Литература

1. *Ермакова, О.П., Земская, Е.А.* К уточнению отношений словообразовательной производности // Russian Linguistics, 1991. – Vol. 15. P. 105-116.

2. *Кузнецов, В.Г.* Когнитивный аспект имплицитной мотивированности языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №1 (026). – С. 15-22.

3. *Лопатин, В.В.* К вопросу о критериях направления словообразовательной мотивированости // Linguistische Arbeitsberichte 22. – Leipzig: 1979. – С. 57-67.

4. *Медведева, Л.М.* Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова // Вопросы языкознания. – 1989. – №1. – С. 86-97.

5. *Харитончик, З.А.* О глубинной семантике производного слова // Композиционная семантика: материалы III Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. В 2-х ч. Ч. I. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 115-116.

М.А. Калинина (Широкова)

(Рязань, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

(О месте ассоциативного эксперимента в когнитивных исследованиях языка)

В статье рассматривается место ассоциативного эксперимента (АЭ) в когнитивных исследованиях языка, уделяется внимание вопросам валидности и надежности АЭ. АЭ очерчивает семантический контур концептов в наивной картине мира языка либо позволяет выявить стереотипы, бытующие в когнитивных структурах определенных носителей языка, что важно учитывать при проведении исследований в разных областях гуманитарного знания.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, стереотип, наивная картина мира языка, когнитивная лингвистика, психолингвистика.

The article is devoted to the role of the associative experiment in the cognitive research of the language, its validity and reliability. Associative experiment outlines the contour of the concepts in the primitive worldview and helps to reveal the stereotypes in the cognitive structures of native speakers. It is important to take this information into account in any humanitarian research.

Key words: associative experiment, concept, stereotype, primitive worldview, cognitive linguistics, psycholinguistics.

Ассоциативный эксперимент и концептуальный анализ в настоящее время наиболее часто привлекают внимание исследователей. Первые ассоциативные эксперименты (АЭ) проводились еще в начале прошлого века, в России первый ассоциативный словарь был издан в 1977 году [8]. АЭ прочно вошел в психологические и психолингвистические методики [2; 4; 15], в то время как когнитивная лингвистика базировалась, в основном, на концептуальном анализе (КА) [3; 9; 16], что позволяет одним лингвистам полностью разграничивать эти методы («Причиной несовместимости КА и АЭ является их принадлежность к разным научным областям» [6]), другим – фактически приравнивать АЭ к анализу концептов [10], третьим – некорректно иллюстрировать данные АЭ (представленность в обыденном сознании) примерами из художественных текстов [9]. Проводимые нами в течение более 10 лет КА и АЭ [11-14] позволяют делать выводы о совмещении КА и АЭ в когнитивных исследованиях языка при определенных условиях.

Анализ результатов АЭ в студенческой среде и в других социальных группах показывает, что основные признаки концепта одинаковы, несмотря на различия социального положения опрошенных [10]. Это естественно, так как, во-первых, АЭ является наиболее действенным методом проникновения в сознание [4. С.190], и во-вторых, словарный запас, иерархическая структура ценностей, прагматические установки и ее формально-комбинаторные возможности у большинства людей остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни [4. С.192–193]. Однако АЭ предоставляет возможность выявить также основные характеристики языка и мышления определенного страта, к которому относятся респонденты [10]; а также зафиксировать изменения в семантической структуре концептов при диахроническом рассмотрении.

При обработке результатов АЭ следует учитывать, что сознание респондента может быть «управляемо» языком, в результате чего возможно появление омоформ. Так, реакция *мужчины* на стимул **идеал** у девушки представляет собой форму существительного Р.п. ед.ч., а не Им.п. мн.ч.

Возможно построение ассоциативного ряда на антонимах, а также влияние звуковой формы слова.

В науке важна надежность и валидность метода. Относительно первого доказано (но, к сожалению, часто в современных исследованиях не соблюдается), что количество респондентов должно быть не менее 100. При большем количестве тенденции сохраняются [6. С.139]. Валидность метода означает его соответствие целям и результатам исследования. Что же реально репрезентируется в результате анализа ассоциаций?

АЭ наряду с анализом фразеологических единиц и фольклорных текстов выявляет семантику концепта в наивной картине мира языка. Это донаучные представления о действительности, зафиксированные языком и транслируемые им («навязываемые в качестве обязательных всем носителям языка» [1. С.37]). АЭ позволяет очертить контуры концепта, которые затем при анализе фразеологических единиц, фольклорного материала, данных словарей разных типов могут углубляться и дополняться. При этом единичные реакции не менее важны, чем часто встречающиеся. Так, анализ фразеологических единиц с компонентом **тоска** позволил реконструировать концептуальную метафору ***тоска – неодушевленный предмет*** [12], в то время как из 104 респондентов-студентов БГУ и БГПУ только один дал реакции, реализующие эту метафору (*камень*, *груз*). При анализе концептов, имеющих сравнительно недавнюю историю (например, **гармония**), АЭ является основным методом профилирования концепта, поскольку существует сравнительно небольшое количество устойчивых словосочетаний с этим компонентом. То же касается и концептов, уменьшивших сферу своего бытования (например, **благоразумие)**.

Результаты АЭ помогают обнаружить стереотипизацию и «раз-стереотипизацию» концептов. В определениях стереотипов подчеркивается их узуальность, стандартизованность, схематичность [5. С.117]. АЭ дает необходимую количественную и качественную выборку для доказательства «превращения» концепта в стереотип. Так, по результатам цепочечного АЭ на стимул **современная молодежь,** проведенного среди 127

студентов 18 - 22 лет (285 ассоциаций), можно говорить об очень большой степени стереотипизации этого концепта. Однозначно негативные ассоциации (чаще всего, слова ЛСГ «вредные привычки») составляют 46% у юношей и 33% у девушек; положительные – 16% и 27% соответственно. Остальные ассоциативные цепочки амбивалентны (*сигареты, инфантильность, мечта*) либо имеют нейтральную коннотацию (*панки, рэперы, студент*). Результаты АЭ позволяют достаточно четко очертить портрет современного молодого человека: имеет вредные привычки, с асоциальным поведением и интеллектуальной недостаточностью, принадлежит к различным субкультурам, странный, привержен моде, ходит в джинсах, с современными гаджетами, его локус – клубы и улица, слушает чаще всего рок и диско. Среди номинаций эмоций чаще встречаются отрицательные (*страх, ужас, стыд, безразличие, отвращение* и т.п. в противоположность *веселью*). Реакций *деградация, смерть, вымирание* больше, чем *будущее, развитие*. Однозначно противостоят отнесению себя к **современной молодежи** 55% юношей и 42% девушек. Прямо относят себя к современной молодежи только 2 девушки (реакции *я, мы;* остальные в ассоциативных цепочках положительные), косвенно (*друзья, окружающие*) – 13% юношей и 20% девушек. Остальные зафиксировали амбивалентность концепта, поэтому невозможно однозначно решить, включают ли эти респонденты свой я-образ в изучаемый концепт. В понятиях социологии все респонденты подпадают под это определение по возрастному и другим признакам. Результаты этого АЭ позволяют поставить под сомнение итоги тех гуманитарных исследований, в анкетах которых фигурировало словосочетание «современная молодежь». В этих случаях опрашиваемые, скорее всего, определяли ценности, предпочтения и т.п. не свои, а той самой стереотипной молодежи. (А был ли мальчик?)

Вышеприведенный пример наглядно иллюстрирует еще одну важную положительную черту АЭ – возможность достаточно быстро обнаружить гендерные особенности в концептуализации мира. В связи с этим открытым является вопрос целесообразности

конструирования схематичного «бесполого» носителя языка, если представляется возможным обнаружить гендерные отличия в концептуализации мира.

Литература

1. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. В 2 тт. Т.1. – М., 1995.
2. *Береснева, Н.И., Дубовская, Л.А., Овчинникова, И.Г.* Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). - Пермь, 1995.
3. *Демьянков, В.З.* "Концепт" в философии языка и в когнитивной лингвистике// Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. - М., 2007- С. 26-33.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. - М., 1994. - С. 190–218.
5. *Орлова, О.Г.* Система стереотипных признаков в структуре концепта RUSSIA //Филологические науки. Вопросы теории и практики.- 2012. - №1. – С.116-118.
6. *Палкин, А.Д.* Концептуальный анализ и ассоциативный эксперимент // Когнитивные исследования языка. – Вып.V.- М. – Тамбов, 2009. - С.133-146.
7. *Петелина, Ю.Н.* Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах. Дис… канд. филол.н. - Астрахань, 2004.
8. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева.- М., 1977.
9. *Фисенко, О.С.* Концепт *гроза* в русском языковом сознании. Дис….канд.филол.н. – Воронеж, 2005.
10. *Шелховская, М.Р.* Языковая картина мира студента. – Дисс…. канд.филол.н. – Челябинск, 2008.
11. *Широкова, М.А.* Гармония для русского – миф или тоска по..? // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы III Международной научной конференции. В 3 ч. Ч.2.– Минск: МГЛУ, 2005. – С.170-171.
12. *Широкова, М.А.* Концепт ТОСКА в русском языке и в дискурсе Ф.М.Достоевского // Антропоцентрический подход в исследовании языка: Материалы VII Международных Карских чтений. - Нежин – Гродно, 1998. – С. 238-240.
13. *Широкова, М.А.* Попытка концептуального и лингвистического анализа романа Ф.М.Достоевского «Бедные люди» // Вестник Белорусского государственного университета. – Серия 4. - 1998. - №1.–С. 35-39.

14. *Широкова, М.А., Савина, Н.Н., Орлова, Г.В.* Концепты счастье, успех, удача в сознании современной молодежи // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: Материалы 4-й Всероссийской конференции молодых ученых. – М. –Ярославль, 2005. – С.600-603.
15. *Nelson D., McEvoy C.L., Dennis S.* What is and what does free association measure? In: Memory and Cognition, 28 (6). 2000, P. 887-899.
16. *Teune H.* Conceptual and terminological analysis // F.W. Riggs (Ed.), The CONTA Conference. Proceedings of the Conference on Conceptual and Terminological Analysis in the Social Sciences. Frankfurt: Indeks Verlag.1982. P. 140-148.

М.А. Калинина (Широкова)

(Рязань, Россия)

КОНЦЕПТ ТОСКА В ЗЕРКАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется концепт *тоска* в русской языковой картине мира и дискурсах Ф.Достоевского и С.Есенина, а также способы его передачи на белорусский язык.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуальный анализ, семантический сдвиг при переводе.

In the article the way the concept “longing” (тоска) is represented in the Russian language worldview and in the discourse of F. Dostoevsky and S. Yesenin is analyzed, besides the ways of the translation of the concepts into the Belarussian language are described.

Key words: conceptual metaphor, conceptual analysis, semantic shift in translation.

Когнитивные аспекты перевода в последние годы стали привлекать внимание ученых. Исследуются когнитивные механизмы восприятия текста переводчиком, ведутся поиски единиц, через анализ которых возможен анализ переводного текста и ошибок переводчика, разрабатываются способы такого анализа [4, 5 и др.].

В качестве единиц анализа текстов Ф. Достоевского и С. Есенина и их переводов на белорусский язык мы взяли ряд концептов разных видов: индивидуально-авторских, национальных и универсальных.

В настоящей статье предлагается анализ концепта *тоска*, который выделен А. Вежбицкой в качестве одного из русских национальных [7].

Под термином *концепт* мы вслед за А. Вежбицкой [1. С.82] понимаем результат когнитивной деятельности человека, отмечая культурно-смысловую наполненность этой единицы [6. С.40] и способность к категоризации мира [3. С.90].

Компонентный и семантический анализ данных словарей разных типов, свободного ассоциативного эксперимента позволил реконструировать ряд концептуальных метафор, характеризующих концепт *тоска* в русской языковой картине мира. Подобный подход кажется нам более релевантным, чем описание *тоски* как «сгустка эмотивных смыслов» через выделение «культурных коннотаций» (ср. результаты в [2. С.275]). Тоска, по нашим результатам, предстает как:

1. Неодушевленный предмет/стихия

а) огонь (*жгучая*);

б) холод (*холодная*);

в) твердый материал (*давит*);

г) жидкость (*безбрежная);*

д) атмосфера *(нагоняется);*

е) вместилище *(глубокая);*

2. болевое, болезненное ощущение / состояние (*щемящая; тосковать обл. 'болеть, ныть'; Тоскуша - имя лихорадки в народных заговорах*);

3. живое существо

а) враг (*необоримая*)

б) волк/пес, змея/вурдалак (*завыть с тоски, тоска сосет сердце*)

Профилирование концепта *тоска* в русской языковой картине мира (РЯКМ) и проведенный в соответствии с авторской методикой концептуально-лингвистический анализ романов Ф. Достоевского «Бедные люди», «Белые ночи», стихотворений С. Есенина показали, что «русский дух» Ф. Достоевского и С. Есенина, их следование РЯКМ в концептуализации *тоски* проявляется в неагентивности, выделении в концепте *тоска* как основной этимологической

семы ‘лишенности’; связи *тоски* со смертью, мраком/непогодой; в персонификации, инфернальности, неконтролируемости *тоски*, невыразимости ее в слове, замкнутости пространства *тоски*, МФ «*тоска*-болезнь»; в способности глагола *тосковать* переходить в поле глаголов интеллектуальной деятельности. Представлению о *тоске* в РЯКМ соответствует один из выходов из нее – в состояние опьянения – у «бедного человека» Девушкина и лирического героя Есенина. Коннотационные акценты в концепте *тоска* в дискурсе Ф. Достоевского расставлены в соответствии с РЯКМ и православным осмыслением мира (как грех, искушение). С. Есенин вступает в «диалог» с этими представлениями. Он видит «выход» из *тоски* либо в самоубийстве, либо в стремлении к Богу (Небу, Дому в сакрализованном смысле, молитве за лирического героя), Другому (к *родной*, к сестре, природе, детям). Ср. в Библии *тоска* побеждается молитвой, так как человек без Бога не может выйти из этого состояния: ветхозаветный богоотступник Саул заканчивает жизнь самоубийством.

В зеркале концепта *тоска* в индивидуально-авторских концептах Ф. Достоевского «бедные люди» и «мечтатель» выделяются семы ‘лишенности’, ‘стремления к власти над к./ч.-л.’, ‘близости интеллектуальной деятельности тоске’, ‘отсутствия устремленности к к./ч.-л.’. В этих концептах происходит разделение по гендерному признаку (персонификация *тоски* Девушкиным – *тоска* как состояние у Вареньки; свойственность *тоски* Мечтателю – отсутствие *тоски* в дискурсе Настеньки). Для Мечтателя характерно семантическое «продолжение» метафоры (МФ) РЯКМ «*тоска*-удушливая атмосфера» в виде «*тоска*-облако», сжимающее сердце и заслоняющее солнце (Бога?). Это одна из реализаций известной концептуальной МФ Ф. Достоевского человек-Вселенная.

В дискурсе С. Есенина есть отчетливый «вертикальный контекст» на концептуальную картину мира Ф. Достоевского: МФ «человек-цветок», сопряженность *тоски* с дорогой, бунтом; необъективность видения мира («неузнанность» Христа) в *тоске*, насмешки окружающих как одна из причин

тоски; один из выходов из *тоски* – творчество. Есенинская связь *тоски* с тюрьмой и самоубийством коррелирует с образами позднего Ф. Достоевского (Раскольников, Ставрогин и др.). «Полюбить *тоску*» у Есенина – эвфемизм смерти через повешение (наказание за убийство, неизбежно совершенное лирическим героем, несмотря на его мечту о «чистоте сердца»).

Мечтатель Ф. Достоевского, таким образом, – одна из ипостасей С. Есенина (ср. также стихотворения «Мечта», «Кто я, что я? Только лишь мечтатель…», «Цветы» и др.).

Для С. Есенина *тоска* – неотъемлемая часть Руси, без любви к ней невозможно понять русского человека. Это ощущается белорусскими переводчиками и передается более частой, нежели в оригиналах, употребительностью слов лексико-семантической группы (ЛСГ) ‘печали’ в текстах переводов.

В белорусском языке однозначного эквивалента исследуемому концепту нет, словарная статья лексемы в двуязычных словарях включает перечисление всех белорусских слов ЛСГ “печали”: *журыцца*, *маркоціцца*, *нудзіцца*, *смуткаваць*, *смуціцца*, *сумаваць*, *тужыць*. Связь некоторых белорусских глаголов исследуемого поля с инфернальными силами зафиксирована в наивной картине мира белорусского языка: фразеологизмы *Каб цябе смуткі ўзялі;* название лихорадки — *смутніца*. В то же время коррелята *тоски* по тяжести, мучительности, беспокойности и бесплодности состояния у белорусов нет: *журба*, *скруха*, *смутак* и *туга* могут быть *лёгкімі*; *журба*, *скруха*, *смутак*, *сум* и *туга* — *светлымі; журба*, *смутак*, *сум* и *туга* — *мяккімі*; среди эпитетов, невозможных по отношению к *тоске*, назовем еще *прыемны*, *пяшчотны*, *спакойны*, *цёплы*. *Журба*, *смутак* и *сум* связаны с творчеством: они *паэтычныя*, *элегічныя*, а *сум* еще и *творчы*.

В белорусском языке корреляты, не адекватные, но соотносимые по значению с *тосковать*, также имеют сему ‘пустоты’ и развивают управление *сумаваць*, *тужыць* и др. па + М. Только для русского языка характерна синекдоха *руки/пальцы/ноги тоскуют по* + *Д/П*, то есть по привычной, любимой работе.

Белорусский глагол *смуткаваць* очень редко, но может иметь управление *пра + В*, то есть принимать делиберативный объект. Некоторые словари дают с пометой “рэдка” при белорусских глаголах объект *аб + М*, но он отсутствует в ряде справочных изданий и, скорее всего, является русизмом.

В белорусских переводах произведений Ф. Достоевского “Бедные люди” (пер. Я. Плащинский), “Белые ночи” (пер. Л. Соловей, А. Коляда) и поэзии С. Есенина (пер. В. Дубовка, Ю. Гаврюк, М. Калачинский, Р. Барадулин, А. Кулешов, А. Бачила, Е. Янищиц, Е. Миклошевский, В. Лесненя, Ю. Свирка, В. Жукович, А. Кирикович, А. Глобус) концепту *тоска* соответствует ряд разнокоренных лексем. Некоторые из них не относятся к ЛСГ ‘печали’ и передают контекстный смысл, в результате чего возникает семантический сдвиг. В отдельных случаях вводится окказиональное управление либо часть текста опускается. Тяжесть состояния *тоски* эксплицируется словами ЛСГ ‘смерти’.

Качественные несовпадения в концептосферах русского и белорусского языков в части исследованных концептов решаются переводчиками

1) в количественном плане: в переводных текстах С. Есенина более часто, нежели в оригиналах, употребляются слова лексико-семантической группы ‘печали’;

2) передачей «актуального», ближайшего смысла;

3) отсутствием или заменой соответствующего периода предложения.

Необъяснимый «русский дух» при концептуальном анализе получает свое «материальное» выражение и возможность «измерения».

Для правильного прочтения художественных текстов людьми другой культуры важно изучить и правильно передать концептуальную картину мира писателя, изыскивая средства для перевода национальных концептов.

Литература

1. *Вежбицка, А*. Судьба и предопределение// Путь: Международный философский журнал.— 1994, № 5.– С.82-150.

2. *Димитрова, Е.В*. Тоска // Антология концептов. Том 1. – Волгоград, 2005. – С. 272-278.

3. Краткий словарь когнитивных терминов/ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац; под общ. ред. Е.С. Кубряковой.– М, 1997.
4. *Огнева, Е.А*. Полицентрическая линейка внутритекстовых сцен как способ репрезентации явлений природы (на материале рассказа Ю. Казакова «Тихое утро» на русском и французском языках) // Вестник Харьковского национального университета. Вып 67, №972. – Харьков, 2011. – С. 81-91.

М.С. Качур

(Мозырь, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ

(на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков)

Целью данной работы является выявление соотношения типов семантического переосмысления и видов содержательных характеристик цветонаименований в структуре фразеологического значения с типами концептуальных связей.

Ключевые слова: цветонаименование, тип семантического переосмысления, вид содержательных характеристик, концептуальная связь.

The purpose of the given work is to reveal the correlation between the types of semantic transformation and the kinds of content characteristics of colour names in the structure of phraseological meaning and the types of conceptual relations.

Keywords: colour name, a type of semantic transformation, a kind of content characteristics, conceptual relations.

Рассмотрение языка как функционального проявления когнитивной деятельности человека ложится в основу интерпретации глубинных механизмов человеческого познания [1; 2 и др.]. Номинативные акты в языке самым непосредственным образом открывают осмысление носителями языка реального мира. Они фиксируют результаты актуального членения сознанием объективной действительности, отражают существенные для человека и социума связи и отношения между предметами, явлениями, реальными и идеальными объектами, и передают особенности национального мировосприятия.

Мы исходим из положения о принципиальном единстве семантических компонентов значения и психологической основы ассоциаций (слова-ассоциаты возникают в сознании на основе сходства или смежности по каким-либо признакам) [4; 6 и др.]. Сущностные свойства внеязыковых реалий (предметов), явлений, свойств, признаков имеют модельное отображение в существенных признаках языковых наименований (по их сходству, смежности, функции, назначению и т.д.) [1]. «Эти свойства слов обусловливают, в конечном счете, и специфику их семантической структурации и референтный потенциал» [7. С. 136].

В применяемой в данном исследовании типологии содержательных характеристик наименований внутрисловные связи (признак, положенный в основу вторичной номинации) интерпретируются в соотношении с концептуальными связями, отражающими их природную (естественную) связь с действительностью. М.В. Никитин отмечает, что «содержательные связи – это те же концептуальные связи, то есть связи понятий и представлений. Объективным основанием концептуальных связей являются связи сущностей объективного мира и общности сущностей объективного мира по наличным признакам» [5. С. 67]. Соответственно признаки семантической структуры наименований, положенные в основу вторичной номинации фразеологических единиц (ФЕ), рассматриваются в работе как представления в языке опытной (перцептивной) и понятийной (концептуальной) картин. Например, в следующих ФЕ англ. *the green men* – ‘легендарные обитатели лесов’; нем. *die grüne Grenze* – ‘государственная граница, проходящая по природным рубежам’; рус. *зелёный друг* – ‘деревья, лес, зеленые насаждения’; бел. з*ялёныя харомы* – ‘лес’ прослеживается связь признака цветонаименования «зелёный», положенного в основу фразеологического значения данных ФЕ, с естественной средой, окружающей действительностью – зелёной растительностью. Признак цветонаименования реализует в значении данных ФЕ референтно-прототипическую отнесенность цветонаименования «зелёный» с растительностью, знания чего представляют собой данные предметной сферы опыта концептуального содержания поля «цвет».

Как логическая предпосылка семантической деривации выступает способность человека видеть и находить всевозможные признаковые связи между предметами и явлениями действительности (аналогию, смежность, связь и т.д.). Ассоциативно-образная связь свойств и признаков познаваемых предметов осуществляется по когнитивным моделям [3]. Когнитивные модели обеспечивают свойство понятий переходить друг в друга, формироваться на основе прежде познанного и отображать многочисленные категориальные признаки осваиваемой человеком действительности, использовать человеческий опыт, особенности восприятия и воображения. Например, формирование фразеологического значения вышерассмотренных примеров произошло по когнитивной модели «цвет → класс референтов» вследствие следующих концептуальных связей «окружающая действительность (растительность зелёного цвета) → прототипический признак – зелёный → зелёный = растительность».

Выделенные нами на материале фразеологических единиц с компонентом цвета (ФЕКЦ) в английском, немецком, русском и белорусском языках следующие типы семантического переосмысления цветонаименований в структуре фразеологического значения: **1) импликационный** (например, англ. *the green Island*; нем. *die Grüne Insel* – ‘зеленый остров (название Ирландии)’; рус. *зелёное мыло*; бел. *зялёнае мыла* – ‘жидкое мыло, зеленовато-бурого цвета, употребляемое для специальных целей’); **2) гипонимический** (например, бел. *цёмны ды чорны* – ‘темноволосый человек’); **3) симилятивный** (например, англ. *black devil;* нем. *der schwarze Mann; der schwarze Ritter* – ‘злой дух-искуситель’; рус. *черный шут*; бел. *чорны, як чорт*) и соответствующие им виды содержательных отношений цветонаименований (**простая импликация** (например, англ. *white meat* – ‘белое мясо (свинина, телятина, курятина)’; нем. *blaue Bohnen* – ‘пули, свинцовый горох’; бел. *белае мяса* – ‘курынае мяса або цяляціна’; рус. *белое серебро* – ‘чистое, не содержащее заметного количества лигатуры, т. е. иного металла’), **причинно-следственные** (например, англ. *green goods* – ‘свежие овощи’; нем. *grünes Gemüse* – ‘свежие

овощи’; рус. *зеленый горошек;* бел. *зялёны гарошак* – ‘молодой сушеный горох, для отличия от серого, зрелого’), **каузативные** (например, нем. *rot anlaufen* – ‘покраснеть, залиться краской’ ; англ. *turn red in the face* – ‘покраснеть’; бел. *аж спіна пачырванела* – ‘покраснеть до корней волос’), **индикативные** (например, англ. *red tab* – ‘штабной офицер, штабист’; *den grauen Rock anziehen* – ‘пойти в солдаты’; *сінія мундзіры* – ‘царская полиция’; рус. *коричневые рубашки* – ‘нацистские штурмовики’) и **контракционные отношения** (например, нем. *der weiße Sport* – ‘зимний (со снегом) спорт’; англ. *white Christmas* – ‘Рождество со снегом’; рус. *белые мухи (до белых мух)*; бел. *белыя мухі (да белых мух)* – ‘снег, снежинки; о падающем снеге’), а также **гипонимические отношения** (например, нем. *weißer (grauer) Schrecken* – ‘страх, ужас’; англ. *blue fear/funk* – ‘паническое состояние, паника, испуг, замешательство’; рус. *позеленеть от зависти* – ‘очень завидовать’; бел. *ззелянець як зялёнка* – ‘очень рассердиться’), и **сравнение-классификация** (например, *as white as chalk (as driven, as milk, as snow, as wool)* – ‘белый как снег, белоснежный’; рус.: *красен, как солнышко*; бел.: *белы, як лебедзь*), **сравнение-аналогия** (например, нем. *blau sein wie ein Veilchen* – ‘пьяный в стельку’; англ. *blush like a black (blue) dog* – ‘потерять способность краснеть’; рус. *родился сын, как белый сыр*; бел. *чорны рот, як у ліхого сабакі* – ‘злой’), **онтологическая метафора** (например, англ. *white horses; white caps (или horses); white water*; нем. *die weiße Hunde* – ‘белые барашки (пена на гребнях волн)’; рус. *по Волге беляк ходит, белячок играет, расходился* – ‘белая волна, пена, завой, кудри на волне, белоголовец, барашки, зайчики’), **синестезическая метафора** (например, англ. *white noise* – ‘белый шум’), **эмоционально-оценочная метафора** (например, англ. *black (bad, evil or guilty) conscience* – ‘нечистая совесть’; нем. *eine schwarze Seele* – ‘у кого-л. черная душа’; рус. *черная душа* – ‘дело, дурное, худое, злое, бессовестное’;)) соответствуют двум принципиально различным способам отображения действительности в сознании: импликации и классификации [5].

Импликационные связи – это когнитивный аналог реальных связей

сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей, их смежность. Импликационные связи являются языковым отражением ментальных процессов, репрезентирующих когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимосвязей, взаимодействий. Импликация – это ассоциирование концептов как отражение совместной встречаемости, линейной зависимости сущностей вещей и признаков.

Связи гипонимического и симилятивного типа – это мыслительный аналог распределения признаков в вещах, их классификация. Объективной основой классификационных связей понятий и значений являются общности сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам, устанавливаемых в сознании [5].

Соотношение типов семантического преобразования цветонаименований в структуре значения фразеологических единиц с типами когнитивной обработки информации, поступающей из окружающей действительности, представим в таблице 1.

таблица 1

Соответствие типов семантического преобразования типам когнитивных связей

Тип семантического преобразования	Тип когнитивной связи
Импликационный	Импликация
Гипонимический	Классификация
Симилятивный	

Таким образом, в результате изучения фразеологических единиц с компонентом цвета в английском, немецком, русском и белорусском языках нам удалось установить, что на уровне вторичной номинации цветонаименования в структуре фразеологического значения характеризуются варьированием содержательных отношений в соответствии со следующими типами семантического преобразования: импликационным, гипонимическим и симилятивным. Внутри импликационного типа семантического преобразования цветонаименований в структуре фразеологических единиц выделены следующие

содержательные отношения цветонаименований: простая импликация, причинно-следственные, каузативные, индикативные и контракционные отношения. Гипонимический тип семантического преобразования цветонаименований позволяет охарактеризовать связи содержательных характеристик цветонаименований как результат иерархических родо-видовых отношений типа «категория цвет → базовые цветовые категории (красный, белый, чёрный и др.) → цветовые оттенки» и «цветовая категория → нивелирование лексического содержания исходного значения цветонаименования → номинация наивысшей степени проявления признака». Семантический тип преобразования цветонаименований симилятивного характера предстаёт в виде сравнения и метафоры. Метафора, в свою очередь, подразделяется на онтологическую, синестезическую и эмотивно-оценочную.

Обнаружено, что типы семантических преобразований, их содержательные отношения соответствуют типам когнитивных связей и их когнитивным признакам, которые являются содержательными компонентами цветовых концептов и участвуют в структурировании опыта.

Литература

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008.

2. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – С. 18–35.

3. *Лакофф, Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – С. 12–52.

4. *Леонтьев, А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997.

5. *Никитин, М.В.* Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1988.

6. *Телия, В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.:Языки русской культуры, 1996.

7. *Телия, В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981.

Ю.Е. Козлова

(Минск, Беларусь)

ВНЕШНИЕ ГРАНИЦЫ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

Настоящее исследование ставит целью определение внешних границ категории модальности посредством ее разграничения со смежными явлениями. Приводятся обоснования того, что такие языковые явления как эмотивность, экспрессивность, эвиденциальность, миративность, предикативность, оценочность и утверждение/отрицание представляют собой самостоятельные категории с присущими им свойствами, отличными от категории модальности.

Ключевые слова: категория, модальность, значение, границы, явление, действительность, отношение, предикативность, эвиденциальность, миративность, утверждение, отрицание, оценочность, экспрессивность, эмотивность.

The article aims at determining the outer boundaries of the category of modality. It illustrates the differences of the linguistic modality from other linguistic phenomena such as emotivity, expressivity, evaluativity, evidentiality, mirativity, predicativity and affirmation/negation. It proves that the above mentioned phenomena should be viewed as separate linguistic categories with their own meanings and functions.

Key words: category, modality, meaning, boundaries, phenomenon, reality, relation, predicativity, mirativity, negation, affirmation, evaluativity, evidentiality, expressivity, emotivity.

Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных исследованиям категории модальности, данное явление и по сей день остается terra incognita для современной лингвистической науки в силу отсутствия однозначных ответов на вопросы, касающиеся природы категории модальности, ее составляющих, ее инварианта, системы средств ее выражения и взаимоотношения данной категории с другими языковыми категориями, а также ее границ.

Для того чтобы дать адекватное определение категории модальности, необходимо прежде всего обозначить внешние и внутренние границы данного явления. Под внешними границами мы понимаем отношение модальности к таким семантическим явлениям как предикативность, эвиденциальность, миративность, утверждение/отрицание, эмотивность, экспрессивность и др.

Главный вопрос – представляют ли они самостоятельные категории или являются атрибутами модальности. Здесь мы рассмотрим явления, вызывающие наибольшее количество разногласий среди лингвистов и попытаемся доказать, что они представляют собой отдельные языковые категории и не входят в сферу модальности.

Значение утверждения/отрицания некоторые ученые относят к модальности, поскольку отрицание обозначает ирреальность события в противовес реальности, на которую указывает утвердительная форма высказывания [9]. Мы придерживаемся точки зрения Н.Ю. Павловской [5], что в основе аффирмативности / негативности лежит оценка говорящим отношения между предметом и его признаком. Таким образом, высказывания, содержащие в себе отрицание или утверждение, просто по-разному отражают представления говорящего о мире. Другими словами, если отрицается что-либо, это вовсе не означает, что оно не существует или не может стать реальностью. В некоторых ситуациях можно даже сказать, что отрицание есть утверждение противоположного или наоборот. Например, утверждая, что книга неинтересная, мы отрицаем, что она интересная. Верным представляется и замечание М. В. Зайнуллина, что значения утверждения/ отрицания «присущи всем функциональным типам предложений, содержащим разные модальности» [4. С.11]. Таким образом, на основании вышесказанного следует исключить значение аффирмативности / негативности из сферы модальности.

Эмотивность, экспрессивность и оценочность часто не разграничиваются некоторыми исследователями в силу смежности данных явлений и возможности их одновременной реализации в одном и том же высказывании. По мнению В.Г. Гака [3], эмоциональность, экспрессивность и оценочность представляют собой отдельные категории, так как они характеризуют одно и то же высказывание с разных сторон. Эмотивность отражает эмоциональный фон говорящего, экспрессивность же ставит целью усилить воздействие на слущающего, убедить, удивить его и т.п. Одним из средств реализации экспрессивности как раз и выступает эмотивность. Эмотивность и

экспрессивность не правомерно включать в сферу модальности, поскольку в основе данных явлений лежит эмоция, то есть форма чувственного отражения действительности, в то время как модальность представляет собой категорию, соотносимую с процессом мышления. Высказывание может быть эмоционально нейтральным, но оно обязательно «включает в себя как существенный конструктивный признак модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [2. С. 55].

Пожалуй, наибольшее количество споров вызывает соотношение категории модальности и предикативности. Одни ученые рассматривают предикативность как более широкое явление, то есть как взаимодействие модальности времени и лица. Именно такой предстает категория предикативности у В.В. Виноградова [2]. Авторы Русской грамматики [6] трактуют предикативность как категорию, образованную синтаксическими наклонениями, несущими объективно-модальные значения реальности и синтаксическими наклонениями, несущими объективно-модальные значения ирреальности. В таком случае предикативность выступает в качестве структурной схемы предложения. Некоторые авторы не дают четких критериев для различения модальности и предикативности, утверждая, что их можно разграничить только теоретически, а фактически они тесно переплетаются в предложении и не могут противопоставляться друг другу. В.А. Белошапкова [1] относится к той группе лингвистов, которые рассматривают предикативность как более узкое явление внутри модальности, которое трактуется как комплекс значений, в который входит характеристика действия как реального или ирреального и значение времени. По мнению некоторых ученых, предикативность означает лишь наличие глагольного предиката в предложении и поэтому факультативна по отношению к обязательному признаку предложения − модальности [9]. Наиболее обоснованной нам представляется точка зрения исследователей, которые считают модальность и предикативность отдельными, но взаимозависимыми категориями [5]. Предикативность выражает пропозитивные отношения (соотнесение субъекта с предикативным

признаком), а модальность реализует оценку говорящим событий, отраженных в пропозиции [5. С. 32].

О категории эвиденциальности (засвидетельствованности) в настоящее время ведется много споров: одни исследователи говорят о том, что эвиденциальность не является языковой универсалией и отсутствует в большинстве индоевропейских языков [8], другие же утверждают, что категория эвиденциальности обнаруживает себя в индоевропейских языках, несмотря на то, что в большинстве из них отсутствуют ее грамматические показатели [7]. Под эвиденциальностью понимается подтверждение говорящим релевантности сообщаемой информации и указание на источник, из которого она получена [8; 10]. Часто эвиденциальность включают в сферу эпистемической модальности, которая выражает степень уверенности говорящего в истинности сообщаемого [10]. Мы считаем, что эвиденциальность и модальность являются отдельными самостоятельными категориями, так как они, во-первых, передают разные значения, а, во-вторых, эвиденциальность имеет свои дистинктивные грамматические показатели, например, в большинстве тибето-бирманских и американских языках и никак не связана с модальностью [8]. Если признать наличие категории эвиденциальности в индоевропейских языках, то она, в любом случае, будет факультативна по отношению к модальности [7].

Миративность выражает противоречие между информацией, которой обладает говорящий и новой информацией, которая в большинстве случаев оказывается неожиданной и вызывает удивление говорящего. Миративность является самостоятельной категорией, так как в ряде тибетско-бирманских и индейских языков она обладает своими грамматическими показателями, которые отличны от маркеров модальности и эвиденциальности [8]. Данная категория отсутствует в большинстве индоевропейских языков, поэтому лексические средства, выражающие значение, близкое миративности, часто относят к показателям эвиденциальности (например, в болгарском).

Таким образом, отбросив все вышеперечисленные явления, как не входящие в сферу модальности, мы можем отметить следующие имманентные свойства категории модальности: она всегда выражает отношение, то есть выступает в качестве квалификативной категории; являясь конституирующим компонентом любого высказывания, модальность характеризует язык как средство коммуникации, то есть служит коммуникативным квалификатором; поскольку модальность соотносит высказывание с моментом речи, она может быть определена как актуализационная категория.

Литература

1. *Белошапкова, В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977.
2. *Виноградов, В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975.
3. *Гак, В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.
4. *Гатина, Р.Г.* Модальность возможности и невозможности и средства ее выражения (на материале башкирского языка): автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.02; БашГУ. – Уфа, 2007.
5. *Павловская, Н.Ю.* Категория модальности в современном белорусском языке: когнитивная структура, функциональный статус, средства выражения: дис. …д-ра. филол. наук: 10.02.01; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2002.
6. Русская грамматика: в 2т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980-1982. – 2 т.
7. *Ханзен, Б.* Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст.; отв. ред. В.С. Храковский. – СПб: Наука, 2007. – С. 241-253.
8. *Aikhenvald A.Y.* Evidentiality. − Oxford: Oxford University Press, 2004.
9. *Jahangirov, F.* The Investigation of Modality in Germanic Philology and Turkology F. Jahangirov. – Baku: Azerbaijan University of Languages, 2001.
10. *Palmer, F.R.* Modality and the English Modals. – London: Longman, 1990.

Т.Н. Куренкова

(Красноярск, Россия)

МИКРОПОЛЕ «ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕДЫ» ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЕДА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ, А.П. ЧЕХОВА, М.А. БУЛГАКОВА

В данной статье дается классификация лексики художественных произведений с точки зрения полевого подхода. Представлена структура лексико-семантического поля «Еда» в целом и одного из его микрополей – «Характеристики еды».

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, микрополе, дифференциальные признаки, лексема.

This article deals with the micro field “Characteristics of food” in the lexico-semantic field “Food”. The article contains the detailed description and the structure of the lexico-semantic field “Food” and the analysis of major class features in the micro field “Characteristics of food”.

Key words: lexico-semantic field, micro field, major class features, lexeme.

Объектом исследования в настоящей статье является лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова. Цель исследования – рассмотрение структуры микрополя «Характеристики еды» лексико-семантического поля (ЛСП) «Еда» в произведениях данных авторов.

Представители разных культур и народов по-своему реконструируют языковую картину мира. Читая произведения авторов разных стран и эпох, мы не можем не столкнуться с описанием тех или иных продуктов питания, блюд, посуды, кухонной утвари, застолий, пиров, званых обедов и т.д., что является совершенно естественным, так как тема еды актуальна для каждого человека на любом историческом этапе развития общества.

«Прием пищи в народной традиции является далеко не "физиологическим" актом, а жестко регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями, нередко являясь составной частью семейных, календарных, хозяйственных и окказиональных обрядов» [1, С. 10].

В ходе исследования в результате анализа фактического материала, отбор которого проводился способом сплошной выборки соответствующей лексики из произведений Н.В. Гоголя «Мертвые души», А.П. Чехова «Глупый француз», «Свадьба с генералом», М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце» был сделан вывод, что в ЛСП «Еда», содержащем в целом 832 лексемы, можно выделить два микрополя: «Пища» и «Напитки». Первое крупное микрополе распадается на два подполя с ядрами: а) блюда, б) способы приготовления и приема пищи.

Подполе «Блюда», в свою очередь, делится на ряд микрополей: «Первые блюда», «Вторые мясные блюда», «Вторые рыбные блюда», «Дичь» и др. Анализ фактического материала показал, что подполе «Блюда» составляет 28 % от общего количества представленных лексем с семантикой еды.

Подполе «Способы приготовления и приема пищи» подразделяется на: «Способы приема пищи и напитков», «Предприятия общественного питания», «Обобщенные названия еды», «Время приема пищи», «Характеристики еды» и др. Данное подполе содержит 59 % от общего количества лексем с семантикой еды.

Микрополе «Напитки» включает в себя 2 подполя: а) алкогольные напитки и б) безалкогольные напитки. В свою очередь, подполе «Алкогольные напитки» содержит 2 микрополя: «Вина» и «Водки». Микрополе «Напитки» составляет примерно 7 % от общего количества лексем с семантикой еды.

Таким образом, из вышеприведенной статистики следует, что представленные микрополя значительно отличаются по объему: микрополе «Пища» составляет 87 %, а микрополе «Напитки» – всего 7 % от общего количества слов из ЛСП «Еда». 6 % составляют лексемы, относящиеся к микрополю «Miscellanea», которое находится на периферии ЛСП «Еда».

Выше мы рассмотрели общую структуру ЛСП «Еда», но в нашем исследовании большее внимание уделяется исследованию каждого микрополя ЛСП «Еда» в целом с целью выделения дифференциальных признаков, характерных для того или иного микрополя. Кроме того, рассматриваются

лексемы данных микрополей с точки зрения стилистики. Ниже приведем пример исследования одного из микрополей ЛСП «Еда».

Микрополе «Характеристики еды» состоит из 37 лексем, что составляет примерно 4,4 % от общего числа лексем ЛСП «Еда», 5,1 % лексем микрополя «Пища». Данное микрополе является шестым по величине в подполе с ядром «Способы приготовления и приема пищи» и включает в себя 7,5 % лексем от общего числа лексем данного подполя. Лексические единицы микрополя «Характеристика еды» могут быть дифференцированы на основе следующих признаков: наличие запаха, качество продукта (пищи), объем (вес) пищи (куска), вкус пищи, температура пищи, наличие термической обработки, интенсивность окраски, способ термической обработки, интенсивность вкуса. Далее приведем примеры.

Наличие запаха

С приятным запахом	*С неприятным запахом*	*С естественным (присущим еде)*
душистый	вонючий	пахнущий раками

*Но, прожевав **душистое,** сочное мясо, буфетчик едва не подавился и не упал вторично. (ММ 188)*

Качество продукта (пищи)

Хорошего (высокого) качества	*Плохого (низкого) качества*
лакомый	испорченный

*А если осетрина второй свежести, то это означает, что она **тухлая!** (ММ 187)*

Объем (вес) пищи (куска)

С большим объемом(весом)	*С маленьким объемом(весом)*
толстый кусок	тонкими ломтиками нарезанная семга

*Псу достался бледный и **толстый** кусок осетрины, которая ему не понравилась, а непосредственно за этим ломоть окровавленного ростбифа. (СС 107)*

Вкус пищи

Кислая	*Сладкая*	*Острая*	*Соленая*
кислые щи	сладкий как сахар	острая закуска	солоно

*Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с **острой** и горячей закуской. (ММ 69)*

Температура пищи

Горячая	*Холодная*
огненный борщ	холодная телятина

*А Пелагея Антоновна внесла дымящуюся кастрюлю, при одном взгляде на которую сразу можно было догадаться, что в ней, в гуще **огненного борща**, находится то, чего вкуснее нет в мире, - мозговая кость. (ММ 235)*

Наличие термической обработки

Подвергшиеся термической обработке продукты	*Не подвергшиеся термической обработке продукты*
пареный	сырой

*- Право, у вас душа человеческая все равно, что **пареная** репа. (МД 97)*

Интенсивность окраски

С интенсивной окраской	*С неинтенсивной окраской*
окровавленный ростбиф	бледный кусок

*Псу достался **бледный** и толстый кусок осетрины, которая ему не понравилась, а непосредственно за этим ломоть окровавленного ростбифа. (СС 107)*

Способ термической обработки

Термическая обработка с добавлением воды	*Термическая обработка без добавления воды*
маринованный	выпеченный

*Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые **маринованные** грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом ювелиршином графинчике. (ММ 69)*

Интенсивность вкуса

С нормальной интенсивностью	*Со слишком большой интенсивностью*
сладкий как сахар	приторный

- И знаете, Павел Иванович! - сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже ***приторное,*** *подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента. (МД 24)*

Данное микрополе содержит 30 стилистически нейтральных лексем. К разговорному стилю принадлежат 4 лексемы. В переносном значении употреблены 3 лексемы. Одна лексема не только употреблена в переносном значении, но и принадлежит к разговорному стилю. Одна лексема является устаревшей.

Приведенное выше описание только одного микрополя «Характеристики еды» в ЛСП «Еда» дает представление о возможных масштабах семантических исследований лексики художественных произведений отдельных авторов, а также всей лексической системы в целом.

Литература

1. *Березович, Е.Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. №6. - С. 3-23.

Список сокращений названий источников

МД – Гоголь, Н.В. Мертвые души. - М., 1985.

ММ – Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита.- Новосибирск, 1993.

СС – Булгаков, М.А. Собачье сердце // *Булгаков, М.А.* Две повести, две пьесы.- М.,1991.

Ю.С. Курилкина

(Рязань, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕВЕНТИВА

Наша статья посвящена выявлению закономерностей семантической организации превентива. В ней рассматриваются факультативные смысловые компоненты превентивных высказываний (агенс, элементив, бенефициатив, объект действия) и описываются семантические модели превентива, выделяемые на основании включения данных

компонентов в ядерную семантическую модель превентива. В заключение делается вывод о том, что факультативные смысловые компоненты сообщают предостережению дополнительные семантические оттенки (опасение, приказание, требование, просьба, угроза).

Ключевые слова: превентив, семантика предостережения, семантическая структура, семантическая модель, превентивное высказывание, превентивная конструкция, превентивный компонент.

In the article the mechanism of the semantic organization of preventive is analyzed. The facultative components of preventive expressions are examined and semantic models are described. The conclusion is made that facultative components have additional meanings (order, demand, request, threat).

Key words: preventiv, preventive semantic, semantic organization, semantic model, preventive expression, preventive construction, preventive component.

Вопросы семантики превентивных высказываний относятся к числу малоразработанных в лингвистической литературе. В семантическом плане превентив представляет собой особую интерпретацию значения волеизъявления, возникающую в результате взаимодействия этого значения с ситуацией в процессе речевого акта.

Семантическая структура превентива обладает несколькими характерными особенностями. Во-первых, для ситуации предостережения обязательно наличие двух участников коммуникативного акта – говорящего (предостерегающего) и слушающего (предостерегаемого), что находит отражение в семантической организации превентивных высказываний. Во-вторых, в структуру плана содержания превентива входят два предиката: действие и предикат предостережения (превентивный компонент). В-третьих, многообразие структурно-семантических типов и функциональных разновидностей предостережения обусловливает существование нескольких групп превентивных конструкций (ПК), каждая из которых обладает собственной семантической структурой. То есть в плане содержания превентива можно выделить несколько ***семантических моделей***.

Отличительной особенностью семантической структуры превентива является включение аргумента, который В.В. Богданов обозначает термином

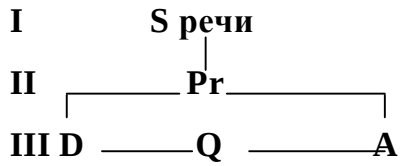
бенефициатив [1. С. 53]. Это одушевленный аргумент, выступающий в функции того, кто может попасть в неприятную ситуацию, подвергнуться опасности, в ущерб кому может совершиться действие.

Семантическая организация превентива содержит обязательные компоненты (семантемы *субъекта речи* (предостерегающего), *адресата* речи, *возможного последствия*, *предикат действия*, *предикат предостережения)* и факультативные (семантемы *агенса* (одушевленного производителя действия), *элементива* (неодушевленного производителя действия) *объекта действия*, *пациентива* (одушевленного объекта действия), *бенефициатива*), наличие которых обусловлено ситуацией.

Для семантической организации превентивных высказываний характерна *трехуровневость*: I – уровень говорящего; II – уровень предостережения; III – уровень адресата, действия и последствия. Таким образом, семантическая структура превентива имеет сложное внутреннее строение.

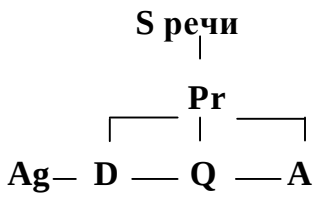
Опираясь на вышесказанное, структуру плана содержания превентива можно изобразить следующим образом (см. рис.1), где S речи – говорящий, Pr – превентивный компонент, D – действие, против совершения которого предостерегает говорящий, A – адресат, предостерегаемый, Q – возможное последствие действия.

рисунок 1



Такая структура представляет *ядерную семантическую модель*, отражает *семантический инвариант* превентива. Но она не является универсальной. В зависимости от того, какой из факультативных смысловых компонентов присутствует в превентивном высказывании, можно выделить восемь семантических моделей превентива (см. рис.2 – рис.9)

рисунок 2



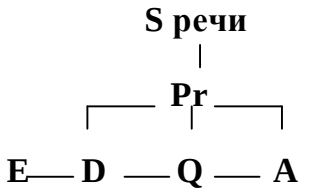
Данная модель отражает ситуацию, когда субъектом действия, могущего иметь нежелательные последствия, является не адресат, а другое лицо – *агенс* (Ag). В функции агенса в превентивном высказывании могут выступать:

а) говорящий (личное местоимение *я*): – *А покамест смотри, чтоб я тебе бородишки не вырвал! (А.С. Пушкин);* – *Смотри, чтоб я с тобой не побранился. (А.С. Пушкин).* В таких случаях ослабляется значение предостережения, появляется дополнительный оттенок *угрозы*.

б) лицо, не участвующее в процессе коммуникации, которое называется собственным или нарицательным *именем существительным,* выражается лично-указательными местоимениями *он*, *она*, *они*: Казарин. *Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал. (М. Лермонтов); – Смотри, Адам, – предостерегающе говорит Кратов. – Игнатий Игнатьевич не прощает таких фокусов. (А. Бек)*

Кроме того, производитель действия может быть не назван в тех случаях, когда он не определен или неизвестен. Тогда ПК приобретает оттенок *опасения*. Например: – *Как бы тебе на следующих выборах свинью не подпустили… (Н.Г. Гарин-Михайловский).*

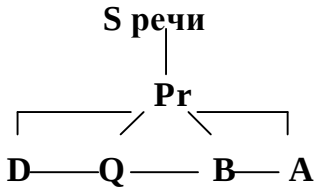
рисунок 3



В семантической модели, представленной на рисунке 3, Е – элементив, который характеризует семантему активного неодушевленного (обычно природного, стихийного) производителя действия [1. С.54] и выражается

нарицательным неодушевленным именем существительным: *Смотрите, чтоб холера не захватила вас при своем отступлении (Из письма А.С. Пушкина – М.Д. Деларю).* В превентивных высказываниях, реализующих данную семантическую модель, на значение предостережения наслаивается семантика *опасения*.

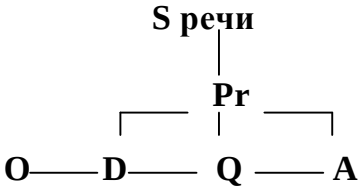
рисунок 4



В семантической модели на рисунке 4, B – *бенефициатив* [1. С. 53] – одушевленный аргумент, выступающий в функции того, в ущерб кому может совершиться действие. В результате неосторожного поведения адресата в неприятную ситуацию может попасть: а) лицо, не участвующее в разговоре: – *Гляди, траву чужую быками не потрави! – вслед ему крикнул отец (М. Шолохов)*; б) сам говорящий субъект (значение предостережения осложняется семантикой *просьбы*): – *Только смотри, отец мой, насчет подрядов-то: если случится муки брать <…>, так уж, пожалуйста, не обидь меня. (Н.В. Гоголь)*; в) адресат (ядерная семантическая модель, модели 1 и 2); г) адресат и третье лицо, не участвующее в процессе общения: *Кудряш. Только вы смотрите, себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите. (А.Н. Островский)*

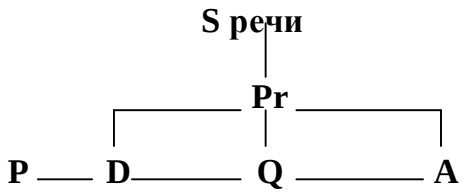
Таким образом, семантема бенефициатива может быть выражена собственным или нарицательным *именем существительным*, личными местоимениями *я, ты, вы* и их падежными формами, лично-указательными местоимениями *он, она, они* и их падежными формами.

рисунок 5



В семантической модели на рисунке 5, О – неодушевленный *объект действия* адресата. Он выражается, как правило, нарицательным именем существительным в форме винительного или родительного падежей. Например: *Тохонга. Лампу (в.п.) не раздави, лампу (в.п.)… (М. Булгаков); Не потеряй этих нот (р.п.). (Из письма А.С. Пушкина – П.А. Вяземскому).*

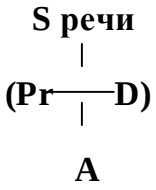
рисунок 6



В семантической модели, представленой на рисунке 6, Р – *пациентив* (одушевленный объект действия). Он выражается собственным или нарицательным именем существительным, личным местоимением в форме винительного падежа. – *Ты не убей ее, спаси бог… (А. Чапыгин); – Чш-ш! Тише, не разбуди соседей, - улыбнулась Варвара Михайловна. (К. Федин).*

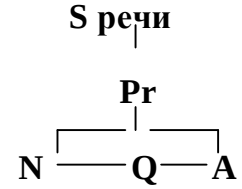
Семантические модели 2 – 7 соответствуют синтаксическим и морфолого-синтаксическим структурным моделям превентива. Особо следует остановиться на семантических моделях, отражающих лексико-синтаксическое эксплицирование и имплицирование семантики предостережения в речи.

рисунок 7



Семантическая модель, представленная на рисунке 7, реализуется в превентивных высказываниях, для которых характерно нерасчлененное, синкретичное выражение предиката действия и превентивного компонента: – *Берегись! – послышался испуганный крик солдата, и <…> в двух шагах от князя Андрея <…> негромко шлепнулась граната (Л.Н. Толстой); – Осторожно! Товарищ Чубарьков! – кричали комиссару снизу. (Л. Кассиль).*

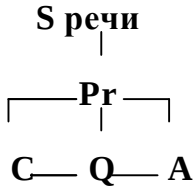
рисунок 8



В данной семантической модели (рис. 8), N – номинатив, выраженный нарицательным именем существительным или качественным именем прилагательным в форме именительного падежа. В первом случае *номинатив* обозначает *объект*, который является источником опасности, неприятности: – *Маркел, оглянись! – заорали в толпе. - Бык, бы-ык! (Б. Можаев); – Я на лесенку этаким шепотом: «Ростислав Васильич, хоронись скорей, куда можешь! Казаки!» (К. Федин)*

Во втором случае (рис. 9) – *качественный признак* объекта, делающий его опасным: *Острый! (о ноже) = Не обрежься!; Горячий (о супе) = Не обожгись!*

рисунок 9



С – состояние объектов окружающей среды, которое может стать причиной неприятностей для адресата. Превентивные высказывания, реализующие данную семантическую модель, встречаются очень редко и только в обиходно-бытовой речи, например: *На улице скользко! = Не упади! Не поскользнись! Там глубоко! (о глубоком месте реки) = Не утони!*

ПК, соответствующие моделям 8 – 9, имеют общие черты: 1) превентивный компонент выражается *имплицитно* – через конситуацию и с помощью ритмико-интонационных средств; 2) говорящий и адресат не названы, но известны из ситуации общения.

Таким образом, в организации плана содержания превентива прослеживаются следующие закономерности:

1. Включение факультативных смысловых компонентов в семантическую структуру превентива сообщает предостережению дополнительные семантические оттенки: опасения, приказания, требования, просьбы, угрозы.

2. Семантическая модель, реализуемая превентивным высказыванием, определяет его структурную специфику.

Литература

1. *Богданов, В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения.–Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

Н.А. Пескова

(*Рязань, Россия)*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕДЛОГА IN

Статья посвящена проблемам развития предложной семантики. Рассматриваются когнитивные механизмы, лежащие в основе семантических процессов, сопровождающих развитие значений предлогов.

Ключевые слова: предлог, семантический процесс, развитие значения, образная схема.

The article is devoted to problems of prepositional semantics. It focuses on cognitive mechanisms that underlie development of meaning.

Key words: preposition, semantic process, development of meaning, image scheme.

Исследование семантики предлогов, имея значительную историю, до сих пор не теряет своей актуальности. В настоящее время когнитивные методы дают новые возможности интерпретации семантических процессов, в том числе и механизмов развития значений слов релятивной семантики. В данной статье рассматривается концептуальная основа развития значений одного из наиболее частотных английских предлогов – предлога in.

Различные словари выделяют от 15 до 40 значений, сгруппированных в разделы, каждый из которых имеет внутреннее подразделение [4, 5]. Связь между некоторыми значениями далеко не всегда очевидна, как, например,

между локальным значением «in the room» *(в комнате)* и так называемым абстрактным значением «blind in one eye» (*слеп на один глаз)*. Однако именно когнитивная основа переноса значения объединяет все значения предлога, какими бы разнородными они ни казались. С этой точки зрения возможна группировка всех значений рассматриваемого предлога в три блока*:*

I. пространственный (с интегрирующим значением «расположение или местонахождения одного объекта в другом» (Где?));

II. временной (с интегрирующим значением «расположение события в пределах временного отрезка» (Когда?));

III. обстоятельственный (характеристика объекта через его состояние или действия через способ/условие/внешние обстоятельства его протекания (Как? В каком состоянии? При каких условиях/обстоятельствах?)).

Представление информации по предлогу *in* в словарях, как правило, начинается с пространственных значений, так как данная параметризация является концептуальной базой для дальнейшего формирования производных значений. Для рассматриваемого предлога концептуальной образной схемой (image scheme, по М. Джонсону) является схема контейнера. По мнению этого автора, противопоставление того, что находится внутри чего-то (in), тому, что находится вне чего-то (out), демонстрирует одну из базовых схем структурирования опыта, причем эта схема возникает «на уровне передвижения человека в пространстве, манипулирования вещами» [2. С. 29-30].

По мнению Е.С. Кубряковой, эту схему можно изобразить как нахождение или содержание одного объекта в другом, например, в виде включенных друг в друга объемов – побольше и поменьше. Поэтому «классическими», или «прототипическими», контейнерами являются вместилища с полыми пространствами для хранения и содержания чего-либо, а также естественные укрытия или впадины, резервуары, сосуды [1. С. 487].

Пространственный блок значений предлога in начинается именно с семантических вариантов, основанных на прототипической схеме контейнеров-вместилищ различного рода (значения 1-3):

Блок значений I: 1. неограниченное пространство (in the universe; 2. ограниченное пространство *(in the wood, field, street);* 3. любые вместилища, независимо от их размеров *(in the house, box).*

Метафорический перенос ↓

4. присущие человеку абстрактные представления *(in the army, navy, group);* 5. эмоциональная /ментальная сфера *(in thought, mind, opinion, memory, soul);* 6. сфера или степень проявления признака *(blind in one eye, broad in shoulders, rich in oil).*

Значения 4-6 данного блока иллюстрируют классическую модель метафорического переноса – с конкретной, доступной физическому восприятию схемы на схему абстрактную. В них слова, отражающие род занятий (*in the army*), сферу умственной деятельности или состояние (*in thought, in soul*) воспринимаются как имеющие протяженность. Эти понятия отражают ментальный опыт человека и также воспринимаются в виде неких концептуальных «вместилищ». Сходную трактовку находим у Дж. Лакоффа, который писал, что поле зрения человека мыслится как контейнер, в который разные вещи то попадают, то исчезают из него. Точно так же могут восприниматься и отношения людей: вступить в брак, впасть в немилость [3. С. 272-273]. Е.С. Кубрякова называет этот процесс «…перенесением базовой схемы по аналогии на более абстрактные сущности» [1. С. 481], что может иллюстрироваться значениями 4-5.

Еще большей степенью переосмысления характеризуется значение 6 – сфера или степень проявления признака, что обычно передается конструкцией с прилагательным*: blind in one eye, broad in shoulders, rich in oil.* Здесь концепт собственно вместилища переходит в другое измерение, превращаясь в концепт «замкнутый семантический участок», в пределах которого и дается характеристика объекта (богатый именно *нефтью*, а не *другими* полезными ископаемыми) или в степень проявления признака (слеп *на один*, а не на *оба* глаза).

Второй блок значений – временной – также является результатом метафорического переноса.

Проблема генезиса пространственных и временных понятий и языковых средств их выражения достаточно подробно описана в лингвистической литературе. Обычно отправной точкой служит философское утверждение о неразрывности пространства и времени, поскольку каждый предмет существует в двойной системе координат («здесь и сейчас»). Подобное развитие семантической структуры слова, когда пространственные отношения служат источником выражения отношений временных, даже принято считать языковой универсалией.

Таким образом, изоморфизм понятий/ концептов «пространство» и «время» приводит к использованию по аналогии одних и тех же единиц (в данном случае – предлога in) для обозначения сходных отношений.

Блок значений II: 1. В течение временного периода *(in the day time, in summer);* 2. через *(in a moment);* не позднее чем *(in less then seven days);* 3. в определённый срок *(in two days).*

Во всех временных значениях также прослеживается трансформация прототипической пространственной схемы: в качестве «контейнеров-вместилищ» мыслятся здесь отрезки времени *(в течение дня, через мгновение, за два дня).*

Следующая ступень метафорического переноса проявляется в блоке обстоятельственных значений, создаваемых при использовании предлога in с различными семантическими группами существительных:

Блок значений III: 1. собственно состояние (*in the dust, in the mud, in snow);* 2. состояние, выраженное через обозначение орудий, инструментов *(in chains, in fetters, in a rope);* 3. атмосферные и другие внешние условия *(in the rain, in light);* 4. физическое, умственное, душевное состояние *(in pain, deep in thought, in love);* 5. способ организации действия *(in pairs, in a row)*

Во всех обстоятельственных значениях также актуализируется концептуальная модель «нахождение объекта в {…}», но уже не в определенном месте и не во временном интервале, как в значениях блоков I-II, а в определенном состоянии (значения 1-4): *в грязи*, а не чистый, *в кандалах*, а не свободный, *под дождем*, а не на солнце и т.д. «Контейнер-состояние», аналогично «контейнеру-вместилищу» и «контейнеру-периоду» также предполагает возможность существование объекта как «внутри» состояния, так и вне его: *trees in snow, deep in thought.*

Помимо состояния, в качестве абстрактного контейнера может рассматриваться и способ организации действия (значение 5): именно *так* а не как иначе: *в ряд*, а не по кругу, не цепочкой.

Таким образом, когнитивной основой развития всех значений предлога in является общая прототипическая модель «контейнер». Семантика предлога in строится либо на прямом переносе значения, либо на его метафоризации. Реализация же общей концептуальной схемы зависит от именного компонента, определяющего тип значения как пространственный, временной или обстоятельственный.

Литература

1. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира /Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М: Языки славянской культуры, 2004.

2. *Johnson, M.* The Body in the Mind. The bodily basis of meaning, imagination and reason. – Chicago, 1987.

3. *Lakoff , G.* Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.

4. The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. – Oxford University Press, 4th edition, 1986.

5. Oxford Russian Dictionary. – Oxford University Press, 4th edition, 2007.

С.Б. Уланова

(Рязань, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИИ

В статье рассматриваются случаи перекатегоризации имён существительных в класс глагола. Показано, что грамматическая транспозиция может повлечь за собой функционально-стилистическую транспозицию. Делаются выводы об антропоцентрическом характере грамматической семантики.

Ключевые слова: перекатегоризация, стилистическая транспозиция, антропоцентрический характер грамматической семантики.

The article is devoted to the cases of re-categorization of nouns into verbs. It is shown that grammatical transposition may bring about stylistic transposition. Anthropocentric nature of grammatical semantics is revealed.

Key words: re-categorization, stylistic transposition, anthropocentric nature of grammatical semantics.

В настоящей статье рассматриваются особенности перекатегоризации полнозначных имен существительных в класс глагола. Предметом исследования являются глаголы, простые с точки зрения их деривационной структуры, образованные путем отыменной конверсии. Исследовалась категориальная, тематическая и стилистическая отнесенность как имен существительных, ставших источником конверсии, так и образованных от них глаголов. Подбор материала для анализа осуществлялся методом сплошной выборки из Cambridge Advanced Learner’s Dictionary [4], Longman Language Activator [7], Macmillan English Dictionary [8] (MED).

Описание и сравнение исходных и производных значений перекатегоризованных имен существительных осуществлялось с помощью Longman Dictionary of Contemporary English [6] (LDCE).

Необходимо уточнить, что мы придерживаемся определения конверсии, сложившегося в работах отечественных лингвистов А.И. Смирницкого, А.А. Уфимцевой, согласно которому конверсия трактуется как вид словопроизводства, в ходе которого образуются слова общего корня,

омонимичные производящим базам и отличающиеся от последних своими парадигмами, при этом парадигма слова служит словообразовательным средством [2, 3]. По словам Е.С. Кубряковой, исследование случаев межчастеречной перекатегоризации, и в частности деноминативных и деадъективных глаголов «…дает основание усматривать в них особые когнитивные структуры, отражающие знание об отношениях, существующих фактически между объектом и процессом, объектом и его признаками, объектом и другим объектом и т.п.» [1. С. 206]. При этом «…транспозиция ... оказывается такой операцией, которая позволяет добиться не только изменения в синтаксисе знака, но и, напротив, сохранения за знаком неких его семантических свойств», а производное, в свою очередь, – «это номинативный знак, сочетающий общекатегориальные значения исходного и результативного классов деривации и отражающий их в своей формальной и смысловой структуре расчлененным образом» [1. С. 65].

Анализ сплошной выборки имен существительных и прилагательных из словаря MED (1600 единиц) показал, что в класс глагола переходят слова, которые относятся к следующим номинативным полям, представляющим собой базисные, универсальные категории: человек (части тела (*to nose*); родственные отношения (*to mother*); личностные качества, характеристики (*to fool*); деятельность, общественные отношения (*to school*)); артефакты (*to hammer*)); еда (*to bread*); животные (*to chicken*); растения (*to rose*), явления природы (*to sun*), а также цвет (*to black*) и форма (*to round*). Полученные данные позволили заключить, что в структуре сферы транспонируемых существительных и прилагательных преобладают категории связанные с человеком, его физиологическими, психологическими, социальными и эмоциональными особенностями, с особенностями его восприятия, его деятельностью и поведением в обществе. Это, безусловно, является одним из проявлений антропоцентрического характера языковой семантики, в том числе и семантики грамматической, поскольку перекатегоризация – вопрос семантико-морфологический. Представленные категории относятся к

универсальным понятиям, составляющим основу общей когнитивной модели мира, [5; 9 и др]. Вне зависимости от происходящих со временем изменений лингвистического и экстралингвистического характера, прототипы данных категорий сохраняют стабильность и на протяжении длительного времени определяют течение процессов категоризации и номинации в языке.

Анализ двух тематических групп полнозначных существительных, обозначающих части тела и лица человека, а также названия животных показал, что в результате семантической перекатегоризации слов из одного лексико-грамматического класса в другой, реализуется семантический потенциал данных слов, и появляются приращения смысла. А именно, обнаруживается нейтральность и общеупотребительность исходного существительного, с одной стороны, и появление стилистических значений и оттенков у производного (отыменного) глагола, с другой. Так, необходимо отметить, что при переходе в другой лексико-грамматический класс, класс глагола, большинство слов становятся стилистически маркированными, сфера употребления большинства из них ограничивается неформальным стилем общения.

Анализ случаев перехода в класс глагола существительных, обозначающих названия животных показал, что 40% из группы наименований животных переходят в глагол. 75% отыменных глаголов являются функционально-стилистически отмеченными (*informal, spoken*). Все стилистически отмеченные отыменные глаголы, имеют ряд грамматических ограничений в употреблении: являются переходными – transitive – *duck, squirrel* или непереходными – intransitive – *rat, rabbit, chicken, hare, horse around/about*; либо употребляются в сочетании с предлогами (*monkey around/ about + with, hare + off/away, squirrel + away*), или являются фразовыми глаголами (*chicken out, duck out of sth, horse around/about),*используются только с наречием или предлогом (*hare*), или употребляются в пассивном залоге (*dog, cow*).

Анализ материала показал, что в другой лексико-грамматический класс переходят чаще всего существительные с более простой морфологической структурой, а также имеющие высокую частотность употребления в речи.

Среди группы наименований животных в класс глагола переходят преимущественно наименования домашних животных (60%), лишь 27% названий диких животных подвергается межчастеречной транспозиции. В группе перекатегоризованных названий диких животных преобладают наименования животных, обитающих в географической области страны языка (87%), по сравнению с названиями экзотических животных (13%). Это свидетельствует о том, что даже внутри устойчивой прототипической категории названий животных, человеком выделяются субкатегории – слова наиболее значимые, понятные, узнаваемые, а потому и более часто употребляемые в речи, обозначающие понятия с легко выделяемыми для них характерными, типичными признаками. Именно эти слова в дальнейшем перекатегоризуется, то есть служат целям номинации, выражению человеком себя, своих потребностей через язык, что, несомненно, является одним из проявлений человеческого фактора в языке.

Необходимо пояснить, что отсутствие функциональных помет в словаре у отыменных глаголов отнюдь не является показателем их стилистической нейтральности. Этому есть различное объяснение, как в частности то, что отдельные наименования гораздо раньше перешли в класс глагола по сравнению с остальными существительными, например, *cow, dog*. Полагаем, что все наименования животных, переходящие в класс глагола, являются прототипическими, поскольку за каждым из них закреплены определенные признаки прототипа, которые и служат основой для дальнейшего переноса. Исходя из этого, можно утверждать, что все представленные глаголы являются мотивированными. И здесь можно говорить о том, что грамматическая транспозиция между частями речи влечет за собой не только стилевую (функциональную), но и стилистическую транспозицию (метафорические и метонимические переносы). Проследим это на примере глагола *to duck*, имеющего три значения, которые на первый взгляд могут показаться немотивированными. Он был образован от существительного *duck*, которое относится к устойчивой категории «*water bird*», обладающей набором

устойчивых базисных и периферийных характеристик. Первые два значения глагола развились на базе периферийных характеристик прототипа, послуживших основой для концептуального метафорического переноса – «прячет голову в воду»: 1) *to lower your head or body very quickly, especially to avoid being seen or hit; 2) to push someone under water for a short time as a joke* [6]. Глагол обладает еще одним значением, которое является результатом метафорического переноса его исходного значения – «наклонить голову или тело очень быстро, чтобы не заметили» (спрятаться): *to try to avoid something, especially a difficult or unpleasant duty* [6]. Это служит примером своеобразного «двойного» переноса.

Исследование межчастеречных переходов выводит на первый план категориальные значения частей речи, и тогда становится очевидным, что «… все номинативное пространство существительных отражает собой познание объектов и субстанций как участников определенных видов деятельности, тогда как пространство глагольной лексики – это пространство, относящееся к существующему и протекающему во времени движению, – пространству отношений и событий или же действий с определенными участниками деятельности или положения дел» [1. С. 210]. При переходах имен существительных в класс глагола новое значение у производного слова возникает в том числе и как следствие перемещения исходного слова в другую часть речи. Именно категориальное значение новой части речи приобретается при этом транспонированным словом. В процессе перекатегоризации существительных в класс глагола происходит концептуализация объекта в процесс, в деятельность, в событие. Таким образом, можно утверждать, что в процессе перекатегоризации осуществляется перенос грамматического значения в семантически подчиненный зависимый элемент с целью его выделения. Перекатегоризация, или межчастеречная безаффиксальная транспозиция, является ярким примером того, как грамматическое в языке становится объектом стилистики.

Литература

1. *Кубрякова, Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
2. *Смирницкий, А.И.* Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956.
3. *Уфимцева, А.А.* Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1981.
4. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge University Press, 2003.
5. *Givon T.* Functionalism and Grammar. – Amsterdam–Phil., 1995.
6. Longman Dictionary of Contemporary English – Longman, 2001.
7. Longman Language Activator. – Longman, 1997.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
9. *Wierzbicka, A.* Lingua Mentalis. – Sydney, 1980.

Т. С. Чабаненко

(Симферополь, Украина)

СООТНОШЕНИЕ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ ПАРАДИГМ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Статья посвящена изучению грамматической парадигмы русского глагола. Наблюдения показывают, что определение границ глагольной парадигмы во многом зависит от позиции исследователя, а отсутствие хотя бы одной формы характерно почти каждому четвертому глаголу. При этом те или иные грамматические формы остаются нереализованными с различной частотностью.

Ключевые слова: глагол, полная парадигма, неполная парадигма, форма слова, категория вида.

The article is devoted to the research of the verb paradigm in the Russian language. It's shown that the detection of verb paradigm boundaries is often influenced by a researcher's position, and almost every fourth verb misses some forms. Meanwhile particular grammatical forms may be absent with various frequency.

Key words: verb, complete paradigm, incomplete paradigm, word forms, aspect.

Понятие парадигмы, возникшее еще в античные времена и прочно закрепившееся в русской грамматике, на первый взгляд, не вызывает разночтений: «Парадигма – это совокупность всех словоформ слова или его изменение по системе форм» [2. С. 367]. Однако термин «форма слова», на

котором зиждется определение парадигмы, представляется лингвистам не таким бесспорным. В узком смысле это «чаще всего явления флективного словоизменения» [4. С. 21]. Сторонники широкого понимания относят к словоформам и те, которые образованы с помощью формообразующих аффиксов.

Неоднозначный подход к формам слова породил различные критерии выделения структурных компонентов парадигмы той или иной части речи. И если границы малой парадигмы, содержащей только склоняемые и спрягаемые формы, не вызывают сомнений, то вопрос о составе большой парадигмы, объединяющей как словоизменение, так и формообразование, остается открытым практически для любой части речи. Наиболее сложной и многокомпонентной представляется парадигма глагола. Так, вопрос о месте в языке причастий и деепричастий решается по-разному, а определяющую роль играет позиция ученого относительно статуса видовых пар.

Одни лингвисты включают в парадигму глагола изменение по видам. А.В. Исаченко утверждает, что «видовые пары должны считаться парадигматическим формами одного глагола» [5. С. 138]. Но их образование возможно только путем имперфективации, так как каждый приставочный глагол «содержит ещё какие-то добавочные «оттенки» именно лексического значения» [5. С. 157]. С таким взглядом не согласен А. Н. Тихонов, который выделяет группу чистовидовых приставок. В них роль префикса «сводится к выражению грамматического значения совершенного вида» [10. С. 19]. Таковыми признаются: *по-, с-, за-, у-, вз-, воз-, вы-, из-, раз-, от-, при-, про-, на-*, в отдельных глаголах *под-, пере-* [10. С. 18 – 22, 29 – 36].

В соответствии с точкой зрения Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и других представителей петербургской аспектологической школы, перфективация хотя и включается в число способов образования видовых пар, но сами пары типа *делать – сделать* не являются формами слова. Этому «препятствует отсутствие грамматической регулярности, определенных правил формообразования» [1. С. 39].

Ряд ученых отстаивает мнение, согласно которому перфективация и имперфективация относятся к приемам словообразования. Так, в работах профессора О. М. Соколова отмечается, что связанные мотивационно глаголы несовершенного вида (НСВ) и совершенного вида (СВ) «самостоятельны, имеют автономные семантические признаки; к тому же они обладают несовпадающей системой словоформ и характеризуются различными деривационными связями» [9. С.101]. В нашей работе мы, разделяя данную точку зрения, рассматриваем глаголы НСВ и СВ как самостоятельные лексические единицы, каждая из которых реализует свою парадигму.

Однако далеко не каждый глагол характеризуется полной парадигмой как идеальной языковой моделью. У многих глаголов парадигмы неполные, или дефектные, то есть в их составе «отсутствует одна или несколько словоформ» [2. С. 368]. Дефектные парадигмы и причины их появления до сих пор изучены недостаточно. В толковых словарях отсутствие грамматических форм глагола отражается «избирательно в зависимости от опыта составителей, их научной компетентности» [10. С. 7]. Такая ситуация не позволяет сформировать четкое представление о месте неполных парадигм в грамматической системе языка.

Цель нашей работы – выявить количественное соотношение полных и неполных глагольных парадигм и определить, какие формы чаще всего отсутствуют.

Материалом для исследования послужил «Словарь-справочник по русскому языку» под редакцией А. Н. Тихонова и др. Это первое издание, в котором представлены парадигмы слов всех частей речи и отмечен пропуск тех или иных форм.

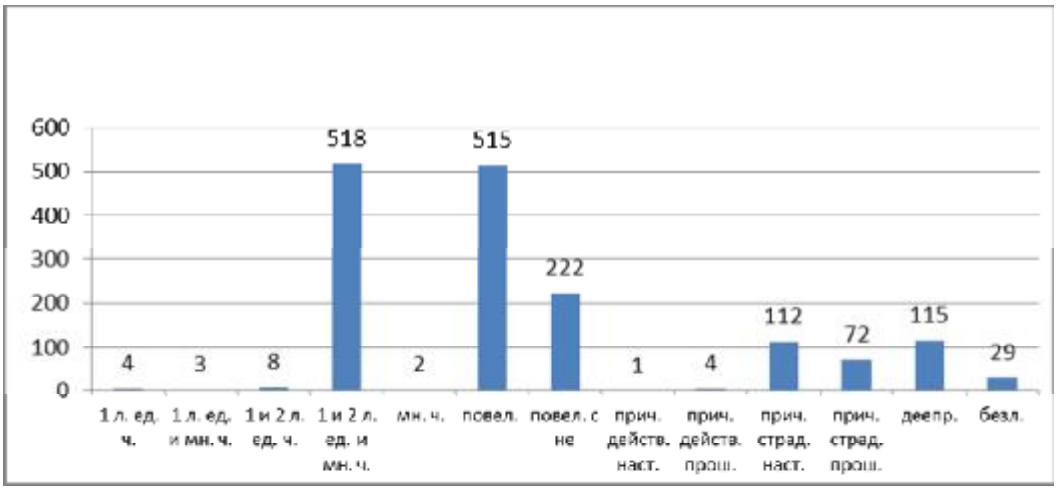
В словаре описано более 2000 глагольных парадигм. Однако в виду того, что мы рассматриваем связанные мотивационно глаголы НСВ и СВ как самостоятельные слова с самостоятельной парадигмой, количество глагольных парадигм увеличилось почти в два раза (более 3700). Из них у 985 отсутствует хотя бы одна форма: у глагола *близиться* отсутствует форма повелительного наклонения; у глагола *топтать* – страдательное причастие настоящего

времени; у глагола *казаться* – деепричастие и т. п. Особую парадигму имеют безличные глаголы (*вырвать, повезти, рассвести* и др.) и личные глаголы в безличном значении (*пахнуть, стоить, темнеть* и др.).

Проведенный анализ позволил выявить формы, отсутствующие у глаголов наиболее часто. Результаты исследования отражены в таблице 1.

таблица 1

Частотность отсутствующих форм в неполных парадигмах глагола



Анализ таблицы 1 показал, что в неполных парадигмах глагола возможно 13 лакун. Наиболее часто это формы повелительного наклонения, формы 1 и 2 лица единственного и множественного числа, деепричастия, страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. Так, повелительное наклонение отсутствует у 515 глаголов: *видеть, лопнуть, обнаружиться* и др.; у 222 глаголов – форма повелительного наклонения употребляется только с отрицательной частицей *не: блуждать, разозлить, ныть* и др. У 518 глаголов (*бурлить, сопутствовать, треснуть* и др.) отсутствует форма 1 и 2 лица единственного и множественного числа. От 115 глаголов (*вязать, жечь, шить* и др.) невозможно образование деепричастий, от 112 глаголов (*гнуть, караулить, шептать* и др.) – страдательных причастий настоящего времени, от 72 глаголов (*вернуть, потерпеть, шепнуть* и др.) – страдательных причастий прошедшего времени.

Полученные данные свидетельствуют о том, что неполнота парадигмы – характерная черта русского глагола. Почти у каждого четвертого глагола

пропущена та или иная словоформа. Следующим шагом может стать анализ причин дефектности словоизменительной парадигмы, закономерностей отсутствия различных глагольных форм. Это важно не только для теоретического осмысления сложного формального устройства глагольной лексемы, но и для лексикографической практики. Дальнейшее изучение неполных глагольных парадигм даст возможность более последовательно и систематизировано представить реальную грамматическую структуру глагольного слова.

Литература

1. *Бондарко, А. В., Буланин, Л. Л.* Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967.
2. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
3. *Зализняк, А. А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. *Исаченко, А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. – Братислава: Издательство Словацкой Академии Наук, 1954. – Ч. 1.
5. *Исаченко, А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. – Братислава: Издательство Словацкой Академии Наук, 1960. – Ч. 2.
6. *Маслов, Ю. С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Глагольный «портрет» в грамматическом интерьере // Ученые записки Симферопольского государственного университета. – 1999. – № 10 (49). – С.108-112.
8. Словарь-справочник по русскому языку: правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова, С. А. Тихонов. – М.: Словари, 1995.
9. *Соколов, О. М.* Имплицитная морфология русского языка: монография. – Нежин: ООО «Гідромакс», 2010.
10. *Тихонов, А. Н.* Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. – М.: Academia, 1998.

РАЗДЕЛ II. ТЕКСТ И ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.В. Батюшкина

(Омск, Россия)

О ПРЕДМЕТНОЙ СТОРОНЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ ЗАКОНОВ

Исследование посвящено проблеме определения предметной стороны лингвистической экспертизы проектов законов в аспекте парадигм теоретической и прикладной лингвистик.

Ключевые слова: теоретическая лингвистика, прикладная лингвистика, язык и речь, речемыслительный процесс, текст, лингвистическая экспертиза проектов законов.

The article is devoted to the problem of determination of the subject of linguistic expertise of draft laws in the aspect of the paradigms of theoretical and applied linguistics.

Key words: theoretical linguistics, applied linguistics, language and speech, process of speaking and cogitation, text, linguistic expertise of draft laws.

Предметная сторона лингвистической экспертизы проектов законов связана с парадигмами, или процедурами исследовательских приемов, теоретической (фундаментальной) и прикладной лингвистик как видов научного знания.

В качестве объекта исследования в теоретической и прикладной лингвистике выступает речевая деятельность (коммуникация), представляющая собой материальное явление, которое может быть воспринято с помощью органов чувств, измерено, оценено и описано. Целью фундаментальной науки является получение понятий (предмета науки) на основе системного метода исследования объекта науки. Предмет науки, в свою очередь, подразделяется на аксиоматику (систему терминов), концептуальность (систему понятий) и операционность (систему действий, устанавливающих отношение объекта к системе понятий).

Если фундаментальная наука идет от объекта к предмету (от частного к общему), то прикладная наука, наоборот, идет от предмета к объекту (от общего к частному). В качестве предмета в прикладной науке используются понятия разных фундаментальных наук, при этом понятия одной из фундаментальных наук являются доминирующими и структурируют теоретическую модель прикладной науки. Например, методика языка – это прикладная наука, ее положения опираются на предметное содержание других наук, прежде всего, лингвистику, психологию и дидактику. При этом наиболее важный аспект учебной реальности – лингвистический, потому что данные лингвистики определяют использование психологических и дидактических факторов. Наиболее важные моменты исследования, в том числе взаимосвязь понятий различных наук, в рамках прикладной науки определяет методология. С помощью комплексного метода прикладная наука на основе понятий создает теоретическую модель технологии, системы предписаний практической деятельности, на базе которых и формируется объект деятельности.

В связи с тем, что с речевой деятельностью связана любая человеческая деятельность, образуется довольно большое количество прикладных лингвистических наук. Например, юридическая лингвистика (юрлингвистика) изучает специфику речевой деятельности в правовой среде, правотворчестве и правоприменении.

Поскольку прикладная лингвистика вслед за фундаментальной лингвистикой подразделяется на языковую и речевую, текст проекта закона как объект лингвистической экспертизы должен рассматриваться с учетом дихотомии языка и речи.

На современном этапе целью лингвистической экспертизы проекта закона является определение соответствия текста проекта закона правилам современного русского языка и функционально-стилистическим особенностям официально-делового стиля речи, то есть нормам правописания и стилистики. Если языковое нормирование кодифицировано в словарях и грамматиках, то представление о функционально-стилистических особенностях делового стиля

речи, ввиду возможности их учета и описания, но невозможности их кодификации, формируется на основе соответствующего анализа законодательной базы и сложившейся законотворческой практики. В тексте проекта закона репрезентации словарных и грамматических единиц отражают нормы правописания, а шаблонизированность оформления нового содержания – нормы стилистики.

Вместе с тем при восприятии, толковании (интерпретации) текста закона необходимо учитывать, что текст является сложно организованной семантической структурой и его грамматические, локальные связи слов и предложений, а также стилевые характеристики обусловлены авторской логикой построения текста, отвечающей за передачу многоплановой семантики текста. Поэтому проведение лингвистической экспертизы проекта закона и оформление ее результатов в виде рекомендаций или замечаний и предложений лингвистического характера должно строиться с учетом положений, рассматривающих особенности порождения и восприятия текста как продукта речемыслительного процесса.

В структуре речемыслительного процесса текст выделяется наряду с такими компонентами речевой деятельности (коммуникации), как субъект речевой деятельности (коммуникант) и объект речи, и описывается в совокупности с ними.

На основании видов речевой деятельности разграничиваются и противопоставляются две коммуникативные позиции субъектов: позиция адресанта (автора текста, говорящего, пишущего) и позиция адресата (интерпретатора, слушающего, читающего). Позиционные особенности коммуникантов, несмотря на один объект речи, детерминируют разграничение формируемого текста (текста адресанта) и воспринимаемого текста (текста адресата). Творческим, деятельным является не только процесс создания текста. Процесс понимания созданного текста заключается не просто в отражении процедуры воспроизведения интерпретатором авторской позиции по отношению к объекту речи, а в глубине осуществляемого диалога,

взаимодействии речевых позиций коммуникантов. Именно диалогичность отражает сущность коммуникации, обеспечивает ее целостность и понимание, является гарантом достижения ее цели.

Данный диалог проходит при наличии у коммуникантов сопоставимых систем психических представлений о языке (языковых единицах и отношениях между ними), благодаря которым возможно соотношение субъектного, индивидуального с объектным и наоборот. Диалог речевых позиций коммуникантов проходит как динамическая система трансформаций одних представлений о языковых единицах и отношениях между ними в другие, комбинирование по грамматическим правилам воспроизведенных в речи языковых единиц, обеспечивающее процесс построения смыслового содержания и его понимание, или коммуникацию. В связи с этим понимание компонентов речевой деятельности и текста проекта закона, в частности, возможно только при разграничении и учете проявленных в речевой деятельности взаимообусловленных феноменов языка и речи.

В том случае, когда под лингвистической экспертизой текста проекта закона подразумевается только оценка соответствия проекта закона нормам современного русского языка и функционально-стилистическим особенностям официально-делового стиля речи, то есть нормам правописания и стилистики, за рамками лингвистического рассмотрения остается многоплановая семантика текста проекта закона. По сути, лингвист, выполняющий в процессе законотворческой деятельности роль эксперта в области языкознания, осуществляет лингвистическую правку, то есть корректуру текста, и проверяет соблюдение принципа шаблонизированного оформления нового содержания. Шаблонизированность характеризуется аналогией, калькированием и интертекстуальностью, а кроме того, такими параметрами оформления юридически значимой информации, как однозначность понимания, точность и безоценочность. Считается, что именно в связи с этим лексический регистр делового стиля речи представлен главным образом правовыми терминами и понятиями, речевыми штампами, частотными словарными единицами.

Анализ текста как речевого знака, продукта речемыслительного процесса подменяется анализом стилевых, аксиологических (оценочных) характеристик текста, определяемых сочетанием языковых единиц, относящихся в связи с социальными особенностями их употребления к одному лексическому регистру. Именно стилистические особенности текстов законов в совокупности получили выражение в таких понятиях, как «язык законов», «язык законодательных актов», «язык права». Однако специального языка законов не существует, так же как, например, нет языка медицинских рецептов и языка медицины. Язык один, в различных текстах наблюдаются только особенности различного проявления, репрезентации языковых единиц и отношений между ними в зависимости от направленности речемыслительной деятельности.

Констатируемый диссонанс анализа формальной и содержательной сторон текста проекта закона не может свидетельствовать о качестве проведения лингвистической экспертизы. Текст проекта закона есть лишь фаза в исполнении событий правоприменения. В свою очередь, правоприменение основывается на понимании текста, его интерпретации, толковании, расплетении ткани текста (от лат. textus – ткань, сплетение, соединение) на образующие эту ткань нити. Для того чтобы объектом лингвистической экспертизы была не превалированная над содержанием форма текста проекта закона, а корреляция его формы и содержания, необходимо учитывать дихотомичность языка и речи в аспекте речемыслительного процесса: анализировать не только языковые и стилистические средства, но и особенности текста как речевого знака – посредника между субъектами речевой деятельности, занимающими противоположные коммуникативные позиции.

Ю.В. Гордеева

(Рязань, Россия)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЦЕЛЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена проблеме семантической и прагматической интерпретации коммуникативной цели с точки зрения теории речевых актов посредством разграничения контекстно-свободных и контекстно-связанных косвенных иллокуций. Предпринимается попытка выйти за рамки семантического представления и проанализировать содержание косвенного речевого акта с учетом коммуникативной стратегии говорящего.

Ключевые слова: теория речевых актов, косвенная иллокуция, прагматика, коммуникативная семантика, коммуникативная цель, импликатура, контекст, эффективный тип общения.

The article discusses the semantic and pragmatic application of the speech act theory to the study of the communicative intention. The peculiarities of the latter are specified in terms of context-free and context-bound indirect speech acts. The attempt is made to surpass the limits of semantic presentation so as to describe the illocutionary mechanism generated by the speaker's communicative strategy.

Key words: speech act theory, indirect illocution, pragmatics, communicative semantics, communicative intention, implication, context, effective communication.

Теоретическая база нашего исследования – теория речевых актов, модифицированная с позиций прагматики, порождающей семантики и коммуникативно-целевого подхода [1; 3; 4; 6; 7]. Отправным пунктом анализа явилась точка зрения о том, что любое речепроизведение (в том числе и монолог) диалогично по своей природе.

Материалом предлагаемой статьи стал язык теледебатов, рассматриваемый в коммуникативно-целевом (интенциональном) аспекте – как набор коммуникативно-целевых установок. В результате проведенного нами исследования порядка 150 диагностических примеров публичного диалога на разные темы с разными действующими лицами можно констатировать

доминирование иллокутивных сил протеста, обвинения, критики, поддержки, несогласия и самопохвалы.

Коммуникативная цель, достижение которой определяет успешность речевого взаимодействия, рассматривается как через призму способа ее выражения, то есть как семантическая категория, так и с точки зрения контекстных условий ее реализации, то есть как прагматическая категория. Другими словами, в семантическом анализе мы имеем дело с контекстно-свободными коммуникативными целями, в прагматическом – с контекстно-связанными.

Объектом нашего исследования является косвенный способ выражения коммуникативной цели [5]. С функциональной точки зрения, помимо прочего, косвенный речевой акт кодирует информацию сложными языковыми средствами или неполнотой содержания и предполагает наличие у адресата возможности в соответствии с фоновыми знаниями декодировать предлагаемую информацию. Под косвенной иллокуцией понимается альтернативный уровень содержания текста, при этом игнорирование собеседником импликации может привести к коммуникативному провалу. В этой связи, важно разграничивать контекстно-свободные и контекстно-обусловленные косвенные речевые акты.

Контекстно-свободные косвенные речевые акты безошибочно распознаются коммуникантами. Скажем, вопросительное предложение *Не могли бы Вы мне помочь?* стандартно воспринимается как просьба о помощи. Или *Ну куда вы без меня?* – как предложение услуг с неким порицанием ограниченности возможностей собеседника. Высказывание *Вы не могли бы закрыть окно?* вряд ли будет понято здравомыслящим коммуникантом как сомнение в физической возможности как таковой. Кроме того, перцепцию *Да, могу* без соответствующего действия можно квалифицировать как коммуникативную неудачу.

Контекстно-обусловленный косвенный речевой акт имеет дело с несколькими альтернативными уровнями содержания, причем

коммуникативной целью говорящего является именно импликативный уровень. Адресату дается перлокутивная свобода, под которой мы имеем в виду возможность вариативного реагирования на импликатуру, в том числе и игнорированием, с сохранением эффективного типа общения. В качестве примера рассмотрим отрывки диалога из предвыборных теледебатов, посвященных выборам президента РФ, которые демонстрировались в феврале 2012 года в программе «Поединок» на канале НТВ [2]:

В.Р. Соловьев: Геннадий Андреевич, кто премьер?

Г.А. Зюганов: Я Вам назвал.

В.Р. Соловьев: Понял. Это значит так. Это значит, что Вы за несколько недель до выборов не берете на себя ответственность доверить народу право знать, кто будет возглавлять правительство.

Г.А. Зюганов: После дефолта я трижды убеждал Примакова, чтобы он пошел премьером… Заявляю, это будет коалиционная фигура, и я уверен, что меня поддержат очень многие партии и движения.

Собеседник настойчиво уходит от декларации политических и кадровых стратегий, несмотря на эксплицитный вопрос ведущего. В.Р. Соловьев прибегает к косвенному речевому акту, в котором имплицитно выражает предположение о недоверии кандидата по отношению к своему избирателю. Г.А. Зюганов предпринимает очередную попытку уклониться от ответа, но затем, игнорируя альтернативный уровень содержания предложенного вопроса, заявляет, что надеется на поддержку партий и движений, демонстрируя тем самым дистанцию между своей политической фигурой и потенциальным избирателем. Непонимание Г.А. Зюгановым сути заданного ведущим вопроса не приводит к провалу коммуникации, поскольку импликативная коммуникативная цель реализует альтернативный смысловой план.

Другой пример:

В.Р. Соловьев: Мужчина, Вы куда дели кобальт?

М.Д. Прохоров: Все в порядке. Кобальт у нас есть.

В.Р. Соловьев: У Вас есть, понятно. А у страны?

Предложение «*Вы куда дели кобальт?*» реализует коммуникативную цель ведущего выразить негативное отношение к действию собеседника. Также предложение «*У Вас есть, понятно*» имплицирует предположение ведущего о наличии лично у М.Д. Прохорова достаточного количества высокоценного металла.

Отличие контекстно-свободного косвенного речевого акта от контекстно-связанного заключается в том, что первый обладает внутренней формой, выраженной иллокутивной функцией высказывания в данной ситуации, и часто закреплен в речи, то есть фактически актуального переосмысления высказывания не происходит. Контекстно-обусловленный косвенный речевой акт, для которого наличие внутренней формы не характерно (имплицитная часть продолжает выраженное в эксплицитной части высказывания), основан на передаче импликатур и образует альтернативный смысловой план.

Таким образом, коммуникативная цель высказывания интересует нас не только как намерение, обусловливающее осмысленность обращения коммуниканта к своему партнеру, но и как компонент речевой ситуации в целом, некая стратегия коммуникативного поведения говорящего и слушающего в данный временной и пространственной ситуации. То есть оперируя понятиями лингвистической философии, при анализе косвенных высказываний мы выходим за рамки семантики, ибо семантическое представление выполняет роль лишь одного из факторов, влияющих, но не предопределяющих успешность коммуникации.

Литература

1. *Остин, Дж.* Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.

2. Политические дебаты. Прохоров против Зюганова.// Режим доступа: http://videoscope.cc/97435-debaty-zjuganova-protiv-prohorov.html

3. *Семененко, Л.П.* Основы коммуникативно-целевой семантики. — Орел: ОГУ, 1999.

4. *Серль, Дж.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.

5.*Серль, Дж.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195-222.

6. *Gordon, D., Lakoff, G.* Conversational postulates // Papers from the Seventh Regional Meeting. CLS. – Chicago: University of Chicago, 1971. – P. 63-34.

7. *Leech, G.* Explorations in semantics and pragmatics. – Amsterdam: John Benjamins B.V., 1980.

З.И. Игнатюк
(Мурманск, Россия)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Наше исследование посвящено коммуникативно-прагматическому анализу языковых явлений. Данное исследование рассматривает знание системно-структурного устройства языка как фундамента, содержащего коммуникативно-прагматические наблюдения за использованием языка в общении.

Ключевые слова: коммуникативный подход, прагматический подход, функциональная стилистика, культура речи, языковые явления, постулат количества, система языка, постулат способа выражения.

The article is devoted to the communicative and pragmatic analysis of language phenomena. The current research characterizes the knowledge of the systematic and structural organization of a language as the foundation containing communicative and pragmatic observations of the usage of language in communication.

Key words: communicative approach, pragmatic approach, functional stylistics, speech culture, language means, quanitity postulate, language system, means of expression postulate.

Понимание общения как деятельности с помощью языка для достижения коммуникативных целей невозможно без рассмотрения сравнительно нового направления в языкознании – коммуникативно-прагматического [1].

Коммуникативный подход рассматривает свойства языковых единиц, проявляющихся в общении, то есть в коммуникативных взаимодействиях адресата и адресанта в процессе обмена информацией.

Прагматический подход предполагает учет того компонента языковых единиц, который связан с человеком, использующим язык как орудие общения и делающим свой выбор для достижения поставленных целей, учитывая ситуацию в целом и социальные признаки адресата.

Человек использует язык в качестве орудия общения, неотделимого от жизни социума. В профессии документоведа, секретаря-референта, офис-менеджера владение речью, языком входит в профессиональную компетенцию. Множество учреждений и работающих в них людей занимается созданием, передачей и приемом информации, множество специалистов следит за правильным хранением и использованием разного рода текстов и документов. В преподавании лингвистических дисциплин важное место занимает понимание природы общения, в методике предпочтителен коммуникативный принцип обучения, то есть обучение языку в процессе речевой деятельности, как устного, так и письменного общения [4].

В процессе письменного общения на первый план выступает субъект речевых действий, определяющий прагматическое коммуникативное пространство. Прагматическим пространством можно назвать зону, где фиксируются отношения пишущего к действительности, и в процессе коммуникативной деятельности он называет, указывает и выражает эти отношения, а адресат воспринимает и истолковывает смысл.

Указание на пишущего (я, мы), на адресата (ты, вы, Вы) и участвующее в коммуникативном процессе третье лицо (она, он, они), ориентировка пишущего в пространственно-прагматических координатах содержатся в дейктических единицах языка, создающих ориентационный каркас пространства – времени пишущего и его партнера (дейктические указатели – это прежде всего личные и лично-указательные, указательные местоимения, местоименные наречия и др.) [4].

Выражение интенций и коммуникативных намерений в речевом общении содержится в ряде периферийных языковых образований. Коммуникативно-прагматический подход к языку вводит в активный оборот множество

периферийных (с точки зрения системы) явлений языка. Знание системно-структурного устройства языка – это фундамент, на основе которого можно вести коммуникативно-прагматические наблюдения за использованием языка в общении. Основу для развития коммуникативно-прагматического подхода для становления лингвистики письменного общения составляют такие речеведческие дисциплины, как функциональная стилистика, культура речи, документная лингвистика и др. [3].

Функциональная стилистика изучает стили литературного языка и речи, порождаемые сферами социально-коммуникативной деятельности людей. В каждой из сфер складывается круг языковых средств и правил их выбора для построения текста, диктуемых устной и письменной формой его существования.

Культура речи связана прежде всего с понятием норм литературного языка: орфоэпических, орфографических, грамматических, стилистических, синтаксических и др. Тексты документов, отвечающие требованиям культуры речи, должны быть логичными, последовательными, краткими, тематически выдержанными и т.п.

Теория и практика речевого этикета как социально заданных и национально специфичных регулирующих правил речевого поведения, удовлетворяющих коммуникативным потребностям поддержания контактов и создания этикетной рамки текста, тесно связаны с этими лингвистическими дисциплинами.

Лингвистика текста изучает принципы построения законченных связанных речевых фрагментов и их типологию, что входит в сферу письменного общения, поскольку текст является его основным результатом. Языковое и смысловое содержание должно соответствовать исходному смыслу и содержать систему стандартных языковых моделей, отражающих типовые ситуации делового общения. При этом «под моделью понимают и логическую и синтаксическую конструкцию (конструкцию предложения), охватывающую максимальное количество управленческих ситуаций».

Автор текста моделирует своего типового адресата, осуществляя коммуникативный акт, рассчитанный на определенную группу, выделяемую по национальному, социальному, конфессиональному, мировоззренческому и т.п. признакам.

По положению партнеров по общению различают контактное и дистантное общение. С точки зрения форм существования языка различают устное и письменное. Письменное деловое общение характеризуется дистантностью, опосредованностью, монологичностью.

В письменном тексте находят выражение более сложные языковые формы, отражающие более сложные формы мышления. При этом употребляются конструкции многочисленных сложных предложений. Письменный текст обдумывается, он подчиняется более строгим правилам лексического и синтаксического отбора. Официальное письменное общение ограничено строгими правилами отношений коммуникантов, текст содержит стереотипы, клишированные компоненты. Знание языковой системы, в частности правил языка, – это только одна из предпосылок для языковой коммуникации; другая предпосылка состоит в наличии достаточно автоматизированных стратегий и механизмов производства и переработки выражений, построенных в согласии с этой системой [3]. Таковы тексты деловых писем, дипломатических документов, протоколов, официально-деловых бумаг. Ограничение типов языковых единиц, которые используются в деловых текстах, и общая регламентация формы документов определяют важнейшую особенность деловой речи – высокую частотность отдельных языковых форм на определенных участках текстов документов. Официальный язык обладает ярко выраженной социальной окраской, совокупностью речевых фактов, служащих для того, чтобы в точных формулах выражать обстоятельства, которые накладывает на человека жизнь в обществе [4].

Принципы, постулаты (максимы) выделены в прагматике на основании практических наблюдений за взаимоотношениями людей. Наибольшую известность получил принцип кооперации и принцип вежливости.

Принцип кооперации включает в себя следующие максимы:

- максиму количества (сообщать ровно столько информации, сколько требуется для осуществления целей общения);

- максиму качества (избегать в тексте ложных утверждений);

- максиму отношения, релевантности (не отклоняться от заданной темы);

- максиму способа выражения (избегать неточных выражений, неоднозначности).

Принцип вежливости основан на этических нормах речевого поведения.

Партнеры в деловом письменном общении приобретают языковую коммуникативную и прагматическую компетенцию. Таким образом, развитую языковую личность характеризуют следующие умения и навыки [2]:

- владение системой языка, его грамматическими и лексическими нормами;

- владение системой речи на стилистическом уровне;

- владение построением различных синтаксических конструкций в официально-деловом стиле;

- владение прагматическими законами общения и этикетными нормами.

Официальное общение связано с понятием формальности, при полном соблюдении протокола, предписываемого статусом и социальными ролями участников коммуникации. Автор письма и его получатель отделены друг от друга и временем, и пространством, момент создания текста и момент его восприятия могут не совпадать даже в течение большого количества времени.

Коммуникативно-прагматический аспект требует внимания как к собственно коммуникативным, так и к прагматическим компонентам языковых явлений. Эти аспекты неразрывно связаны между собой. Информация, закодированная в высказывании с помощью языковых средств, неоднородна по степени легкости и осознанности ее декодирования. Часть информации в высказывании выражается эксплицитно, то есть с помощью языковых средств, специально предназначенных для ее непосредственного выражения [4].

Именно на этой части содержания высказывания, по замыслу его автора, должно сосредоточивается сознание адресата. Субъект речевого акта – пишущий – производит высказывание, как правило, рассчитанное на восприятие его адресатом. Прагматический компонент связан с пишущим, с его адресатом, с ситуацией общения, выбором и контекстом употребления соответствующих единиц. Прагматика играет объединяющую роль по отношению к другим речеведческим дисциплинам.

Литература

1. *Баранов, А.Н.* Язык – инструмент лжи или средство прояснения истины? // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. -М., 2000. – С. 159–161.
2. *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации: Сб. обзоров. – М., 1986.
3. *Демьянков, В.З.* О формализации прагматических свойств языка // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1984. – С.197-222.
4. *Янковая, В.Ф.* О языке управленческих документов // Справочник секретаря и офис-менеджера. – М., 2002. - № 10.

А. Э. Левицкий

(Киев, Украина)

АДРЕСАЦИЯ КАК ОСНОВА УСПЕШНОСТИ ПЕРЕДАЧИ КОМИЗМА

Данное исследование посвящено определению роли фактора адресата для обеспечения успешности комического эффекта при передачи информации. На материале английского и русского языков выявлена значимость непрототипической формы передаваемой информации, которая отражается как на лексическом, так и синтаксическом уровнях языковой системы, а также в композиционно-текстовых формах.

Ключевые слова: адресат, адресант, комизм, успешность, прототип.

The article proves the main role of adressee's factor for success of the comic effect within information transfer. Significance of non-prototypical form on lexical, syntactic levels of the language system and text composure while transmitting information in a humorous way has been traced in English and Russian.

Key words: addressee, addresser, humour, success, prototype.

Для достижения успеха в коммуникативном процессе информация должна быть передана, с одной стороны, наиболее адекватно, а с другой стороны, – экспрессивно. Такой подход к общению позволяет участникам коммуникативного процесса не только следить за правильностью вербализации своих мыслей и интенций, но и реализовывать весь свой творческий потенциал как языковой личности. Именно последнее позволяет нам делать свою речь яркой, выразительной, поскольку, если человек стремится убедить слушателей в своей правоте, ему необходимо максимально полно следовать советам о том, как стать успешным коммуникантом [4]. При этом юмор представляет собой нарушение правил коммуникации, а точнее, максимы качества, поскольку юмористическое высказывание фактически не является правдивым. В случае правильной интерпретации такого высказывания слушающий получит правдивую информацию и усилит свою солидарность с говорящим [12. С. 270]. Безусловно, нельзя также игнорировать и целый ряд экстралингвистических факторов (внешность, стиль одежды, манеру говорить, мимику, жесты говорящего; ситуацию общения в целом), однако максимальное достижение цели коммуникативного акта все же зависит от вербального оформления мысли. Заинтересовать адресата возможно использованием всего богатого мыслительного потенциала адресанта, что проявляется в действии творческого аспекта ословливания окружающего мира для реализации собственной интенции. Таким путем проявляется лингвокреативная функция отражения действительности индивидом [6]. Только по-настоящему творческая языковая личность способна создавать новые формы, отходя от языковых и речевых стереотипов. Причем результатом подобного речетворчества может быть создание комического эффекта. Именно такая непринужденная, легкая форма подачи информации приводит к ее быстрому пониманию и несложному

запоминанию [3]. Нарушение автоматизма восприятия способствует повышенному вниманию к игровой передачи информации [9. С. 165], придавая живость процессу коммуникации. Комизм отличается сильно выраженным игровым характером, позволяя вовлечь адресата в свою орбиту. Тем самым сокращается коммуникативная дистанция между собеседниками [7. С. 364], что, безусловно, основано на учёте фактора адресата [2]. При этом смех может вызывать как сама передаваемая информация по своей сути, так и форма ее подачи. Уместным представляется разграничить словесный юмор (различные стилистические средства коммуникации, приводящие к смеху) и юмор положений: различного рода гэги и комические ситуации типа дуэль в современное время (в комедии Ю.Полякова «Заложники любви, или Халам-бунду»). Если адресант возбудил у адресанта некие общие фоновые знания или интеллектуальные позиции, отраженные в модальных рамках выбранных им языковых единиц, то акт коммуникации состоялся [1. С. 195].

В процессе общения комизм только тогда достигает успеха, когда становится разделенным знанием, то есть совпадением объемов информации, зашифрованной в сообщении адресантом и верно расшифрованной адресатом, иначе одной стороне непонятно, над чем смеется другая. Само же понятие «игра», приводящая к созданию комического эффекта, предполагает наличие определенных условий – прежде всего осознанной установки на восприятие у адресата нового знака или нетрадиционное использование существующего. Правда, следует иметь в виду ситуацию, когда адресант, кодируя сообщение, не осознает семантических возможностей знака, осознание же наступает уже после введения единицы в высказывание [10]: – *“What’s a DOM?” – “You are joking. Of course you know.” – “Truly I don’t.” – “Dirty Old Man” [J. Braine].* Вот почему неудачная шутка может иметь серьезные негативные последствия [8. С. 138]. Именно поэтому игнорирование фактора адресата вместе с условиями протекания коммуникативного акта может приводить к коммуникативным неудачам, то есть передача информации не достигает своей цели. Подобные неудачи также способны приводить к созданию комизма: *He had been trying to*

secure the attention of a waiter for 10 minutes, but at last got up from his chair and, going to the cashier's desk, demanded to see the manager. "What for?" asked the girl. "I've got a complaint". "Complaint?" reported the girl naughtily. "This is a restaurant, not a hospital" [English Humour]. Комический эффект построен на неверном понимании лексической единицы *complaint* в ситуации общения (жалоба на боль в больнице и жалоба в ресторане на плохое обслуживание).

Юмор в основном достигает цели, если адресат прилагает усилия для вербализации передачи информации в игровой форме. Задействуем для объяснения этого феномена теорию прототипов [13]. Больший интерес вызывают, к примеру, крупные и крошечные собаки, чем их сородичи средних (нормальных, ординарных) размеров. Удивление вызывают арбуз как ягода и пингвин как птица. Никого не оставит равнодушным жених, надевший на церемонию бракосочетания кроссовки. В основе реакции лежат ценностные ориентации участников ситуации, основанные на их статусных, этнокультурных, возрастных и гендерных особенностях. Эти же ценностные ориентации вместе с фактором времени (шутка устарела, потеряла новизну), а также существование некоего прототипа комического влияют на успех/ неудачу шутки.

Комизм является, как правило, непрототипической реализацией ситуации. Таким образом, если серьезное – это прототип, а несерьезное выступает непрототипом, то для последнего непрототип является неким прототипом, а нарушение его (непрототип непрототипа) смеха не вызывает. Прототипическая же ситуация, вызываемая смех, основана на ситуативных непрототипах, имеющих текстовую реализацию: а) непрототип к реальности: комедия В. Мережко "Мужчина по выходным"; непрототипичное название, соответствующее объявлению, обычно даваемому женщинами легкого поведения; героям по 50-60 лет, что тоже непрототипично; непрототипично и то, что женщинам, их вызвавшим, по 25 лет и они привлекательны; б) непрототип по отношению к художественному произведению: комедия Э. Радзинского "Соблазнить, но не влюбиться" выступает непрототипом к классическим произведениям о Доне Жуане: это история о Доне Жуане в современных условиях; Анна отвергает Дона Жуана, предпочитая ему

Лепорелло. Таким образом, вторичность, основанная на эффекте непрототипического продуктивна в культуре постмодерна, то есть современности.

Необходимо также признать, что существуют тексты, призванные намеренно вызвать юмористический эффект (анекдоты, велеризмы, комические афоризмы, юмористические песни). Эти тексты (как и сказки, басни, загадки, лимерики [11. С. 399]) включают прототипические ситуации, персонажи, действия которых максимально типизированы [5. С. 77]. Они способствуют компрессии передаваемой информации, фокусируя внимание на прототипических для подобных текстах деталях. Данные текстовые образования являются вторичными по своему содержанию, поскольку возникают в результате обыгрывания реальных (или возможных) событий и фактов, некой первичной информации. Поэтому-то и происходит сдвиг от серьезного к несерьезному, от буквального – к фигуральному, следовательно, от первичного – к вторичному. Вторичность, как и тематическая принадлежность, вместе с особенностями композиционной и коммуникативной структур являются прототипическими чертами таких текстов. Именно устоявшиеся текстовые особенности юморесок разных видов вызывают смех. Их же нарушение, то есть непрототипическое использование смех вряд ли может вызвать. Разве что, факт несмешного (эффект обманутого ожидания) сам по себе способен оказаться смешным.

В заключение отметим, что реальные ситуации общения, вместе с представленными в художественной литературе, дают нам богатый материал для исследований реализации фактора адресата языковыми средствами, поскольку игра с формой языковых единиц одинаково продуктивна на уровне слова и предложения.

Литература

1. *Апресян, Ю. Д.* Тавтологические и контрадикторные аномалии // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 183 – 196.

2. *Арутюнова, Н. Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – №4. – С. 356 – 367.

3. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996.

4. *Дмитренко, В. А.* Типологические особенности фольклорных комических микротекстов // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2000. – №471. – С. 77 – 82.

5. *Ирисханова, О. К.* О понятии креативности в языке и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке. – М. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 158 – 171.

6. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

7. *Леонтович, О.А.* Механизмы формирования комического в межкультурной коммуникации // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. Волгоград: Перемена, 2003. – С. 137 – 171.

8. *Плотникова, С. Н.* Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 162 – 172.

9. *Уварова, Н. Л.* Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Львов, 1986.

10. *Швачко, С. О., Кобякова, І. К.* Соціолінгвістична природа гумору (на матеріалі текстів малого жанру) //Проблеми зіставної семантики. – Вип. 7. – К.: Видавничий відділ КНЛУ, 2005. – С. 399 – 402.

11. *Grice, H. P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. – N. Y.: Palgrave, 1975. – P. 41 – 58.

12. *Lakoff, R. T.* Talking Power: The politics of language in our lives. – N. Y.: Basic Books, 1990.

13. *Rosch, E.* Principles of Categorization // Cognition & Categorization. - Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1978. – P. 27 – 48.

Е.В. Лухина

(Тула, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ОБЕЩАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ

Наше исследование посвящено изучению языковых особенностей социально-ориентированного дискурса США на примере лингвистического анализа тактики обещания, которая относится к информирующим речевым действиям данного типа дискурса.

Ключевые слова: социально-ориентированный дискурс, тактика обещания, речевая интенция обещания.

The article is devoted to American socially-oriented discourse and its linguistic analysis of the promise tactics which represents an informative speech action of the analyzed type of discourse.

Key words: socially-oriented discourse, the promise tactics, the promise speech intention.

Социально-ориентированный дискурс включает в себя важные сферы жизнедеятельности общества: образование, медицину, пенсионное обеспечение, страхование, налогообложение и кредитование.

К социально-ориентированному дискурсу относится совокупность определённых текстов, затрагивающих проблемные ситуации, которые возникают и существуют в социальной жизни общества. Это «элитарный» подвид жанра, отличный от любого другого только тем, что привлекает внимание к социальным проблемам [1].

Но интенция, содержащаяся в американских социально-ориентированных рекламных текстах, проявляется в регулировании социального поведения, рассматриваемого как внутренне или внешне проявляемая позиция, ориентированная на поступок или воздержание от него, соотнесенная с позициями других субъектов. Социальный рекламный дискурс проявляется и функционирует в рекламной коммуникации, целью которой является достижение социальной активности людей [2].

Примерами социально-ориентированного дискурса в данном исследовании являются печатные издания, брошюры и буклеты различных организаций США, представленных на уровне города, штата и страны в целом, что позволяет говорить о наличии разноуровневых структур в области современного американского социального обеспечения.

Предметом изучения в данном исследовании является **тактика обещания**, поэтому она была рассмотрена более детально.

Обещание является первоначальной формой базовых ресурсов солидарности, без которых распадается любое человеческое сообщество. В устной или письменной форме именно благодаря обещанию люди способны скрепить свое соглашение подписями или рукопожатием. Толково-комбинаторный словарь русского языка дает такое определение: «Обещание – высказывание, в котором человек сообщает о том, что берёт на себя обязательство сделать что-либо или не делать чего-либо, а также само такое обязательство» [5].

Речевая интенция обещания является сложным многоуровневым образованием, каждый значимый компонент которого имеет свои вербальные средства выражения в пределах одного высказывания, являющегося продуктом определенного акта речи, и выступающего, таким образом, средством выражения основного интенционального значения.

Объектами американского **социально-ориентированного дискурса** являются благотворительные организации, реабилитационные центры, учебные подготовительные учреждения и организации по помощи в решении семейных проблем, поэтому существует несколько видов социально-ориентированного дискурса: семейный, медицинский, образовательный, культурный и т.д. [4].

Репрезентация **речевых действий** в социально-ориентированном дискурсе осуществляется в вопросно-ответной форме. Основными речевыми действиями являются информирующие, побудительные, оценочно-модальные, контактивные, метакоммуникативные. К информирующим речевым действиям социально-ориентированного дискурса относятся сообщение, **обещание**, полное и неполное согласие, возражение [3].

Обещание может быть выполнено при соблюдении пациентом определенных условий – явных и скрытых. **Явное условие** вводится союзом ***if*** (в сочетании с модальными глаголами), и выполнение обещания напрямую зависит от выполнения пациентом данного условия:

1. If you require special assistance please **speak to someone** in the area where you are receiving medical care or call the Patient Advocate office. [6]

2. If you have suffered an injury, **your doctor may** recommend physical therapy to increase functionality, control pain and speed recovery. [7]

Скрытое условие маскируется в конструкциях с модальными глаголами (should, must, may, can, will) с различной семантикой (совета, долженствования, возможности, т.д.), иногда в сочетании с инверсированными инфинитивными конструкциями или герундиальными оборотами:

1. To get the best results from the medications, you **should** make changes in your lifestyle that can improve your general health. [1]

2. To get the most benefit from medications and to reduce the risks, you **must** take them properly. [1]

Использование повелительного наклонения в американском социально-ориентированном дискурсе подчеркивает доминантное положение врачей в общении с пациентами, их авторитет и прекрасное знание современных угроз здоровью: **Tell** your healthcare providers if you've experienced a fall, or you're having dizziness, balance or vision problems. [2]

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что обещание в социально-ориентированном дискурсе выступает двусторонним явлением, выполнение которого зависит не только от социального и медицинского работника. Соответственно, ответственность за невыполнение какого-либо обещания лежит, в основном, на пациентах.

Учитывая, что американский социально-ориентированный дискурс представляет собой неотъемлемую часть социальной политики США, можно проанализировать реализацию тактики обещания в ее четырех подтипах интенциональных значений: обещание-намерение, обещание-желание, обещание-стремление и обещание-клятва.

Обещание-желание, относящееся к когнитивной сфере, где акцентируется внимание на внутренней потребности выполнить действие, представлено следующей моделью: «**хочу / желаю / верю..., предлагаю …, способен…** + инфинитив»: We **want to make** the transition easier for you, at home and at Adult DayBreak. [3]

Обещание-стремление, предполагающее настойчивость в осуществлении чего-либо, устремленность к этому, эксплицируется в выражениях: «**буду стремиться», «приложу усилия**»: The **primary goal** is to honor patients' choices and help them live comfortably. [5]

Обещание-клятва с использованием выражений «**клянусь», «клятвенно обещаю**» и т.п. встречается редко, поэтому в социально-ориентированном дискурсе наблюдается замена данных понятий близкими по смыслу или тождественными выражениями «**брать на себя ответственность**

/ обязанность…», «считаю обязанностью/ долгом»: TAKE CARE was created because this group of nurses **felt a** special **responsibility** to begin to address some of the safety-related needs of our mature adult population. [1]

В проанализированных текстах американского социально-ориентированного дискурса **тактика обещания** рассмотрена и на уровне лексикона, где на фоне других видов предиката предпочтение отдано модальным глагольным словосочетаниям глагола **will** с местоимением 1 лица множественного числа **we,** 2 лица множественного числа **you**: If you do not have insurance, we **will help** you arrange your payments based on what you *can* pay. [4]

Проанализированный материал дает возможность сделать вывод о том, что в американском социально-ориентированном дискурсе тактика обещания выражена имплицитно, то есть авторы не прибегают к использованию вербальных средств экспликации речевой интенции обещания. Анализ представленных текстов показал, что прямые обещания, то есть высказывания с перформативом **«обещаю»**, в текстах социально-ориентированного дискурса США тоже не употребляются. Этот факт вполне подтверждает вывод о «смысловой неопределенности» данного вида дискурса, говоря о типичности размытого характера социальных обещаний.

Литература

1.*Аронсон, О.* Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия) // Новое Литературное Обозрение, - М.: 2007. – С. 312-313 с.

2.Основы социологии: курс лекций // Знание. - М.:, 1993.

3.*Сидорова, Н.Ю.* Коммуникативное поведение неравностатусных субъектов медицинского дискурса (на материале немецкого языка): автореф. дис. …канд. филол. наук // Волгоград, 2008.

4.*Смелзер, Н.* Социология // Феникс - М.:, 1994.- С. 176-177.

5.Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики // под ред. И.А. Мельчук - М,. 1984.

Список источников исследования

1. ENA’s Injury Prevention Institute «Healthy living for mature adults» (США).
2. Lifeline Healthy Aging Series «Fall Prevention. Breaking the cycle» (США).
3. Adult Day Health Services «Life-Enhancing Solutions for Adults» (США).
4. MaineGeneral HealthReach HomeCare and Hospice «HomeCare and Hospice» (США).
5. MaineGeneral HealthReach Network «HealthReach Hospice. Supporting Comfort and Choice» (США).
6. MaineGeneral Medical Center «Patient Rights and Responsibilities» (США).
7. American College of Emergency Physicians «You… before pai» (США).

Т.М. Насонова

(Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СЕГМЕНТАЦИИ РЕЧИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

В нашем исследовании рассматривается способность просодического членения наряду с другими языковыми средствами выражать коммуникативное намерение говорящего. Экспериментально подтверждается, что характер просодической сегментации речи (дробный, крупный, нейтральный), а также степень актуализации потенциальной длины синтагмы соотносятся с определенным коммуникативным намерением, которое говорящий реализует в процессе чтения текста.

Ключевые слова: просодическое членение, сегментация речи, синтагма, коммуникативное намерение.

This article shows the results of an auditory analysis carried out by the author which proved that prosodic speech segmentation, alongside with other language means, is able to reflect the communicative intention of the speaker through modifications in the length of syntagms and the correlation of notional words and stress groups.

Key words: prosodic speech segmentation, syntagm, communicative intention.

В настоящее время в центре внимания фонетистов находится способность просодических средств воздействовать на слушателя наряду с лексическими и синтаксическими средствами. Очевидно, что просодические средства не только усиливают заложенный на лексико-синтаксическом уровне смысл и оценочно-модальное содержание, но и привносят те оттенки смысла, которые не могут быть переданы графически.

Многочисленные фонетические исследования свидетельствуют о том, что просодические характеристики выполняют в речи как лингвистические, так и экстралингвистические функции (А.М. Антипова, Е.А. Брызгунова, Л.В. Златоустова, О.Ф. Кривнова, Т.М. Надеина, Т.М. Николаева, Р.К. Потапова, Н.Д. Светозарова, И.Г. Торсуева, D. Bolinger, D. Crystal, D.R. Ladd, I. Lehiste, H. Pilch, E Selkirk и др.). Особую актуальность приобретает роль просодической организации речи в процессе речевого воздействия. Доказано, что такие просодические средства как темп речи, синтагматическое членение и фразовое ударение влияют на результат смыслового восприятия эмоционально нейтрального текста в плане передачи его пропозиционального, коммуникативного и прагматического содержания [1]. В связи с этим, просодии приписывается одна основная функция – оказание речевого воздействия на реципиента. В терминах теории речевых актов эта функция определяется как перлокутивная. Таким образом, все просодические средства используются с целью внесения каких-либо изменений в мысли, чувства или поведение реципиента. При этом все традиционно выделяемые функции просодии предлагается рассматривать как разновидности главной функции, соответствующие этапам и фазам процесса речевого воздействия [1].

В данной работе мы остановимся на роли просодического членения речи при передаче модально-прагматического плана текста. В исследованиях просодической сегментации речи отмечается, что основная задача говорящего и слушающего в процессе речи состоит не в различении готовых языковых выражений, а в том, чтобы, с одной стороны, построить и выразить нужный смысл (для говорящего), с другой стороны, реконструировать и понять его (для

слушающего). В этой связи роль сегментации речи состоит в распределении внимания адресата при восприятии сообщаемой информации так, чтобы она была усвоена оптимальным образом и достигла ожидаемой цели, то есть выполняла иллокутивную функцию [2].

В вышеупомянутых исследованиях получены данные, свидетельствующие о том, что характер просодической расчлененности текста влияет на его восприятие слушателем. В частности, подробное членение текста приводит к тому, что его содержание расценивается как менее понятное, форма – как менее удобная, информация – как менее полезная. То же самое касается и крупного членения, сопровождающегося быстрым темпом речи [1].

Нами также был проведен аудитивный анализ английской речи с целью выяснения, как степень просодической расчлененности текста воздействует на его восприятие слушающим. Анализ проводился на материале текстов научно-популярного характера в прочтении шести дикторов-носителей британской произносительной нормы английского языка. Аудитивный анализ осуществлялся с привлечением информантов, носителей языка (3 чел.), перед которыми, после соответствующего обучения, была поставлена задача оценить характер синтагматической расчлененности прочитанных текстов по следующим градациям: средняя (нейтральная) степень, дробное членение, а также «крупное» членение, если отрезки представлялись более крупными, чем обычно.

Анализ полученных от информантов данных показал, что комфортность восприятия речи отражает не только акустические характеристики звукового сигнала, то есть приятность голоса, но и адекватность просодического членения содержанию и стилю текстов: в случаях, когда характер сегментации обращает на себя внимание из-за чрезмерного укрупнения или уменьшения вычленяемых отрезков, это отрицательно сказывается на общем звучании речи в плане комфортности ее восприятия [3].

На основании полученных в перечисленных исследованиях данных нами была выдвинута гипотеза о существовании связи между характером

просодической расчлененности текста, с одной стороны, и коммуникативным намерением говорящего, иллокутивной целью речевого акта, с другой стороны.

Для проверки данной гипотезы был проведен аудитивный анализ текстов с различной иллокутивной целью в прочтении дикторов-носителей британской нормы английского языка (11 текстов с общим объемом звучания 30 минут). Тексты были записаны профессиональными дикторами и получили высокие оценки в плане комфортности их восприятия. В процессе аудитивного анализа была получена интонационная разметка прочитанных текстов с привлечением аудиторов-фонетистов, подсчитана потенциально дифференцированная длина (ПДД) синтагм, соответствующая количеству потенциально ударных слов в синтагме, а также актуализированная длина синтагм (АД), отражающая количество акцентных групп в синтагме [4]. Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу.

Существует несколько классификаций иллокутивных целей и, соответственно, типов речевых актов, в которых данные цели реализуются (Дж. Остин, Дж. Серль, Д. Вандервекен и др.). Несмотря на различия в подходах, в каждой из них выделяются в тех или иных терминах такие речевые действия как сообщение, описание, убеждение и т.п. В данной работе мы сочли целесообразным выделить в нашем исследовательском материале следующие иллокутивные цели (коммуникативные намерения): сообщить, объяснить, убедить, описать.

Результаты анализа показали, что синтагматическое членение текстов с установкой убеждения отличается от синтагматического членения текстов с целью сообщения, объяснения и описания по нескольким показателям. Во-первых, в прочтениях с установкой убеждения отмечается дробный характер членения – начальные и конечные синтагмы во фразах в данных текстах имеют меньшую длину (как потенциальную, так и актуализованную), чем в текстах с целью сообщения, объяснения и описания. Поскольку для каждой из рассматриваемых коммуникативных установок было проанализировано несколько текстов и прочитаны они были разными дикторами, данную

закономерность можно считать достоверной, не являющейся проявлением идиосинкразии. Во-вторых, в текстах с целью сообщения, объяснения и описания наименьшую потенциальную длину имеют срединные синтагмы, наибольшую – конечные. В прочтениях текстов с целью убеждения наоборот: наибольшей длительностью характеризуются срединные синтагмы, наименьшей – конечные. В-третьих, в прочтениях текстов с целью убеждения практически каждое потенциально ударное слово получает полное фразовое ударение. Прочтения же текстов с установкой сообщения и описания отличаются крупным характером сегментации и отсутствием фразовой выделенности на многих знаменательных словах. Соответственно, можно сделать вывод о том, что дробное синтагматическое членение с выделением каждого знаменательного слова оказывает наряду с другими языковыми средствами определенное воздействие на слушателя.

Таким образом, экспериментально подтверждается, что такие просодические признаки речи, как характер ее просодической сегментации (дробный, нейтральный, крупный), длина синтагмы в зависимости от ее позиции во фразе, а также степень актуализации потенциальной длины синтагмы, не только отражают логико-семантический план текста, но и соотносятся с определенным коммуникативным намерением, которое говорящий реализует в процессе воспроизведения текста.

Литература

1. *Надеина, Т.М.* Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19: Москва, 2004.

2. *Кривнова, О.Ф.* Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли»: Автореферат дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19: Москва, 2007.

3. *Насонова, Т.М.* Индивидуальное варьирование в просодическом членении английской фразы: Дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04: Минск, 2006.

4. *Карневская, Е.Б., Русецкая, Т.П.* Взаимодействие длины высказывания и его просодической структуры // Проблемы автоматического и экспериментально-фонетического анализа текстов: Сб. научн. ст. / Минск. гос. педагог. ин-т ин. яз.; Редкол.: А.В. Зубов (отв. ред.) и др. – Минск, 1986. – С. 39-44.

М.Ю. Олешков

(Нижний Тагил, Россия)

ПОХВАЛА И ПОРИЦАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Когнитивно-прагматический подход к анализу оценки как фактора лингвистически оформленного ценностного отношения между субъектом и предметом должен предполагать исследование аксиологического аспекта в структуре коммуникативного акта в определенной сфере человеческой деятельности, например, в педагогической. Для анализа оценочных высказываний был использован корпус дидактических текстов, переведенных в «графическую» форму, зафиксированных на диктофон и видеокамеру на уроках в общеобразовательных школах.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативный акт, оценочные высказывания.

The cognitive-pragmatic approach to evaluation analysis presupposes that evaluation is a linguistically shaped relation between subject and object which involves values. It demands research of axiological aspect in the structure of a communicative act in a definite sphere of human activity, for example, in education. The corpus of didactical texts interpreted in graphics was applied to the analysis of evaluative components. They were recorded on audio and video tapes during the lessons in different schools.

Key words: discourse, communicative act, evaluative components.

Особенностью коммуникативного поведения современного человека как члена социума является высокая частотность использования в речи речевых актов оценочной природы: любой человек в процессе жизнедеятельности постоянно оценивает предметы, явления, ситуации, поступки и действия других людей (оценка внешнего мира); оценивает свои возможности, результаты своих действий (самооценка); предвидит и учитывает, как его могут оценивать другие люди (рефлексивная оценка); формулируя оценки, оказывает влияние на окружающих (управляющая оценка) и, в свою очередь, постоянно испытывает на себе влияние оценок других людей.

Это далеко не полное перечисление некоторых разновидностей оценок убедительно демонстрирует то, что оценки необходимы индивидууму для организации почти любого акта взаимодействия с предметным миром, с другими людьми, с обществом.

В контексте вышеизложенного актуальным представляется анализ роли оценки в процессе коммуникативного взаимодействия членов социума. При этом когнитивно-прагматический подход к анализу оценки как фактора лингвистически оформленного ценностного отношения между субъектом и предметом должен предполагать исследование аксиологического аспекта в структуре коммуникативного акта в определенной сфере человеческой деятельности, а определение методологических оснований для лингвопрагматического анализа оценочных высказываний в рамках конкретного дискурса может явиться основой моделирования коммуникативного процесса в определенной производственной (бытовой) сфере общения. В частности, процесс оценивания является неотъемлемой частью многих видов профессиональной деятельности, например учителя, администратора, врача, судьи.

Объектом нашего исследования явились оценочные высказывания, реализуемые учителем на уроке в процессе речевого взаимодействия с учащимися.

Для анализа таких речевых актов был использован корпус дидактических текстов, переведенных в «графическую» форму, зафиксированных на диктофон и видеокамеру на уроках в общеобразовательных школах Нижнего Тагила и других городов Свердловской области. Следует отметить, что в приведенных ниже примерах речь учителя представлена без редакторской правки.

В интенционально-прагматическом аспекте были выделены следующие типы оценочных речевых актов.

Речевой акт-похвала интенциально является стимулирующим актом, содержит одобрительный отзыв в прямой или косвенной форме, может иметь как общеоценочные, так и частнооценочные значения. Учитель часто использует в ходе урока неразвернутые формы оценочных речевых актов, содержащие в своей структуре интенцию похвалы. Специфическими маркерами таких высказываний являются слова «*молодец*», «*молодчина*», «*умница*», «*совершенно верно*», «*отлично*», «*хорошо*» и т.д. Кроме того, похвала

выражается и в развернутых формах: *«Так, первый ряд у нас более сообразительный, молодцы, спасибо», «И совершенно верно сказал Семен – это однородные сказуемые. Молодец!», «Вот сейчас вижу, что вы действительно хорошо поработали».*

Речевой акт-порицание выступает в качестве антипода похвалы. Следует отметить, что «в педагогическом процессе похвала редко переходит в восхваление и прославление, в то время как порицание легко трансформируется в осуждение и обвинение. Тем самым нарушается специфика именно педагогического общения» [2. С. 312].

Целью данного речевого акта является выражение неодобрения, осуждения путем оценивания ситуации, поэтому мы можем сказать, что все порицания содержат в себе отрицательную оценку. Эта оценка касается либо деятельности учеников на уроке, либо их поведения. Например: *«Ваше поведение не вписывается ни в какие рамки! Мне совершенно не нравится то, что происходит у нас на переменах».* Часто педагог своими непродуманными замечаниями, в которых имплицитно представлена «оценочная» составляющая, выказывает недоброжелательность персонально. Например: *«Тебе, Пашутина, лучше перестать крутиться и вспомнить о своих оценках в журнале»; «Где же тебе справиться с заданием?».*

Нами зафиксированы выражения оценки-порицания и в агрессивно-инвективных формах: 1) насмешки (*Бакшин! Кто это написал: ученик или курица*)?; 2) оскорбления *(Ты правда дурак или притворяешься?*); 3) иронические замечания (*Руку всю изрисовал. Папуас*).

Кроме того, речевой акт-порицание часто представляет собой конструкцию с фразеологизмом. «В отличие от лексики, во фразеологии нет общеоценочных значений «хороший / плохой» [1. С.65]. Поэтому для фразеологии свойственны частнооценочные значения. Ср. пример интеллектуальной (эпистемической) оценки: *Одна говорит* ***бред сивой кобылы,*** *другая еще хлеще; Как спросишь вас, так* ***дурак дураком***.

Речевой акт-критическое суждение имеет интенцией констатацию оценки по поводу чего-либо и выражение собственного мнения. Такое высказывание являет собой яркий показатель оценочности и содержит мотивировку. Эти оценочные высказывания можно считать многофункциональными. Например: *«Ты сейчас допустил типичную ошибку – читаешь речитативом, по строчкам. Ты-ры-ты, ты-ры-ты, ты-ры-ты-ты – вот твое чтение»*.

Речевой акт-выражение оценочного суждения, мнения является статусно-ролевой прерогативой учителя. Действительно, оценивающая функция в педагогическом дискурсе подчеркивает общественную значимость учителя как представителя общества и хранителя его норм и реализуется в праве учителя давать оценку как событиям, обстоятельствам и персонажам, о которых идет речь при обучении, так и достижениям ученика. Например: *«Я полагаю, вам будет сложно в полной мере раскрыть данную тему»; «Судя по всему, вы так и не разобрались в этом материале»*. В данную категорию могут входить речевые акты, которые сложно однозначно охарактеризовать, то есть такие, которые содержат в себе различные оттенки интенций оценки. Эти высказывания в некоторых случаях содержат в себе скрытую оценку, которую преподаватель сообщает, направляя и помогая понять ученикам, в чем состоит ошибка или недочет.

Речевой акт-оценка учебного материала имеет целью высказать отношение к содержанию обучения, создавая, таким образом, необходимый эмоциональный настрой и формируя отношение учеников к нему.

Следует сказать, что личное отношение учителя к материалу иногда отражается на манере его подачи, тем самым усиливая воздействие на учеников. Например: *«Физика – совершенно не сложная и очень интересная наука, и я попытаюсь вам это доказать»; «Сегодня мы познакомимся с творчеством прекрасного, на мой взгляд, писателя – А. П. Чехова»*.

Как правило, ученики принимают точку зрения учителя как должное, редко в ней сомневаются. Поэтому педагог, используя такие речевые акты, всегда должен предвидеть их действие на антиципационном уровне.

Речевой акт-оценка деятельности учеников. Субъективность данной группы речевых актов обусловлена личностным отношением учителя к учащимся в рамках оппозиции *симпатия/ антипатия*. Подобные высказывания коррелируют с конструкциями, рассмотренными в группе речевых актов – выражениях оценочного суждения, мнения. Основное отличие заключается в том, что оценочный компонент, представленный в таких высказываниях, имеет ряд особенностей. Так, часто для учителя важную роль при вынесении оценки играют или внешние характеристики личности, или какие-либо черты характера, а не уровень знаний и успешность в обучении. Стереотипизация чаще проявляется в речевых актах с негативной оценкой. Например: *«Хохлов, как мне надоело делать тебе замечания! Несмотря на твой, в общем-то, хороший ответ, твое поведение не позволяет поставить тебе выше «3»; «Рома, ты у меня в последнее время весь в двойках, и я смотрю, что это тебя вполне устраивает. Ну и сиди в двойках»*.

Данная классификация позволила выделить основные лингвистические параметры оценочных речевых актов, реализующихся в образовательном процессе.

В заключение следует сказать, что изучение речевой деятельности учителя в процессе выполнения им профессиональных функций – не только теоретическая, но и практическая задача. Так как одним из критериев продуктивного педагогического общения является создание благоприятного психологического климата, целенаправленное формирование определенных межличностных отношений в школьной аудитории и др., то умение эффективно осуществлять эту деятельность является важнейшей составляющей профессиональной компетентности педагога.

Литература

1. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988.
2. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

Ю.В. Поветкина
(Рязань, Россия)

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА В РАМКАХ WEB-СТРАНИЦЫ

Наше исследование посвящено Web-странице как особой форме существования текста в сети Интернет. В статье рассматривается такой параметр письменного текста, как информативность, и анализируются особенности данной категории применительно к анализируемым текстам.

Ключевые слова: интернет, Web-страница, текст, информативность.

Our research is devoted to a Web-page as a specific form of text existence. The article centers on such a property of a written text as informativity; it also analyzes specific features of this category as far as texts presented in the Internet go.

Key words: the Internet, Web-page, text, informativity.

К первой половине 90-х гг. в глобальной телекоммуникационной сети Интернет были накоплены внушительные объемы информации, хранящейся в самых разнообразных формах: от текстов, документов, изображений, звуковых и видеофрагментов до разнообразных программ. Для пользования этой информацией была создана принципиально новая технология – система World Wide Web [4. С. 87]. Это десятки миллионов серверов Интернет, содержащих Web-страницы, в которых используется технология гипертекста [3].

Web-страница как совокупность разнообразных информационных единиц обладает специфическими чертами, которые накладывают отпечаток на структурирование и свойства текстов, размещаемых в системе Интернет.

Цель данной статьи – выяснить, присуща ли Web-странице такая категория письменного текста, как информативность [2], насколько применимы данные теории моделей общения к изучению структуры Web-страницы. Отвечая последовательно на поставленные перед нами вопросы, мы будем рассматривать Web-страницу как особый вид текста с целью определения его основных именно текстовых характеристик.

Говоря об информативности, необходимо заметить, что данная категория текста базируется на положении о том, что в тексте содержится некая информация. Под информацией понимаются новые сведения о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности. Категория информации охватывает ряд проблем, выходящих за пределы нелингвистического характера, а именно: проблема нового (неизвестного); ценность получаемой информации. Информация может подразделяться на различные виды. Например, И.Р. Гальперин выделяет содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. Категория информативности, представляющая собой обязательный признак текста, может проявиться в разных формах – от нулевой, когда содержание текста не дает ничего нового, а лишь повторяет уже известное, до концептуальной, когда для ее выявления необходимо подвергнуть текст скрупулезному анализу. Между этими полюсами располагается информация различной степени насыщенности.

Информативность Web-страницы обусловливается несколькими факторами. Во-первых, пользователь, как правило, получает доступ к ней, стремясь найти какую-то определенную нужную ему информацию, поэтому информативность полезных ему сайтов предполагается изначально.

Во-вторых, своеобразие проявления категории информативности Web-страницы определяется её устройством, а именно таким её главным отличительным признаком, как наличие ссылок. Если в обычных текстах информация в какой-то степени предопределяется самим названием данного типа текста (например, общеизвестно, что пакт представляет собой особый тип соглашения, заключаемого двумя державами на условиях, типичных именно для текста-пакта), то в Web-странице она обусловлена ключевым словом в ссылке: прежде чем активизировать ссылку, пользователь строит гипотезу о том, какую информацию может содержать новый открывшийся сайт, и решает для себя, будет ли эта информация новой и ценной для него.

В-третьих, в Интернет существует огромное количество специальных сайтов, содержащих новости, поэтому главная цель таких сайтов – сообщение именно новой информации (как правило, содержательно-фактуальной), поэтому категория информативности им объективно присуща. Более того, очень многие сайты содержат специальные ссылки «news», «related news», «новости», активизировав которые, пользователь получает интересующую его информацию, связанную с данной Web-страницей. Кроме того, часто на довольно длинных Web-страницах, содержащих много текста, первый, а иногда и несколько абзацев, сообщают пользователю, какую информацию он может найти на данном сайте.

В-четвертых, ввиду огромного многообразия сайтов в сети Интернет, а также таких объективных факторов, как стремление зарабатывать с помощью своей Web-страницы деньги, создатели Web-сайтов стремятся сделать их как можно более посещаемыми, чтобы, в частности, как можно большее число рекламодателей захотело размещать на этих сайтах свою рекламу, доход от которой получает владелец сайта. Поэтому владельцы Web-страниц просто вынуждены помещать на них новую, ценную для пользователей информацию, делая, таким образом, информативность объективным неотъемлемым признаком гипертекстовой страницы [1].

В-пятых, содержательно-концептуальная информация, индивидуально-авторское понимание описываемых явлений, их значимости и причинно-следственной связи, (то есть замысел автора плюс его содержательная интерпретация, наиболее ярко представленная в художественных текстах), может быть получена и из Web-страницы, где в большинстве случаев она выражена достаточно ясно. В сети существует огромное количество самых разнообразных сайтов, среди них есть и такая категория, как художественные произведения, которые содержат все особенности, присущие именно художественному тексту [5].

В-шестых, имеет свои особенности и проявление содержательно-подтекстовой информации (скрытой, факультативной информации, обязательно

присущей художественному тексту и извлекаемой из него благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения) в Web-странице. В основе содержательно-подтекстовой информации лежит способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях, или к восприятию двух разных, но одновременно связанных между собой сообщений [2. С.40]. Ситуативная содержательно-подтекстовая информация возникает в связи с ранее описанными фактами и событиями; ассоциативная возникает в силу свойственному нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом. Мы предполагаем, что ссылки в гипертекстовых страницах, а также возможность вернуться к ранее просматриваемому документу являются своеобразным выражением содержательно-подтекстовой (в большинстве случаев ситуативной) информации в Web-странице, которая «заявляет о себе» прежде всего в графических средствах – цвете шрифта, подчеркивании (как, например, в газетном тексте), графических изображениях, не только дающих пользователю возможность получения большей информации, но и обращающих его внимание на определенный «подтекст», без понимания которого невозможно полное восприятие изложенной информации.

И наконец, ещё одной особенностью выражения информативности Web-страницы является краткость и наглядность представленной информации. Такая организация информации удобна прежде всего для пользователя, так как избавляет его от ненужных деталей и обеспечивает быстроту просмотра сведений, представляя их в сжатом виде, и быстроту их восприятия за счет доступных гипертекстовым страницам средств цвета, анимации, графики и даже звука.

Итак, категория информативности объективно присуща Web-странице, хотя в связи с выполняемыми ею особыми функциями, она имеет ряд отличий от других видов письменных текстов.

Литература

1. *Воскобойников, Я.С., Юрьев, В.К.* Журналист и информация: Профессиональный опыт западной прессы. – М.: РИА "Новости", 1993.

2. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.

3. *Рязанцева, Т. И.* Гипертекст и электронная коммуникация. – М.: ЛКИ, 2010.

4. *Угринович, Н. Д.* Основы Интернет // Информатика и образование. – 1999 – № 29.

5. *Шехтман, Н. А.* Понимание речевого произведения и гипертекст.– М.: Высшая школа, 2009.

Л.В. Рускевич

(Минск, Беларусь)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЭКСПРЕССИВНОСТИ И ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА УСТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Наше исследование посвящено проблеме взаимодействия просодических и лексических средств в реализации экспрессивности в английской речи. Результаты анализа показывают, что экспрессивными просодическими средствами в первую очередь маркируются экспрессивные лексические единицы. Фразы с нейтральной лексикой также могут быть носителями экспрессивных просодических средств, поскольку просодия способна самостоятельно передавать комплекс модально-прагматических значений, обусловленных речевой ситуацией.

Ключевые слова: экспрессивность, экспрессивные просодические средства, экспрессивные лексические единицы, воспринимаемые просодические характеристики.

The article reports on our research on the interaction of prosodic and lexical means of expressivity in English. The results show that expressive prosodic means mark first and foremost expressive words. Utterances with neutral lexical content can also be pronounced with expressive prosody since prosody is capable of conveying pragmatic meanings determined by the speech situation.

Key words: expressivity, expressive prosodic means, expressive lexical elements, percepted prosodic characteristics.

Сегодня у исследователей не вызывает сомнений тот факт, что, поскольку речь являет собой целенаправленное когнитивное и коммуникативное действие, речевое общение предполагает речевое воздействие [4. С. 7]. Изучение механизмов речевого воздействия как средства достижения максимальной эффективности речевой коммуникации, в частности, ее устной формы, относится к числу наиболее интенсивно развивающихся лингвистических направлений. Подчеркивается, что эффективность коммуникации оказывает влияние на реализацию многих видов деятельности, гармонизацию межличностных отношений и приобретает особую важность в стрессовых ситуациях, а также в педагогической сфере деятельности [3. С. 10]. Такое понимание придает особую значимость экспериментально-фонетическим исследованиям, раскрывающим роль просодических средств языка в реализации коммуникативного намерения говорящего и воздействия на восприятие слушателя. Очевидно, что достижение необходимого для целей коммуникации результата осуществляется в процессе взаимодействия средств всех языковых подсистем и только комплексный подход к изучению речевой коммуникации может действительно показать реальную роль единиц каждой из подсистем. Изучение взаимодействия просодических и лексических средств находится непосредственно в русле такого направления, поскольку именно названный вид взаимодействия с наибольшей очевидностью проявляется, как кажется, в аспекте речевой экспрессивности.

Мы провели исследование, которое было направлено на установление характера взаимодействия просодических и лексических средств в создании экспрессивного речевого высказывания в английском языке. Экспериментальный материал данного исследования состоял из двух серий. Первая серия представляла собой выборку аутентичных образцов английской звучащей речи из звуковых приложений к аутентичным курсам английского языка на продвинутом этапе обучения (upper-intermediate and advanced) общим временем звучания 5 часов. Во всех анализируемых образцах содержались экспрессивные лексические единицы. Вторая серия материала состояла из

специально составленных минимальных пар повествовательных фраз, записанных в цифровом формате wma (Winamp media file) пятью носителями британского варианта английского языка. Минимальные пары фраз отличались только одной лексической единицей, например: *Our holiday was marvellous* / *Our holiday was good*. Слова, различающие фразы в такой паре, совпадали по части речи и синтаксической функции, имели синонимичные значения, но были противопоставлены как экспрессивные и нейтральные. Следует подчеркнуть, что в нашей работе термину «нейтральная лексика» было сознательно придано расширительное толкование: экспрессивные лексические единицы в составе фраз во всех сериях экспериментального материала сравнивались с синонимичными им оценочными словами, которые, строго говоря, не являются нейтральными. Тем не менее, сопоставление ингерентно экспрессивных лексических единиц с более слабыми с точки зрения экспрессивного потенциала словами, на наш взгляд, позволяет не просто констатировать факт модификации просодической структуры фразы под влиянием экспрессивного слова, что само по себе не вызывает сомнений, но исследовать более тонкие аспекты такой модификации. Одним из этапов нашего исследования стало изучение воспринимаемых просодических характеристик экспериментального материала, которое было осуществлено на основе просодической разметки, полученной от аудиторов-фонетистов, преподавателей кафедры фонетики английского языка Минского государственного лингвистического университета, имеющих большой опыт аудитивного анализа. Разметка производилась в соответствии с принятой системой обозначений [1, 2]. В частности, нас интересовали особенности лексического состава фраз, отмеченных экспрессивными просодическими средствами.

Для анализа лексического состава из первой серии (выборки устных текстов) была отобрана 1000 фраз небольшой степени развернутости (от 1 до 4 синтагм/ интонационных групп), в которых аудиторами-фонетистами были отмечены экспрессивные просодические средства: эмфатические варианты статических и кинетических тонов, а также ингерентно экспрессивные

тональные структуры, характеризующихся усложненным мелодическим рисунком (скользящая и скандентная шкалы, восходящее-нисходящий тон, сочетание нескольких кинетических тонов в синтагме). Более половины высказываний (56%), маркированных воспринимаемыми экспрессивными средствами просодии, содержали в своем составе экспрессивные лексические единицы. Нейтральным лексическим составом обладали 44% таких фраз. Причина достаточно высокой доли лексически нейтральных фраз, произнесенных с экспрессивной просодией, состоит, на наш взгляд, в том, что эти фразы являлись частью некоторого относительно целостного дискурсивного фрагмента и испытывали на себе влияние его модально-прагматического содержания. Последнее создается, в первую очередь, присутствующими в диалоге (тексте) экспрессивными словами, а также синтаксическими средствами экспрессивности:

The ˈˈheat ‖ at midˌday ‖ is inˈˈcredible. ¯I ˈcan't ˌbear to move aˈway from the ^fan. Since we arˈrived here ‖ at mid Sepˌtember ‖ the ˈˈheat ¦ has been getting ∪∪worse and ˌworse. I ∪feel ˈsorry ¦ for ˈpoor ˌMartin, ‖ on his ˈfeet ˈteaching all day. ˈAnd he has to start ˌwork ˈat ˈˈ/7.

В этом примере прочитанного диктором письма женщины, живущей в Африке и жалующейся на невыносимую жару, экспрессивность текста создается употреблением соответствующих лексических единиц: *incredible (невероятная, невыносимая), can't bear* (*не выношу, терпеть не могу*), повтором прилагательного в сравнительной степени *worse* (*все хуже и хуже*). Все названные слова отмечены аудиторами экспрессивными просодическими средствами. Однако и последующие фразы, в составе которых нет экспрессивных слов, произнесены с экспрессивной просодией. Очевидно, что экспрессивное слово не только делает экспрессивной фразу, в состав которой оно входит, но и придает экспрессивную окраску всему дискурсивному фрагменту. Далее мы отдельно изучили особенности просодической структуры фраз, содержащих экспрессивные лексические единицы в своем составе. Для этого нами было выбрано 500 таких фраз небольшой и средней степени

развернутости (1 – 4 синтагм/ интонационных групп). Анализ их просодии показал, что в 92% (458 фраз) аудиторами были отмечены экспрессивные просодические маркеры. Обращает на себя внимание тот факт, что количество фраз с экспрессивными лексическими единицами, произнесенных с нейтральной интонацией, значительно уступает числу фраз с нейтральной лексикой, произнесенных с экспрессивной интонацией. Таким образом, в случае наличия в лексическом составе фразы ингерентно экспрессивных лексических единиц экспрессивная просодия высказывания является нормой. В свою очередь, в зависимости от характера целого устного текста/ дискурсивного фрагмента и в том числе от наличия в нем экспрессивных слов или синтаксических структур, просодическая структура фразы с нейтральным лексическим составом может стать экспрессивной. Исследование воспринимаемых просодических характеристик минимальных пар обнаружило те же тенденции, что и анализ фраз сплошной выборки. Из общего числа фраз в минимальных парах, содержащих экспрессивные лексические единицы, число фраз, маркированных экспрессивными средствами просодии, составило от 90% до 100% по данным пяти дикторов. Например: *\He ¦ is \\gorgeous* (*Он потрясающий*). Приведенные данные еще раз подтверждают, что наличие лексических единиц с высоким прагматическим потенциалом обусловливает употребление экспрессивной просодии. Тем не менее, количество фраз с относительно нейтральными синонимами, произнесенных с экспрессивной просодией, в реализации всех дикторов (от 15 до 25%) все равно превысило количество экспрессивных фраз, произнесенных с нейтральной просодией. Наличие экспрессивных просодических маркеров во фразах с нейтральными синонимами объясняется тем, что все они, как и фразы с экспрессивными ЛЕ в минимальных парах, имеют оценочно-прагматическую направленность, что является предпосылкой просодической экспрессивности. Например: *She ˊlooked at\/tractive.* (*Она выглядела привлекательно*).

Проведенный нами анализ показал, что экспрессивность звучащей речи проявляется как в наличии и разнообразии экспрессивных средств просодии,

так и в необходимом взаимодействии просодии с аналогичными средствами других языковых подсистем, в частности, лексической. Экспрессивность на уровне просодии предполагает, прежде всего, необходимость маркировать определенные группы слов с высоким прагматическим потенциалом. Нейтральные лексические единицы также нередко являются носителями экспрессивных просодических средств в силу ингерентной способности просодии самостоятельно передавать комплекс модально-прагматических значений, обусловленных речевой ситуацией.

Литература

1. *Карневская, Е.Б.* Практическая фонетика английского языка на продвинутом этапе обучения: учебник / Е.Б. Карневская, Е.А. Мисуно, Л.Д. Раковская; под общ. ред. Е.Б. Карневской. – 4-е изд., перераб. – Минск: Аверсэв, 2011.

2. Практическая фонетика английского языка : учебник / Е.Б. Карневская [и др.] ; под общ. ред. Е.Б. Карневской. – 9-е изд., испр. – Минск: Вышэйшая школа, 2011.

И.П. Савилова, Г.П. Лошак

(Рязань, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Наше исследование посвящено изучению фразеологических единиц английского языка в контексте политического дискурса. Коммуникативный подход к изучаемой проблеме фокусируется на особенностях функционирования фразеологических единиц в различных типах политического дискурса, который отражает специфику политической жизни Великобритании.

Ключевые слова: фразеологические единицы, политический дискурс, коммуникативный подход, функциональные особенности.

The article is devoted to the study of English phraseological units in political discourse. The communicative approach to the problem under study focuses on their functioning in various types of political discourse which reflect the peculiarities of political life in Britain.

Key words: phraseological units, political discourse, communicative approach, functional peculiarities.

Коммуникативный подход к изучению языка предполагает изучение условий, в которых протекает речевая коммуникация, то есть культурного, исторического, психологического и ментального пространства данной нации [1]. В центре внимания многих исследователей находится дискурс, являющийся многогранным коммуникативным феноменом, включающим в себя кроме самого текста (устного и письменного, диалогического и монологического) также и важные экстралингвистические факторы, способствующие его пониманию. Подробный обзор трудов по проблеме дискурса дан в работе Н.Н. Миронова [2].

Английская фразеология является конденсатом сложного комплекса культуры и психологии народа, отражением его образного мышления и особенностей речетворчества. Знание фактов реальной действительности, в которой существует данный народ, так называемые «фоновые» знания, обеспечивают адекватное понимание текста, объясняют образы, лежащие в основе фразеологических единиц (ФЕ). Все это свидетельствует о том, что английская фразеология занимает важное место в информационном пространстве дискурса. Она пронизывает буквально все сферы человеческого общения. Знакомство с идиоматикой английской речи способствует развитию чувства языка, которое необходимо воспитывать с ранних этапов обучения.

Фразеологизмы широко используются в речи глав государств, дипломатов и других официальных лиц. В одной из своих речей королева Великобритании Елизавета II, говоря о поре своей юности, употребила сразу две фразеологические единицы – *salad days* «юность, пора становления человека» и *green in judgement* «недостаток жизненного опыта» – в одном предложении. Знание фразеологии является одним из важных показателей уровня владения языком, помогает переводчикам адекватно передавать смысл тех или иных идиоматических выражений.

Как отмечает Е.Ю. Яценко, «...дискурс определяет конкретное содержание прагматических отношений для данного пользователя языка и форму их представления в каждом отдельном тексте» [3]. Текст является

структурной единицей дискурса. Основная прагматическая целеустановка текста – оказать воздействие на реципиента. Она актуализируется в словах, словосочетаниях и предложениях, включая идиоматические ФЕ. В современной литературе выделяются несколько видов дискурса: педагогический, юридический, военный и др. Объектом нашего исследования является политический дискурс. В его основе лежат оценочные характеристики жизни общества. Анализ английских текстов показывает, что языку современного политического дискурса свойственна метафоричность, например, ФЕ *to twist the lion's tail* означает «выступать с нападками на Англию» (лев – национальная эмблема Великобритании).

ФЕ *to upset sb's apple cart(s)* означает «сорвать, расстроить чьи-либо планы». В предложении The Vietnamese people upset the American apple-carts имплицитно выражается мысль о том, что американцы потерпели поражение в войне во Вьетнаме. Заголовки многих политических статей о России в кризисные 90-е годы содержат ФЕ, нередко в форме вопросительного предложения, например, How can we cross the Rubicon? Выражение *to cross the Rubicon* означает «перейти Рубикон, сделать решительный шаг». Рефреном этого заголовка звучат первые два предложения текста: Once the die is cast you have to cross the Rubicon. But how? В данном случае речь идет о так называемой «шоковой терапии» при переходе к рыночной экономике в России. ФЕ *the die is cast* означает «жребий брошен, конец колебаниям, сомнениям, нерешительности». Обе ФЕ, а также смысл предложения в целом могут быть поняты только при условии знания коммуникантами истории Древнего Рима и конкретной политической ситуации в России, то есть использования «фоновых» знаний.

В ряде случаев ФЕ, входящие в состав заголовков, подвергаются разнообразным трансформациям. ФЕ *to cut the Gordian knot* «разрубить гордиев узел, разрешить сложное, запутанное дело быстро и решительно» требует знания древней легенды. В заголовке текста "Knots must be undone and not cut" наблюдается сложная деформация исходной ФЕ с соответствующим изменением смысла в сторону смягчения категоричности высказывания.

Использование ФЕ в сфере политического дискурса нередко иллюстрирует соблюдение принципа политкорректности, смягчения отрицательной оценки высказывания.

Вышеизложенное подчеркивает тот факт, что английская фразеология является важной составной частью как процесса преподавания практики языка, так и теоретических дисциплин, а именно, лексикологии, стилистики, теории и практики перевода, что диктует необходимость создания соответствующих учебных материалов.

Литература

1. *Костикова, Л. П.* Формирование лингвосоциокультурной компетенции в условиях диалога культур. – Рязань: РГУ, 2008.

2. *Миронов, Н.Н.* Дискурс – анализ оценочной семантики. – М.: НВИ – «Тезаурус», 1997.

3. *Яценко, Е.Ю.* Текст как структурная единица дискурса // Система языка в свете современной научной парадигмы. – Рязань: РГПУ, 1998. – С.60-61.

А.В.Федорюк

(Иркутск, Россия)

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Х. КЛИНТОН

В статье рассматриваются семантические особенности политических эвфемизмов, используемых Х.Клинтон в политических речах. Феномен эвфемистического переименования политических явлений представляет собой результат своеобразного компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов политика). Суть эвфемистических трансформаций в дискурсе сводится к референциальному сдвигу и смещению прагматического фокуса в семантике слова.

Ключевые слова: политический дискурс, эвфемизм, сема, денотат, прагматический фокус.

The paper deals with the semantic peculiarities of political euphemisms, used in H. Clinton’s political speeches. The use of euphemism in political discourse is a result of compromise between the word’s semantics and pragmatics. The essence of euphemistic transformations consists in the referential shift and changing the location of pragmatic focus in the word’s meaning.

Key words: political discourse, euphemism, seme, denotative component, pragmatic focus.

В лингвистических исследованиях политического дискурса под политическим дискурсом понимают дискурс политика. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью политиков, мы полагаем, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса. Это означает, что дискурсами политиков считаются те дискурсы, которые производятся в такой институциональной обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии и др. Высказывание должно быть произнесено говорящим в его профессиональной роли политика и в институциональной окружающей обстановке.

Материалом для исследования в статье послужили тексты политических публичных речей и интервью Х. Клинтон. Специфика семантики политических речей Х. Клинтон определяется использованием эвфемизмов. Эвфемизмами принято называть замены любого нежелательного в данной ситуации слова или выражения при помощи нейтрально или положительно коннотированного обозначения с целью избежать конфликта в общении и/или скрыть неприятные явления действительности [1]. Эвфемизм как разновидность референциальной манипуляции мотивируется предположением о том, что изменение имени может придать новые свойства денотату, то есть, как бы меняет его природу. Будучи непрямым, косвенным обозначением стигматизируемого предмета или явления, эвфемизм связан с денотатом опосредованно, через первичное наименование, известное как отправителю сообщения, так и адресату. Значению эвфемизма свойственна семантическая двуплановость, то есть одновременная реализация признака первичного и вторичного денотатов.

В когнитивном аспекте отказ от прямой номинации означает направление категоризации в сторону удаления от прототипа и размывания референтной соотнесенности. Если значение прямого наименования считать соответствующим прототипу, то значение эвфемизмов соотносится с периферийными членами категории и представляет собой результат трансформаций значения центрального члена. Суть этих трансформаций

сводится к референциальному сдвигу и смещению прагматического фокуса. Под прагматическим фокусом исходного наименования будем понимать сему или группу сем, мотивирующих отрицательную оценку. Например, в номинации capital punishment (penalty of death for a crime – смертельный приговор) прагматический фокус составляют семы “death” («смерть») и “crime” («преступление»). В процессе эвфемистического переименования capital punishment на retribution (severe deserved punishment – возмездие) происходит сдвиг фокуса с самого действия насильственного лишения жизни на его мотивировку: отрицательность сохраняется (наказание за зло/ преступление), редуцируется сема «смерть», она переводится в импликационал как одна из возможных разновидностей наказания), из импликационала вводится сема «справедливость» («заслуженное наказание»), благодаря которой эвфемистическая номинация получает коннотацию одобрения. Таким образом, смещение прагматического фокуса в процессе эвфемистического переименования приводит к «улучшению» денотата, что и является основной задачей эвфемии. Наиболее распространенными моделями смещения прагматического фокуса в политических речах Х. Клинтон являются:

1. Аморальное действие → благородный мотив/ достойная цель. Например, в представленном ниже высказывании, Х. Клинтон использует эвфемизм “military assistance” для того, чтобы оправдать поставки оружия в Израиль (что является по своей сути аморальным) благородными намерениями, то есть с достойной целью оказания помощи: Under President Obama's leadership, we have reinvigorated defense consultations, redoubled our efforts to ensure Israel's qualitative military edge, and provided nearly $3 billion in annual *military assistance* [4].

2. Незаконность → законность действий. При номинации незаконных террористических банд-формирований (terrorists) Х. Клинтон употребляет эвфемизм rejectionists (от гл. to reject – отказывать), чью деятельность, связанную с отказом выполнения каких-либо действий или обязательств, можно считать вполне законной, например: All of our regional challenges –

confronting the threat posed by Iran, combating violent extremism, promoting democracy and economic opportunity – become harder if the ***rejectionists*** grow in power and influence [4].

3. *Мы (we)* ответственность → *они (they)* ответственность. We would welcome congressional support, but I don't think that this kind of ***internationally authorized intervention*** where we are one of a number of countries participating to enforce a humanitarian mission is the kind of unilateral action … [3]. США начали военные действия в Ливии без одобрения конгресса. Поэтому Х. Клинтон в интервью с журналистом снимает с себя и с администрации президента (we are one of …) ответственность за события, происходящие в стране, возлагая всю ответственность на другие страны (a number of countries participating = they). Эвфемистическую замену лексемы war на internationally authorized intervention в данном примере можно рассматривать как прием устранения неприятного факта путем изменения способа его констатировать. Используемые Х. Клинтон различные языковые средства, позволяющие уклониться от прямой номинации, могут быть классифицированы по формальным и содержательным характеристикам. С формальной точки зрения, исходя из количественного соотношения единиц, составляющих исходное и результирующее наименование, эвфемизмы можно свести к трем типам: развертывание: слово → словосочетание (war → military action), например: Our military action was taken in response to the obvious humanitarian crisis [3]; свертывание: словосочетание → слово или цифра (terrorist attack → 9/11), например: We know the world has changed after 9/11, an event which became a disjunctive, transformational moment in the history of the United States … [4]; эквивалентная замена, то есть количество составляющих слов не меняется (war → conflict), например: The conflict with the Palestinians and with Israel's Arab neighbors is an obstacle to prosperity and opportunity for Israelis, Palestinians, and people across the region [4].

По характеру семантических преобразований и смысловому эффекту разграничиваются два типа эвфемистических замен: с увеличением смысловой неопределенности и без ее увеличения.

Что касается эвфемистических замен, основанных на увеличении смысловой неопределенности, то Е.И. Шейгал выделяет два типа неопределенности: размытость пропозиционального содержания и расплывчатость в отношении между пропозициональным содержанием и говорящим и соответственно различает неопределенность, вызванную семантической редукцией и расширением референциального объема, и неопределенность, вызванную снижением категоричности констатации факта [2.С.193-194]. Снижение категоричности констатации факта достигается в дискурсе Х. Клинтон использованием описательного перифраза, суть которого состоит в распределении значения на несколько слов: We'll have to work hard to bring our troops home from Iraq and get them the support they've earned by their service [5]. В данном примере Х. Клинтон вместо довольно резкой фразы «вывести войска» ("to withdraw troops") прибегает к использованию эвфемизма «вернуть войска домой» ("to bring troops home").Такой прием распределения значения на несколько слов способствует снижению категоричности констатации факта, то есть служит средством избежать прямой конфронтации с проблемой. Увеличение референциальной неопределенности обеспечивается в дискурсе Х. Клинтон генерализацией, размыванием смыслового содержания. Средствами генерализации выступают: замена нежелательного наименования родовым термином, в значении которого отсутствуют компоненты прагматического фокуса, мотивирующие отрицательную оценку: conflict (war), например: Staying on this course means continuing a conflict that carries tragic human costs [4]; замена нежелательного наименования словом широкой семантики (action, effort, mission, operation (= aggression, invasion, war), например: We have prevented a potential massacre, established a no-fly zone, stopped an advancing army, added more partners to this coalition, and transferred command of the military effort to NATO [3]. Эвфемистическое переименование в политическом дискурсе Х. Клинтон является проявлением магической функции языка, а именно использование эвфемизмов позволяет политику достичь поставленной цели избежать ясного и недвусмысленного обозначения

своей политической позиции, создать видимость идеологического компромисса и благодаря этому привлечь на свою сторону.

Литература

1. *Кацев, А.М.* Роль ассоциативности в эвфемии // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. – Пятигорск: Изд.-во ПГИИЯ, 1981. – С. 140-146.
2. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
3. www.telegraph.co.uk/.../Libya-Hillary-Clinton-says-Col-Gaddafi-is-exploring-options-for-exile.html
4. http://blogs.jta.org/politics/article/2010/03/22/1011273/hillary-clintons-aipac-speech
5. www.nytimes.com/2008/.../07text-clinton.html

Д.С. Храмченко

(Тула, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ КАК НЕСТАНДАРТНОГО ПРИЁМА АНГЛИЙСКОГО БИЗНЕС-ДИСКУРСА

Наше исследование посвящено рассмотрению метафоры как нестандартного риторического приёма английского делового дискурса через призму функциональной лингвосинергетики.

Ключевые слова: лингвосинергетика, синергийный, метафора, дискурс, семантика, прагматика.

The article is devoted to functional-synergetic analysis of metaphors as unconventional means of Business English discourse.

Key words: linguosynergetics, synergetic, metaphor, discourse, semantics, pragmatics.

Одним из интереснейших направлений в рамках синергетических исследований языка и речи является функциональная лингвосинергетика, осуществляющая изучение свойств и процессов самоорганизации речевой деятельности в русле функционального лингвистического направления – большей частью на материале функциональной характеристики современного английского дискурса, рассматриваемого как открытая сложная неравновесная

нелинейная функционально-смысловая система, активно взаимодействующая с окружающей средой (сознанием участников общения и коммуникативной ситуацией) и характеризуемая наличием саморегулятивных, самоорганизационных процессов.

Функциональная лингвосинергетика, чьи основные теоретические положения были разработаны в трудах Е.В. Пономаренко [1], позволяет выявить собственно языковые/ речевые способы комплексного воздействия на сознание и чувства человека в процессе вербального общения и представить всю динамику функционального плана английского дискурса как развёрнутый наглядный процесс, обусловленный необходимостью кооперирования элементов и частей системы для реализации коммуникативной цели, их комплексным взаимодействием как элементов единой системы, обладающей ингерентным свойством саморегулирования. При этом важно понимать, что речь идет не о формально-структурной самоорганизации дискурса, а о функционально-смысловой самоорганизации, то есть о саморегулировании многогранного семантико-прагматического пространства дискурса, которое формируется в результате взаимоусиливающего кооперативного функционирования всех компонентов его системы.

Среди перспективных задач функциональной лингвосинергетики необходимо отметить создание эффективной деловой риторики английского делового дискурса как синергийной системы, в которой в процессе саморегулирования смыслового пространства речи спонтанно возникают новые прагма-семантические компоненты и функциональные свойства. Лингвосинергетика позволяет под новым углом взглянуть на многие, казалось бы, изученные приёмы бизнес-общения, раскрыть механизм их функционирования и сформировать оптимальную теоретико-методологическую базу для совершенствования деловой коммуникации.

В последние годы в английском деловом дискурсе наметилась и даже успела стать характерной для него тенденция к более частому использованию риторического приёма метафоры, дающего возможность

говорящему/пишущему субъекту вербализовать свои идеи и мысли в яркой, убедительной, экспрессивной форме, легко привлекающей и удерживающей внимание коммуникантов. По мнению многих специалистов в области риторики, метафора служит одним из «самых мощных риторических средств, рассчитанных на долговременное воздействие» [2. С.52], однако её использование в бизнес-общении, как правило, влечёт за собой нарушение целого ряда постулатов Г.П. Грайса (максимы релевантности и полноты информации), что может приводить к дерегламентации рассматриваемого типа дискурса в результате блокирования адекватного взаимодействия системы с внешней средой и отклонения прагма-семантического пространства от равновесного состояния. При этом следует отметить, что в нашем случае речь не идёт о специальных метафорических терминах, регулярно используемых в деловой коммуникации.

С точки зрения функциональной лингвосинергетики, метафора представляет собой один из наиболее действенных приёмов оказания прагматического воздействия на коммуникантов, основанный на комплексном нелинейном взаимодействии линейно выстроенных дискурсивных элементов, принадлежащих семантическим полям, как правило, не имеющим отношения к деловой тематике. Кооперируя друг с другом, такие элементы диссонируют с текущей стадией развития системы, её составляющими и блокируют обмен с внешней средой – коммуникативной ситуацией. Функциональные колебания дискурсивной системы смыслов воздействуют на интеллектуальную сферу участников общения, побуждая их к более глубокому осмыслению всей полноты прагма-семантического спектра, активизируя разнообразные пласты фоновых знаний, без которых «декодирование» смысла метафоры невозможно. Результат простого линейного сложения семантики дискурсивных элементов подвергается диссипации, отходя на периферию сознания адресатов, откуда в систему привлекаются дополнительные смысловые компоненты, определяющие успешное продвижение делового дискурса по направлению к функциональному аттрактору.

Так, например, в статье «Shifting The Burden» популярного в деловых кругах издания The Economist автор прибегает к приёму метафоры для манипулирования сознанием целевой аудитории и создания необходимого ему воздействующего прагма-семантического пространства дискурса:

When Hercules wanted to steal the golden apples of the Hesperides he offered a trade with Atlas, the titan who was holding up the heavens. Hercules would assume the burden for a bit if Atlas would fetch the apples, which were guarded by a many-headed monster. When Atlas returned, Hercules had to trick him into taking back his load.

The story can be seen as an analogy for the debt crisis. In a bid to prevent economic collapse the public sector has taken on some of the debt burden of the private sector. But in the medium term governments need to persuade the private sector to become the engine of the economic growth once more. [3]

Предваряя основной текст, автор выносит в качестве подзаголовка вопросительное высказывание «Governments have taken the debt strain, but can they get rid of it?», которое настраивает читателей на восприятие серьёзного анализа проблемы долговых обязательств, взятых на себя правительствами стран для минимизации ущерба от разрушительного экономического кризиса середины 2000-х. Однако, вводимые далее в систему элементы *Hercules, golden apples of the Hesperides, Atlas, many-headed monster* относятся к нетипичному для деловой коммуникации семантическому полю древнегреческой мифологии и полностью не соответствуют ожидаемому вектору эволюционного развития прагма-смысловой системы, диссонируя с имевшимися ранее лексическими единицами *governments* и *debt strain*. Возникшие функциональные и стилистические флуктуации усиливаются в результате нарушения обмена между дискурсом и его внешней средой. Единственным скрепляющим звеном, препятствующим краху всей системы, является вынесенное в сильную позицию словосочетание *shifting the burden*, допускающее в контексте данного этапа развития прагма-семантического пространства двоякое толкование и коррелирующее одновременно со всеми системными элементами, в том числе и

хаотизирующими. Активизация внутренних синергийных процессов самоорганизации и усиление взаимодействия с сознанием читателей выводят систему на качественно новый уровень смыслового развития. Спонтанно возникшие эмерджентные функциональные свойства связаны с привлечением внимания адресатов к двусмысленному характеру заголовка и возможности интерпретировать содержание первого абзаца как попытку осмыслить реалии современного экономического мира через метафорическое сравнение с легендой о Геракле, который пошёл на хитрость ради совершения одного из своих подвигов. Оформившееся направление движения функциональных связей дискурса закрепляется введением в систему элемента *analogy* на фоне повторной номинации *burden* и целого ряда лексических единиц делового английского языка (*debt crisis, economic collapse, public sector, private sector, economic growth*). Вследствие использования автором риторического приёма метафоры, в сознании читателей устанавливаются прочные логические ассоциативно-синонимические связи между отдельными компонентами метафоры и её пояснением во второй части отрывка: *Hercules :: the public sector/ governments*; *Atlas :: the private sector* и *to persuade :: to trick into*. Последняя аналогия может служить намёком на возможность нечестной игры со стороны финансового руководства стран по отношению к частному сектору.

Синергийно формируемый аттрактор (то есть наиболее благоприятный режим функционирования системы, коммуникативная цель) исследуемого фрагмента делового дискурса не вербализуется, но, при условии должного осмысления и наличия определенного запаса фоновых знаний, воспринимается всеми адресатами: решив свои первостепенные проблемы, правительство постарается вновь переложить груз ответственности за выход из кризисного состояния на плечи частного бизнеса, что способно повлечь за собой новые нежелательные последствия.

Таким образом, анализ метафоры и её функциональной нагрузки в английском бизнес-дискурсе сквозь призму лингвосинергетики представляет несомненный интерес в плане совершенствования деловой коммуникации.

Литература

1. *Пономаренко, Е.В.* Функциональная системность дискурса (на материале английского языка). – М., 2004.
2. *Хазагеров, Г.Г., Корнилова, Е.Е.* Риторика для делового человека. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003.
3. Shifting The Burden// The Economist. – April 10, 2010.

РАЗДЕЛ III. ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ НОМИНАЦИИ, СТИЛИСТИКИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА И ПЕРЕВОД

А.А. Бидная, Н.В. Калюк

(Гродно, Беларусь)

ТРОП КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ В «ПЕРВОЙ РЕЧИ ПРОТИВ КАТИЛИНЫ» М.Т. ЦИЦЕРОНА

Данная статья посвящена изучению образных средств языка, а именно тропов, в «Первой речи против Катилины» М.Т. Цицерона. Особое внимание в ней уделяется вопросам художественного стиля Цицерона и роли тропов в создании ярких и интересных образов героев, в достижении максимального влияния на слушателя.

Ключевые слова: стилистика латинского языка, образные средства языка, тропы, Цицерон.

The article is devoted to the studying of tropes in «The first speech against Katilina» by M.T. Cicero, the special attention is paid to the problem of Cicero's art style and the role of tropes in creation of bright and interesting images of the heroes, in achieving the maximum influence on the listener.

Key words: stylistics of the Latin language, the expressive means of a language, tropes, Cicero.

В век высоких скоростей и электронных информационных технологий живое слово остается одним из самых эффективных средств убеждения и воздействия на человека. Во многих сферах человеческой деятельности искусство красноречия продолжает активно использоваться и развиваться,

поэтому интерес к нему не ослабевает. Как известно, риторическое искусство является одним из древнейших, его теоретические основы и практическое применение привлекали ученых еще в античности. Несомненно, выдающимся теоретиком красноречия и прекрасным практиком был Марк Туллий Цицерон. Существует огромное количество литературы, посвященной творческому наследию этого знаменитого римлянина [2; 3; 4; 5; 7; 8], однако это не означает, что все вопросы, связанные с его личной биографией и творчеством, решены окончательно, наоборот, это свидетельствует о необходимости снова и снова обращать свое внимание к этому блестящему политику, юристу, оратору, философу.

В данной статье мы остановимся на некоторых вопросах художественного стиля Цицерона, нас, прежде всего, будет интересовать его непревзойденное умение с помощью различных образных средств языка, а именно, тропов, создавать поистине яркие и живые образы героев своих речей. Из 58 дошедших до нас речей Цицерона наиболее интересной в этом отношении является его знаменитая «Первая речь против Катилины» («Oratio prima in Catilinam habita in senatu») [10, 11]. Как известно, речь оратора в Древнем Риме должна была быть очень убедительной, ведь от степени ее воздействия на слушателя зависел результат дела. Так, в 63 году Катилина, претендовавший на должность консула, и не получивший ее, организовал заговор, целью которого было вооруженное восстание и убийство Цицерона. Однако планы заговорщиков стали известны, а сам заговор побудил Цицерона выступить в сенате в храме Юпитера Статора с речью, посредством которой ему удалось добиться изгнания Луция Сергия Катилины из Рима.

Данная речь строится на противопоставлении двух центральных образов: спасителя отечества – самого Цицерона и врага отечества – Катилины. Именно благодаря своему удивительному ораторскому дару и непревзойденному художественному стилю Цицерон умело воздействует на умы и сердца людей. Чтобы помочь слушателю точно выделить в предмете его особенности, придать ему конкретность, он широко прибегает к использованию различных образных

средств языка, умелое вплетение в речь тропов дает возможность оратору не только живо изобразить предмет, но и выразить свое отношение к нему, поэтому с их помощью он добивается необходимой ему реакции.

«Первая речь против Катилины» прекрасно демонстрирует художественное мастерство Цицерона. Излюбленным тропом самого Цицерона была метафора, по его мнению, «нет тропа более блистательного, сообщающего речи большее количество ярких образов, чем метафора … она придает речи наибольшую яркость и блеск, усыпая ее как бы звездами» [9. С. 166]. С помощью метафор Цицерон рисует образ Катилины как вместилище всевозможных пороков, который «каким только непристойным зрелищем не осквернил своих глаз, каким деянием – своих рук, какой гнусностью – всего тела» (quae libido ab oculis, quod facinus a minibus umquam tuis, quod flagitium a toto corpora afuit) [11. P. 20]. И далее перечисляя пороки, присущие Катилине, Цицерон пользуется метафорами: «Какому юноше, которого ты соблазном развращений совратил, не нес кинжала для дерзости или факела для разврата? Недавно, после смерти первой жены, ты опустошил свой дом новым браком …» (Cui tu adulescentulo, quem corruptelarum illecebris irretisses, non aut ad audaciam ferrum aut ad libidinem facem praetulisti? Nuper cum morte superioris uxoris novis domum vacuefecisses …) [11. P. 20]. Как видим, уже в этом небольшом отрывке речи образ Катилины вырисовывается весьма отчетливо. Однако Цицерон не останавливается только на живом метафорическом изображении, чтобы еще более выпукло обрисовать гнилую натуру Катилины и ту опасность, которую он представляет для государства, он прибегает к усложнению метафоры в аллегорию. В этой речи Катилина и его заговор предстает как «столь отвратительная чума, столь ужасная и столь пагубная для государства» (quod hanc tam taetram, tam horribilem tamque infestam rei publicae pestem) [11. P. 19]. Эта аллегория, сплетенная со сравнением, разворачивается в целую картину: «но опасность останется и будет скрыта глубоко в жилах и теле государства. Часто люди, страдающие тяжелой болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледяной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им

становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после его (Катилины) наказания, усилится еще больше…» (periculum autem residebit et erit inclusum penitus in venis atque in visceribus rei publicae. Ut saepe hominess aegri morbo gravi, cum aestu febrique jactantur, si aquam gelidam biberunt, primo relevari videntur, deinde multo gravius vehementiusque adflictantur, sic hic morbus, qui est in re publica, relevatus istius poena…) [11. P. 27].

Рисуя портрет Катилины, Цицерон не скупится на темные краски; Каталина наделяется всевозможными отрицательными эпитетами и сравнениями: «столь бесчестный, столь низко павший» (tam improbus, tam perditus) [11. P. 17], наделенный «необузданной и бешеной страстью» (ista tua cupiditas effrenata ac furiosa) [11. P. 25]. В итоге, чтобы вызвать чувство опасения и страха у слушателей по отношению к Катилине, Цицерон весьма часто обращается к такому тропу, как гипербола, он пишет, что Катилина посягает на «опустошение всего мира с помощью убийств и пожаров» (orbem terrae caede atque incediis vastare cupientem) [11. P. 3]; что он «открыто хочет нанести удар всему государству, храмы бессмертных богов, дома города, жизни всех граждан, всю Италию обрекает на уничтожение и гибель» (aperte rem publicam universam petis templa deorum immortalium, tecta urbis, vitam omnium civium, Italiam totam ad exitium et vastitatem vocas) [11. P. 19].

И, наконец, для еще большей выразительности изображения, для того, чтобы ярче описать собственные мысли, поступки и действия, Цицерон использует персонификацию. В уста одушевленной Родины он вкладывает свой собственный страх: «Теперь родина, общая мать нас всех, тебя ненавидит, боится и полагает, что ты уже ни о чем другом не помышляешь, как об ее убийстве …» (nunc te patria, quae communis est parens omnium nostrum, odit ac metuit jam diu nihil te judicat nisi de parridicio suo cogitare ...) [11. P. 21 – 22].

В противоположность Катилине сам Цицерон в речи выступает как защитник отечества, как человек честный и благородный. Собственному образу он уделяет гораздо меньше внимания, но набор языковых средств,

использованный им для своего портрета, не менее беден. Среди тропов, к которым прибегает в этом случае Цицерон, наиболее часто встречается гипербола и метафора: «окруженный моими отрядами со всех сторон, благодаря моей бдительности ты не смог ни шагу сделать против государства» (num infitiari potes te illo ipso die meis praesidiis, mea diligentia circumclusum commovere te contra rem publicam non potuisse) [11. P. 17]; «сколько раз ты ни пытался нанести мне удар, я отражал его сам, хотя понимал, что моя гибель была бы большим несчастьем для государства» (quotienscumque me petisti, per me tibi obstiti, quamquam videbam perniciem cum magna calamitate rei publicae esse conjunctam) [11. P. 19]. Весьма показательным для характеристики тропов, использованных в собственном изображении, является отрывок, в котором Цицерон в уста одушевленной Родины вкладывает слова, обращенные к самому себе, в нем целый арсенал тропов: олицетворение, метафора, метонимия, эпитет, сравнение, перифраза, гипербола, ирония: «если отчизна, которая мне дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут… Поистине прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека, известного только личными заслугами, так рано вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страшась какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих сограждан…» (si mecum patria, quae mihi vita mea multo est carior, si cuncta Italia, si omnis res publica loquatur … Praeclaram vero populo Romano refers gratiam, qui te, hominem per te cognitum, nulla commendation majorum tam mature ad summum imperium per omnes honorum gradus extulit, si propter invidiae aut alicujus periculi metum salute civium tuorum neglegis…) [11. P. 25].

Проанализировав употребление некоторых тропов для изображения героев этой речи, можно сделать вывод, что для художественного стиля Цицерона характерна великолепная игра значениями и сочетаниями слов, благодаря которой он добивается максимального влияния на слушателя, слово или выражение в тексте приобретает некоторое новое значение или смысловой оттенок.

Цицерон умеет давать живые портреты и яркие характеристики, при этом образ врага Катилины, несомненно, более красочен, чем его собственный.

Литература

1. *Автухович, Т.Е.* Античная риторика: Учеб. пособие. – Гродно: ГрГУ, 2003.
2. *Аксер, Е.* Tribunal - Stage - Arena: Modelling of the Communication Situation in M. Tullius Cicero's Judicial Speeches, Rhetorica 7 (1989), №4.
3. *Гаспаров, М.Л.* Цицерон и античная риторика. – М.: «Наука», 1972.
4. *Грабарь-Пассек, М. Е.* Марк Туллий Цицерон. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962.
5. *Грималь, П.* Цицерон. – М., 1996.
6. *Дуров, В.С.* Основы стилистики латинского языка: Учеб. Пособие. – М.: «Академия», 2004.
7. *Куманецкий, К.* Цицерон и его современники. – Варшава, 1959.
8. *Утченко, С.Л.* Цицерон и его время. – М., 1972.
9. *Цицерон, М.Т.* Об ораторе. – М., 1988.
10. *Цицерон, М. Т.* Речи против Катилины // Собр. соч.: В 2-х т. Т. 1.– М., 1993.
11. *Cicero, M. T.* Orationes in Catilinam habitae in senatu. – Wien, 1973.

Н.В. Бубнова

(Смоленск, Россия)

ЯДРО ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ СМОЛЯН[1]

Наше исследование посвящено описанию ядерных имён собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян. Предложенная в работе методика анализа ассоциативного материала, разработанная на основе трудов А.А. Залевской и А.А. Леонтьева, может быть использована для описания других ономастических массивов.

Ключевые слова: имя собственное, региональные фоновые знания, языковая личность.

Our research is devoted to the description of nuclear structure of proper names in the background knowledge of people of the Smolensk region. It is suggested to apply the method of analysis of the associative material by A.A. Zalewskaya and A.A. Leontiev in describing onomastic units. Key words: proper name, regional background knowledge, lingual personality.

[1] Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ/БРФФИ, проект № 10-04-00591а/Б2.

В современной отечественной лингвистике понятие *фоновые знания* определяется как сумма «сведений, изначально присущих членам данного языкового коллектива на определённом этапе его развития» [1. С. 41]. Базовой единицей фоновых знаний языковой личности является слово как носитель многоплановой информации об историко-культурных особенностях народа – носителя языка. Языковой единицей, отличающейся богатством такой информации, является имя собственное. Подчеркивая значимость онимов для духовной сферы развития человечества, ещё М.Я. Морошкин отмечал: «Где молчат хроники и исторические памятники, там начинает говорить одно слово, там, где безмолвствуют саги, начинают повесть собственные имена» [8. С. 6].

В зависимости от лингвокультурологической ценности онимов в структуре ономастических фоновых знаний выделяются три уровня: *общечеловеческий*, *общенациональный* и *региональный* [5]. Актуальность описания региональных фоновых знаний обусловлена, прежде всего, значительной ролью краеведческих знаний в структуре языковой личности.

С целью выявления региональных ономастических фоновых знаний смолян нами был проведён ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 1650 респондентов. В начале эксперимента участники заполняли заранее подготовленный бланк с анкетой, содержащей следующие социально-биографические характеристики личности: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства (город Смоленск или один из районов области). Выбор в качестве участников эксперимента разновозрастных и разносоциальных групп испытуемых обусловлен основной целью – выявить онимы, значимые для всех смолян. После заполнения анкеты респондентам было предложено в течение ограниченного времени (1 минута) записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется топоним *Смоленщина*. Полученный материал был обработан нами посредством создания базы данных, включающей 1212 онимов-реакций (13471 употребление).

Структура региональных ономастических фоновых знаний смолян была определена на основе критерия частотности (методика выявления структуры ассоциативного поля описана в работах А.А. Залевской [2, 3], А.А. Леонтьева [4], Г.А. Мартиновича [6, 7] и других исследователей). Условными границами структуры региональных ономастических фоновых знаний смолян является область онимов, имеющих индекс частотности (ИЧ), равный 1 (487 онимов, 40%). При движении от периферии к ядру происходит плавное увеличение показателей частотности онимов-реакций. Область знаний респондентов, занимающая промежуточное место между единичными реакциями и ядром, является самой распространённой по количеству единиц и состоит из двух подсистем, образованных онимами: с ИЧ = 2 (194 онима, 16%) и ИЧ > 2 (519 онимов, 43%).

Центральное положение в структуре региональных фоновых знаний смолян занимает ядро, включающее 12 ключевых смоленских ономастических единиц: *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю.А. Гагарин* (596), *М.И. Глинка* (492), *А.Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М.В. Исаковский* (273), *Ф.С. Конь* (232), *М.К. Тенишева* (166), *Н.И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124). Ядерные онимы названы респондентами всех групп участников эксперимента, однако их количество в разных списках реакций различно. Оним *Днепр* является самой распространённой реакцией не только в общем списке (назвали 953 респондента из 1650, то есть 58 %), но и в списках реакций большинства групп испытуемых (36 из 47). На первый взгляд, это несколько неожиданный результат, поскольку Днепр некоренные смоляне ассоциируют, прежде всего, с Украиной. Так, например, в одном из наиболее авторитетных ассоциативных словарей – Русском ассоциативном словаре – в числе ответов на стимул *Днепр* реакции, связанные со Смоленщиной, отсутствуют: *Днепрогэс*, *Днепропетровск*, *Украина* и др. [9. С. 168]. Однако для Смоленщины Днепр является главной рекой, и его роль на региональном уровне сопоставима с ролью Волги для Волгограда, Дона для Ростова-на-Дону и т. п. Оним *Днепр* уступает первую позицию в списках реакций групп

респондентов из 11 районов Смоленской области: Гагаринского, Демидовского, Ельнинского, Ершичского, Починковского, Рославльского, Руднянского, Смоленского, Угранского, Шумячского и Ярцевского. Такие результаты могут быть связаны с тем, что в большинстве перечисленных выше районов река Днепр не протекает (за исключением Починковского, Смоленского и Ярцевского). В отдельных случаях наивысший индекс частотности того или иного онима в определённом районе объясним: в Гагаринском – *Ю.А. Гагарин* (космонавт родился в деревне Клушино ныне Гагаринского района), в Угранском – *М.И. Исаковский* (поэт родился в деревне Глотовка ныне Угранского района), в Смоленском – *М.К. Тенишева* (жизненный путь и просветительская деятельность княгини связаны с поселком Талашкино и деревней Флёново Смоленского района).

Различие количества ядерных онимов в списках реакций разных групп респондентов является показателем взаимосвязи индивидуальных параметров языковой личности (гендерной принадлежности, возраста, места рождения, уровня образования, профессиональной сферы, времени проживания на Смоленщине и места жительства) и структуры региональных ономастических фоновых знаний. В то же время наличие ядерных онимов в списке реакций всех групп участников эксперимента подтверждает правомерность выделения понятия *языковая личность смолянина*.

Литература

1. *Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990.

2. *Залевская, А.А.* Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики: сб. науч. трудов. – Калинин: Изд-во КГУ, 1971. – С. 3 – 119.

3. *Залевская, А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005.

4. *Леонтьев, А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 5 – 16.

5. *Максимчук, Н.А.* Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х ч. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. Часть 1.
6. *Мартинович, Г.А.* Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии, 1993, № 2. – С. 93 – 99.
7. *Мартинович, Г.А.* Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
8. *Морошкин, М.Я.* Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1867.

Г.А. Иванов

(Мурманск, Россия)

К ВОПРОСУ О НЕОЛОГИЗМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Наше исследование посвящено неологизмам в современном английском языке, в особенности, тем, которые связаны с информационными технологиями (to google, to facebook, to youtube; googable/ ungoogable, facebookable/ unfacebookable, youtubeable).

Ключевые слова: неологизм, словообразование, информационные технологии.

The article is focused on some new English words that appeared owing to new Internet technologies and services (to google, to facebook, to youtube; googable/ ungoogable, facebookable/ unfacebookable, youtubeable).

Key words: neologism, word-building, information technologies.

В данной статье мы постараемся обзорно проанализировать современные тенденции возникновения и использования неологизмов, в особенности в американском варианте английского языка. В этом случае нас интересуют общеязыковые новообразования, авторские и индивидуально-стилистические оставим за скобками.

Как известно, самый распространённый язык в мире – это «плохой английский». Сам английский язык теперь некоторые специалисты называют «лингвистическим Интернетом» – некой средой общения самых разных людей и сообществ. Без преувеличения каждый из участников этого «сетевого» общения вносит в эту среду что-то своё, что-то новое.

Современная неология вынуждена столкнуться с тысячами новых слов, появляющихся в английском языке ежегодно, и значительная их часть связана как раз с информационными технологиями. Речь здесь не идёт о какой-то особой терминологии, относящейся к сфере профессионального иностранного языка, скорее, о неких словах и выражениях, рождающихся в сети и обязанных ей своей популярностью. Среди таких, например, можно назвать ***mouse potato*** (человек, проводящий огромное количество времени у компьютера, по аналогии с ***couch potato***) или ***e-quaintance*** (electronic+acquaintance – человек, с которым вы знакомы только онлайн).

Новые слова в киберпространстве регистрируются соответствующими методами – киберлексикографией. Отечественный лингвист (как впрочем, и любой другой человек) в этом отношении имеет достаточно широкий выбор, который в конечном итоге можно свести к двум основным источникам: переводчик Google [1] и Яндекс Словари [2]. В настоящее время даже появилась номинация в области английской (американской) неологии ***Oxford Word Of The Year*** [3]. Издательство ***Oxford*** выбирает ежегодно слово, которое стало знаковым для прошедшего года, и публикует его с пояснениями в специальном блоге. Позволим себе проследить эту номинацию за последние годы.

В 2007-ом году было выбрано слово ***locavore***. Яндекс Словари определяют его так:

locavore – сущ. тот, кто питается местной пищей (*например, фруктами, овощами, выращенными в радиусе ста миль от места проживания*).

В 2008-ом году словом года стало ***hypermiling***. Яндекс Словари определяют его так:

hypermiling – сущ.; амер.; разг. *езда накатом, с закрытой форточкой, без кондиционера и т.п., чтобы увеличить пробег в милях на галлон резко подорожавшего топлива.*

В 2009-ом году им стало слово ***unfriend***. Это слово существовало и ранее в значении «враг, недруг» – как существительное, но глагола такого не было

никогда. Перевести его не сможет ни Google, ни Яндекс. Его значение противоположно современному молодёжному слову «зафрендить» и можно определить как «удалить кого-либо из списка друзей на профиле / аккаунте в социальной сети».

В 2010-ом году было выбрано слово *refudiate*. Это слово – производное от *refute* (опровергать, доказывать ложность, несостоятельность) и *repudiate* (отрекаться, отвергать). Слово это появилось на свет совершенно случайно из-за ошибки, которую допустила кандидат в вице-президенты США экс-губернатор Аляски Сара Пэйлин в *Twitter* (система коротких текстовых заметок). В прошлом году она использовала в своем «твите» несуществующее слово – *refudiate*.

2011 год, время значительных экономических осложнений в англоязычных странах, повлиял и на выбор слова года. Впервые за время присуждения номинации победителем стало не отдельное слово, а словосочетание и, как и в 2007 и 2008 году, выбор пал на лексическую единицу, обозначающую новое явление – *squeezed middle*. Данное явление связано с тяжёлыми последствиями экономического кризиса для представителей среднего класса и примерно означает «сжатый, стеснённый средний класс».

Прослеживая тенденцию последних лет, можно увидеть, что примерно 40 процентов выбранных неологизмов так или иначе связаны с Интернет. При этом необходимо отметить, что выбор последнего года делался из короткого списка, в котором слов, связанных с информационными технологиями, было достаточно много. Среди них, например, *hacktivism* (hack + activism, the action or practice of gaining unauthorized access to computer files or networks in order to further social or political ends) и *sodcasting* (the practice of playing music through the loudspeaker of a mobile phone while in a public place). Первое связано со взломом в Интернет по политическим мотивам, второе с публичным проигрыванием музыки через динамик мобильного телефона. Конечно, данные новообразования ещё не зафиксированы словарями Google или Яндекс.

Кроме появления новых слов, английский язык подвержен ещё одному, связанному с первым, явлению – расширению количества значений у уже существующих слов-неологизмов, точнее, образованию других частей речи от исходного слова. Этот процесс в принципе очень характерен для английского языка. Известное большинству слово *Google* было авторским неологизмом Сергея Брина, основателя корпорации, и означало изначально название поисковой системы (намеренно искажённое от *googol* – десять в сотой степени). Со временем появился глагол *to google* со значением «искать что-либо с помощью поисковой системы Google», а затем и просто «искать в Интернет».

Очень характерной в этом смысле является история *Facebook*. Изначально слово было существительным и использовалось для обозначения социальной сети. Затем появился и глагол *to facebook* – «общаться с помощью Facebook, выкладывать на Facebook», позже – «использовать Facebook для поиска какой-либо информации».

Одним из самых свежих новшеств в этом смысле является слово *Youtube*. Первоначально, с 2005 года это слов означало вполне определённый сервис видеохостинга и одноимённый сайт. В последнее время зарегистрировано использование глагола *to youtube* – «искать видео с помощью сервиса Youtube».

За два последних года зафиксировано и суффиксальное словообразование на основе неологизмов – *googable* (то, что можно найти через поисковик) и *ungoogable* (то, что невозможно найти через поисковик). По тому же принципу образованы, видимо, *facebookable*/ *unfacebookable* (о возможности или невозможности найти что-то в сети Facebook). Удивительно, но зафиксировано и использование наречия, образованного от Youtube – *youtubeable*. При этом последнее наречие обладает целым набором значений: видео файл, который можно загрузить на Youtube (достаточно маленький); видео файл, который достоин того, чтобы загрузить его на Youtube; видео файл, который можно найти на Youtube.

С достаточной долей уверенности можно говорить о том, что таких новообразований в современном английском языке в перспективе может появиться достаточно много. Возможно, что для облегчения исследовательских задач их придётся объединить в какую-то обособленную группу, однако сейчас такие случаи всё-таки относительно редки. Следует также учесть, что часто приведённые слова используются только в неформальной речи и общении в Интернет, их можно с большей или меньшей долей уверенности отнести к сленговым, что не делает исследование подобных неологизмов менее интересным. Справедливости ради следует отметить, что полезным ресурсом в этом отношении является проект Urban Dictionary [4], стартовавший ещё в 1999 году, посвящённый новым словам и выражениям разговорного английского языка и содержащий уже более шести миллионов слов и выражений. Его существование является иллюстрацией ещё одного неологизма современного английского языка, появившегося в 2006 году – *crowdsourcing* – «выполнение определённого круга задач неопределённым кругом лиц».

Список источников примеров

1. www.translate.google.ru
2. www.slovari.yandex.ru
3. www.blog.oup.com
4. www.urbandictionary.com

О.Ф. Иванова

(Москва, Россия)

КАК МЫ ГОВОРИМ О СМЕРТИ

Наше исследование посвящено анализу эвфемизмов, с помощью которых принято говорить о смерти на английском и русском языках, а также некоторых способов образования эвфемизмов, использующихся в тематическом поле «смерть». Среди них персонификация, аллюзия, метафора, метонимия и умолчание.

Ключевые слова: эвфемизм, смерть, способы образования эвфемистической лексики, нейтральная лексика, дисфемизмы.

The article is devoted to the results of the analysis of the words which are used to talk about death in English and Russian. Depending on the attitude of the speaker to death, the dead and the relatives or friends of those who have passed away, he/ she chooses the way to talk about death or the dead. The ways of talking about death may range from euphemisms to dysphemisms. Among the ways of making euphemisms are allusion, personification, metaphor, metonymy and preterition.

Key words: euphemisms, death, ways of making euphemisms, dysphemisms.

Издавна смерть является одной из самых табуированных и загадочных тем. Загадочных в силу того, что никто не возвращается *оттуда*, никто не может сказать с точностью, что нас ожидает *после того, как сердце перестанет биться*... Неопределенность, неизвестность и вместе с тем понимание неизбежности порождают самые разные чувства: страх (перед болью, перед возможностью быть наказанным за грехи, совершенные в этой жизни, перед потерей близких), благоговение, уважение (в том числе к чувствам тех, кто потерял близкого и дорогого человека), душевная боль (от утраты родного человека), неприятие и даже отрицание. В этой небольшой статье мы не будем вдаваться в философский анализ причин того или иного поведения, равно как и не будем рассматривать отношение к смерти в отдельных культурах и религиях, а лишь остановимся на некоторых способах обозначения в английском и русском языках всего, что связано со смертью.

На наш взгляд, в зависимости от отношения и чувств, испытываемых говорящим к смерти, возможны три основных способа вербализации тематического поля «смерть». Во-первых, это прямое обозначение, то есть употребление в речи ничего не вуалирующих нейтральных слов, во-вторых, эвфемизмы, и, наконец, дисфемизмы.

Прямое обозначение

И в русском и в английском языках есть множество нейтральных слов, которые употребляются для прямого обозначения смерти. Это такие слова как “die”, “pass (away)”, “death”, “be dead”, “скончался”, “скоропостижно/ безвременно скончался”, “смерть наступила в результате получения травм,

несовместимых с жизнью” и т.д. Эти слова чаще всего употребляются в некрологах (например, в случае смерти высокопоставленного чиновника, политического лидера или известного общественного деятеля), в юридических документах, в некоторых средствах массовой информации (например, новостных телепрограммах или ключевых газетах страны), в статистике и т.д. Цель прямого обозначения не смягчить сообщение о смерти человека, а, наоборот, как можно более нейтрально и официально информировать о ней. В таких случаях очевидно подчеркивание делового отношения к произошедшему.

В русском языке прямое обозначение смерти встречается не только в официальном стиле, но и в просторечии. Здесь смягчение часто достигается с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, например, *смерт***очк***а* (Шапошников, миленький, Шапошников, хороший! Я люблю его, до *смерточки* люблю (Шишков. Угрюм-река. [3. С. 396]; *смерт***ушк***а* (Перед самой *смертушкой* – ночью спать (он) нас послал (Сергеев-Ценский. Дифтерит. [3. С. 396]; *смерт***ыньк***а* (Ой, спасите, родимые! Ой, *смертынька* моя! (Шолохов. Тихий Дон.) [3. С. 396].

Эвфемизмы

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в любом языке имеется огромное количество эвфемизмов, употребляющихся в случае чьей-либо смерти с целью смягчить или завуалировать не только само сообщение о смерти, но и свое отношение к ней, в том числе и страх перед ней, а также желание не обидеть и не задеть чувства тех, кто *понес утрату*.

В рамках диссертационного исследования [1. С. 159] нами было выяснено, что тематическое поле “смерть” является одним из наиболее эвфемизируемых в английском языке. В данной статье мы приведем не все, а лишь основные способы эвфемизации тематического поля «смерть», подкрепив их наиболее интересными примерами.

Для обозначения всего, что связано со смертью, довольно часто употребляются такие способы образования эвфемистической лексики, как *аллюзия* (*to pay Saint Peter a visit* (аллюзия на библейскую легенду, согласно

которой Апостол Петр встречает праведников у ворот рая) [5. С. 177]; *to rest in Abraham's bosom* – букв. покоиться на груди Авраама – аллюзия на строку из Евангелия от Луки "And it came to pass that the beggar (Lazarus) died and was carried by the angel into Abraham's bosom" [5. С. 167]; *to cross the Styx* [4. С. 91] – перейти Стикс (здесь аллюзия на греческую мифологию, согласно которой через реку Стикс тени умерших переправлялись в страну мертвых); *персонификация* (*The Great Leveller* – смерть сравнивается с нивелировщиком, уравнителем перед лицом которого равны и священники, и короли, и нищие и воры [5. С. 172]; *The Grim Reaper* – букв. беспощадный жнец [5. С. 173]); *метафора* (*come home feet first* – букв. вернуться домой ногами вперед – об убитом [4. С. 174]; *give up the spoon* – букв. отказаться от ложки (мертвому она уже ни к чему [4. С. 463]); *to count (to be under) daisies* – букв. считать незабудки или лежать под незабудками [5. С. 170]; *to go west* – букв. отправиться на запад [6. С. 123]; *метонимия* (*to be in the box* – букв. лежать в ящике [5. С. 168].

В русском языке также довольно много эвфемизмов для обозначения смерти, которые образуются с помощью *метафор*, например, в Словаре эвфемизмов русского языка приводятся следующие примеры: «Но я был теперь не в состоянии также покинуть сцену, на которой едва не разыграл финал *пятого акта* (по аналогии с концом спектакля» (Грин. Крысолов. [3. С. 368]); *час последний* или *час близок* о времени чьей-либо смерти «Осажденные, стеснившиеся в крепости, подняли вопль, думая, что злодей вломился и что *последний* их *час* уже настал» [3. С. 446]; *спать* или *уснуть вечным (непробудным) сном* «Я также, боярин, вечно стану помнить, что без тебя *спал* бы и теперь еще *непробудным сном* в чистом поле» (Загоскин. Милославский. [3. С. 403]). Также эвфемизмы образуются с помощью *персонификации*, например, смерть *косит кого-либо* «Смерть *жатву жизни косит*, *косит*» (Вяземский. Старый колокол. [3. С. 396]); *метонимии*, например, *смежать* или *закрыть очи* «С тех пор, как мать моя *глаза смежила*, с любовью женский взгляд не падал на меня» (Добролюбов. С тех пор, как мать моя глаза смежила.

[3. С. 396]); *логического перефразирования* [2. С. 195] (например, «С ним случилось *то, что с нами со всеми когда-нибудь произойдет*»); *прономинализации* [3. С. 197], например, *это* случилось сегодня ночью). Кроме того, чтобы смягчить высказывание нам не обязательно произносить полностью слово *смерть*, можно воспользоваться таким приемом как *умолчание*, состоящем в «обрыве высказывания в расчете на то, что его адресат догадается, о чем идет речь либо по ситуации, либо по предтексту» [2. С. 204], так М.Цветаева избегает слова *смерть* в стихотворении «Молодец»: Близь - в близь,/ Сердь – в сердь, / На – жызть,/ На - ... [2. С. 205].

Здесь также можно упомянуть *медицинские и военные термины*, а также *медицинский* и *военный сленг*, которые могут использоваться в качестве эвфемизмов в общении с не медиками и не военными, причем основная цель использования такой лексики будет вуалирование, а то и сокрытие печальных фактов, например, ***collateral damage*** (о жертвах среди гражданского населения во время военных действий [6. С. 52]); ***check out*** (*выписаться* (подразумевается, что навсегда) [5. С. 168]; ***planned termination*** (букв. *запланированное завершение* вместо самоубийство, а также аборт [4. С. 302]); ***he won't be coming home*** (букв., он не вернется домой [5. С. 176]); *тяжелая продолжительная болезнь* (рак, например, После *тяжелой продолжительной болезни* его *не стало*);

Дисфемизмы

Далеко не все и не всегда употребляют эвфемизмы в разговоре о печальных событиях. Это происходит, в частности, в просторечии (например, *коньки отбросил, сыграл в ящик*, ***kick the bucket*** (букв., протянуть ноги), ***peg out*** (букв., выдохнуться, выйти из строя) или в том случае, когда человек намеренно использует дисфемизм, например, как средство борьбы со своим страхом перед смертью или для того, чтобы немного разрядить тяжелую атмосферу. В таких случаях дисфемизмы могут использоваться и вполне благовоспитанными и образованными людьми, но всегда строго в общении с теми, кого они очень хорошо знают (например, друзья) и обычно вдали от тех, чувства которых могут быть задеты нарочитой грубостью сказанного.

Литература

1. *Иванова, О.Ф.* Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: Дис. ... канд.филол.наук: 10.02.04. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004.
2. *Москвин, В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд.3-е. М.: URSS, 2007.
3. *Сеничкина, Е.П.* Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464с.
4. *Holder, R.W.* A Dictionary of Euphemisms. - Bath: Bath univ. press, 1995.
5. *Neaman J.S., Silver, C.G.* The Wordsworth book of euphemisms: The hilarious guide to the unmentionable. – Wordsworth Editions Ltd, Cumberland House, 1995.
6. *Rawson, H. A.* Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. - Paulton, Bristol: Purnell and Sons Ltd. - 1981.

О.Ф. Иванова

(Москва, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА (ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «НЕКРАСИВАЯ ВНЕШНОСТЬ»)

Наше исследование посвящено анализу эвфемизмов японского языка, использующихся в тематическом поле «некрасивая внешность». Среди наиболее часто используемых способов создания эвфемизмов называются метафора, мейозис, заимствованная лексика, умолчание.

Ключевые слова: эвфемизм, тематическое поле «некрасивая внешность», способы создания эвфемизмов, метафора, мейозис, заимствованная лексика, умолчание.

The article is devoted to the analysis of the euphemisms used to describe someone’s unattractive appearance in the Japanese language. Among the most frequently used ways of making euphemisms in the thematic field of unattractive appearance are metaphor, meiosis, borrowed words and preterition.

Key words: euphemism, thematic field of unattractive appearance, metaphor, meiosis, borrowed words and preterition.

Вряд ли возможно кого-либо удивить, сказав, что японцы очень вежливый народ. Многие готовы без устали восхищаться умением японцев быть вежливыми и даже сожалеть о том, что другим народам такая вежливость не свойственна.

В.А. Алпатов отмечает, что уровень и степень вежливости японцев зависят от многих факторов. Так, насколько вежливы японцы в общении, зависит от того, являетесь ли вы чужим (soto) или своим (uchi), высшим, равным или низшим по статусу, возрасту [1.С.16-20].

Мы полагаем, что вежливости в общении можно добиться, в частности, через *эвфемизмы*, то есть слова и выражения, которые смягчат, завуалируют даже самую неприятную истину, что поможет избежать различного рода конфликтов в общении, сохранив лицо всем участникам коммуникации. В то же время думаем, что выбор той или иной стратегии речевого поведения, выбор эвфемистической лексики или отказ от нее, прежде всего, зависят от ценностей носителя той или иной культуры, то есть имеет не универсальный, а более узкий, конкретный характер.

Исследователи японского языка и культуры редко выделяют эвфемизмы как объект изучения, что, возможно, связано с тем, что вежливость в японской культуре в основном передается через грамматику японского языка. Об этом, в частности, не раз говорил В.М. Алпатов [1. С. 4]. Нисколько не оспаривая мнение многоуважаемого ученого, мы все же полагаем, что эвфемизмы, коими так богат японский язык, возможно, достойны чуть большего внимания.

В данной статье мы представляем результаты части пилотного исследования, проведенного в одном из университетов Японии, а именно, только те эвфемизмы, которые используются японцами в тематическом поле «некрасивая внешность». В пилотном исследовании приняли участие 87 человек, из них 58 мужчин и 29 женщин в возрасте от 18 до 60 лет. Средний возраст информантов 25 лет. Для удобства проведения анализа все информанты были разделены на 3 возрастные группы: младшая возрастная группа (от 18 до 30 лет), средняя возрастная группа (от 31 до 50 лет), и старшая возрастная группа (от 51 года и старше). Самой многочисленной группой стала младшая возрастная группа (от 18 до 30 лет). Информантов этой группы было 70 человек, из них 24 женщины и 46 мужчин. Информантов средней возрастной группы – 14 человек, из них 5 женщин и 9 мужчин. Информантов старшей

возрастной группы было всего 3 человека, из них 1 женщина и 2 мужчин. Все информанты на момент проведения опроса были студентами, аспирантами и преподавателями (среди них два профессора) университета Хоккайдо.

В анкетировании приняли участие 42 студента (из них 27 мужчин и 15 женщин), 36 аспирантов (из них 24 мужчины и 12 женщин), а также 9 преподавателей (из них 5 мужчин и 4 женщины). Абсолютное большинство опрошенных были японцы (83 человека, то есть 95%), а также в опросе приняли участие 4 иностранца – китаец, кореец, сингапурец, тайванец, - что составило 5% от общего количества опрошенных. Все опрошенные иностранцы на момент анкетирования были аспирантами Хоккайдского университета, владеющими японским языком на самом высоком уровне. Опрос был проведен в конце 2009 года во время осеннего семестра.

Тематическое поле «Некрасивая внешность»

В данной статье мы предлагаем анализ ответов на один из вопросов анкеты, который звучал следующим образом: «Вы только что посмотрели фильм, главную роль в котором исполнил(а) не очень симпатичный актер/актриса. Как бы вы описали его/ее в разговоре с а) вашим другом, б) с вашим преподавателем, в) с незнакомым человеком?»

В разговоре с другом одна преподавательница в возрасте около 60 лет использовала бы метафору *omoshiroi* – забавная (внешность); преподаватель мужчина из средней возрастной группы использовал бы заимствованное слово *yuniiku* (от англ. unique) – уникальный, необычный.

Также в общении с другом многие информанты не стали бы прибегать к излишней вежливости и прямо обозначили бы денотат. Большинство опрошенных использовали бы слово *busaiku*. Словом *busaiku* (некрасивая) обозначают в основном женщин. Большинством из использовавших бы это слово (22 человека из 29) являются молодыми людьми в возрасте от 18 до 30 лет.

В разговоре с преподавателем несимпатичного актера большинство информантов (и мужчины и женщины) описали бы не с помощью вежливых

слов, а прибегли бы к таким грамматическим способам смягчения прямого высказывания как использование связки *desu*, а также наречия *amari*:
Kakkoo warui desu… Внешность не очень... (так сказали бы семь мужчин и одна женщина в возрасте от 18 до 30 лет, двое мужчин и одна женщина в возрасте от 31 до 50 лет); *Amari kirei de wa nai hito* (не очень красивая) (16 мужчин и 8 женщин – 18-30 лет, 1 мужчина – 31-50 лет; из них 12 мужчин и 6 женщин – студенты, 5 мужчин и 2 женщины – аспиранты); *Amari kawaikunai hito* (не очень красивый) (2 мужчин и 3 женщины - 18-30 лет; из них 1 мужчина и 2 женщины – студенты, 1 мужчина и 1 женщина – аспиранты).

Четверо же студентов мужского пола, видимо, в силу своего возраста (троим из них от 18 до 30 лет), не стали бы придавать никакого оттенка вежливости своему высказыванию, прямо назвав некрасивую актрису *busaiku* (некрасивая).

Несколько информантов (трое мужчин и три женщины в возрасте от 18 до 30 лет; среди них три студента и одна аспирантка) использовали бы метафору *futsuu* (обычная (внешность)) как способ эвфемизации.

Если информантам пришлось бы говорить о несимпатичном актере с незнакомым человеком, то они эвфемизировали бы свою речь с помощью умолчания: *kare wa chotto…* (этот человек) немного... Этот пример бы приведен одним из мужчин аспирантов из младшей возрастной группы.

Не только в этом, но и во всех остальных тематических полях информанты довольно часто используют прием умолчания как эффективный способ создания эвфемизмов. Чтобы смягчить высказывание, японцам не обязательно произносить полностью все слово или предложение, можно воспользоваться таким приемом, как умолчание, который состоит в «обрыве высказывания в расчете на то, что его адресат догадается, о чем идет речь либо по ситуации либо по предтексту» [2. С. 204]. Кроме того, довольно часто информанты для эвфемизации речи прибегают к использованию наречия *chotto* (немного, довольно, чуть-чуть), или одновременно используют и наречие *chotto* и прием умолчания. Это слово позволяет слушающему услышать то, что не

было сказано, ориентируясь лишь на интонацию говорящего и контекст, а говорящему дает возможность избежать грубых слов.

Также в разговоре с незнакомым человеком вероятнее всего были бы использованы в качестве способов создания эвфемизмов метафора *futsuu* обычная (внешность) (так сказали бы 2 мужчин и 4 женщины в возрасте 18-30 лет; три из которых студенты, остальные – аспиранты) и мейозис, определяемый В.П. Москвиным как «замена слова синонимом, выражающим меньшую степень интенсивности» [2. С. 218]: *amari kirei de nai* не очень красивая (16 мужчин и 5 женщин – 18-30 лет, 2 мужчин – 31-50 лет; из которых 16 – студенты, 1 – преподаватель, остальные – аспиранты); *yosu ga amari yokunai* внешность не очень... (4 мужчин и 1 женщина – 18-30 лет, 2 мужчин – 31-50 лет; среди них 2 студента, 1 мужчина аспирант и 2 мужчин – преподаватели).

Некоторые не стали бы эвфемизировать высказывание и назвали бы актрису *busaiku* – некрасивая (3 мужчин, 1 женщина – 18-30 лет, 1 мужчина – 31-50 лет; из них 1 мужчина – студент, 1 мужчина и 1 женщина – аспиранты).

Исследование носило немасштабный характер, поэтому все наши выводы носят характер скорее предположительный и могут служить лишь основой для дальнейшего, более глубокого исследования. Называя наше исследование немасштабным, мы имеем в виду не только количество опрошенных, но и то, что все информанты – это японцы, учащиеся и работающие в университете. Мы не опрашивали тех, кто работает в других сферах. Руководствуясь результатами проведенной работы, полагаем, что наиболее часто используемыми способами образования эвфемизмов в японском языке являются умолчание, мейозис, заимствованная лексика и метафора.

Литература

1. *Алпатов, В. М.* Категории вежливости в современном японском языке/ Отв. ред. И.Ф. Вардуль. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

2. *Москвин, В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд.3-е. М.: URSS, 2007.

А.А. Кирюшкина

(Гомель, Беларусь)

ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

Данная статья представляет собой попытку рассмотрения переносного значения как языкового манифестанта психологического состояния говорящего, отражающего намерение последнего передать не сообщение как таковое, а выразить свое эмоциональное состояние, отношение, что переводит высказывание в нереферентную область – область эмоционального отношения говорящего.

Ключевые слова: переносное значение, говорящий субъект, эмоции, отношение, референция.

This article is an attempt to consider the figurative meaning of a statement as an indicator of the speaker's psychological state. It reflects his intention not to convey the message itself, but to express his emotional state and attitude, which transfers the statement to non-referential sphere, namely, the sphere of the speaker's emotional attitude.

Key words: figurative meaning, speaking subject, emotion, attitude, reference.

Язык является не только средством познания окружающего мира: материализуя мысль и обслуживая сферы эмоциональной, мыслительной и коммуникативной деятельности, он непосредственно связан с формированием новых мыслей, выражением различных оценок и эмоций говорящего субъекта. Уже не оспаривается тот факт, что «эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения» [11. С. 3], так как люди, общаясь друг с другом, не могут обойтись без эмоций.

По утверждению психологов, философов и психолингвистов, эмоции неотделимы от когнитивной деятельности человека в силу того, что «любая реальность познается во взаимосвязи логических форм мышления и эмоциональных переживаний человека» [2. С.20]. То есть эмоции не сводимы к «голой» эмоциональности: «Эмоциональность, или аффективность – это всегда лишь одна, специфическая, сторона процессов, которые в действительности являются вместе с тем познавательными процессами, отражающими – пусть специфическим образом – действительность» [8. С.552].

На важность когнитивной основы эмоций указывает и Арутюнова Н.Д.: «эмоции базируются на знаниях и предположениях; когнитивный момент в них первичен относительно эмотивного» [2. С.112]. Вместе с тем, эмоции имеют «двунаправленный характер: они могут не только возникать под воздействием определенных мыслей, но и способны оказывать воздействие на наше мышление» [7. С.63].

В любом мыслительном процессе, независимо от пропорций, преобладает одна из двух его основ: объективность (рациональность) или субъективность (эмоциональность). Отсюда вывод о двойственной референтной отнесенности знаков с эмотивным значением. Эта двойственность проявляется в том, что эмоционально окрашенная речь одновременно репрезентирует обе стороны когнитивной деятельности человека: логическое мышление (рациональное) и эмоции, которые при их языковом воплощении требуют особого плана выражения. Иными словами, логический и эмоциональный аспекты речи говорящего не являются изолированными друг от друга, поскольку эмоции не исключают мысль.

Однако в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое толкование: эмоции очень непросто перевести в слова. Эта онтологическая трудность порождает трудность лингвистическую: говорящему субъекту нередко крайне затруднительно «рассказать» о своих чувствах, выразить переживания в речи. В.Г. Гак приводит высказывание Дидро о том, что «слов почти никогда не хватает для того, чтобы точно передать то, что чувствуешь» [4. С.89]. Используемые слова оказываются недостаточно яркими или неверно отражающими переживаемые эмоциональные состояния и их оттенки.

Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий обращается к знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Наиболее употребительными, а может быть, и единственно возможными

становятся такие приемы объяснения: говорящий указывает адресату на уже известную ситуацию, в которой данное явление обычно возникает или «он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату» [1. С.28].

Поскольку язык – это «специфически» организованная система с «двукратным, двойным означиванием ее единиц» [10. С.18], то основное онтологическое свойство лингвистического знака раскрывается в двуплановом модусе его существования – в языке как системе виртуальных знаков и в речи как реальном функционировании этой системы.

Для передачи эмоционального состояния и отношения в системе языка существует особый пласт эмотивной лексики: ее использование является нормой. Постоянное и активное использование системы языка в различных речевых ситуациях неизбежно переносит центр тяжести на речетворчество говорящего субъекта, его коммуникативную установку. Нередко потребность говорящего высказать свои чувства в конкретном общении наталкивается на отсутствие лингвистических возможностей лексико-семантической системы. В этом случае семантическая детерминированность организации лексики языка, становится «препятствием» для речевого выражения. Данный факт раскрывается в том, что лексические единицы, непосредственно обозначающие чувства и эмоции, с субъективной точки зрения говорящего часто оказываются семантически и экспрессивно «недостаточными» для того, чтобы в момент речи передать «накал» его эмоционального состояния.

Стремление говорящего «победить язык» проявляется в том, что «интеллектуальность» как порядок языка подчиняется эмоциональности речевой ситуации» [3. С.5]. Вместе с тем, говорящий субъект не изобретает новые слова, а использует фонетический облик уже существующих единиц в функции имени нового означаемого. Первичный языковой материал используется таким образом, чтобы он соответствовал принципу «прагматической достаточности» [9]. Создаваемая говорящим эмотивная семантика должна отвечать его эмоциональным потребностям. На первый план

выдвигается эмотивная функция высказывания, тогда как референтивная отодвигается на второй план. Цель субъекта – высказать свое отношение к третьему (отсутствующему) лицу или к реалиям, существующим в мире.

В процессе общения эмоции проявляются как экспликация переживаемых говорящим чувств и ощущений. Например, ср. описание ощущения холода самим говорящим: *... ma lampe d'étude et toute la ferveur de ma foi écartait mal, hélas, la nuit et* ***le froid*** *de mon cœur* (A. Gide). Или описание ощущения резкости тона третьего лица: *Il sentit,* ***à l'âpreté*** *simple du ton de Vinca, que son propre accent venait de manquer tout ensemble de naturel et de contrition* (Colette).

С одной стороны, любое ощущение всегда окрашено «в определенный, чаще всего специфический тон» [5. С.210] (здесь – *froid, âpreté*), а с другой, «с особенностями переживаемых нами эмоциональных состояний связаны, вероятно, не столько сопровождающие их органические изменения, сколько возникающие при этом ощущения» [6. С.439]. Иными словами, как эмоции сопровождаются определенными ощущениями, так и ощущения имеют определенную эмоциональную окраску.

Испытывая потребность выразить отношение к сообщаемой информации, показать подлинность или имитацию эмоций, говорящий – со специфическим видением мира и своими эмоционально-оценочными проявлениями в нем – способен преобразовывать языковую систему в соответствии со своими коммуникативными целями и потребностями. В целях достижения наиболее эффективного выражения субъективного «Я», говорящий использует не лексику чувств в ее прямом значении, а те лексемы, которые в момент речи и переживаний ему представляются наиболее эффективными для демонстрации собственной нормы («индивидуального стандарта») оценок. Переносное значение является языковым манифестантом психологического состояния говорящего, отражая намерение последнего передать не сообщение как таковое, а выразить свое эмоциональное состояние, отношение, желание оказать воздействие на собеседника, что переводит высказывание в нереферентную область – область эмоционального отношения говорящего.

Эмоциональное состояние субъекта приводит в действие две взаимосвязанные потребности – высказать эмоциональность своего «Я» в момент речи и выразить ее нестандартно. Выбор лексем с переносным значением зависит от говорящего субъекта – от его сугубо индивидуального восприятия окружающей действительности, эмоциональных состояний, ассоциативного мышления, языковых данных и т.д.

Литература

1. *Апресян, В.Ю*. Метафора в семантическом представлении эмоции // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27-35.

2. *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.

3. *Богушевич, Д.Г*. Принцип прагматической достаточности и структурные характеристики языка // Материалы юбилейной научной конференции. – Минск: МГЛУ, 1998. – С. 74-79.

4. *Гак, В. Г*. Эмоции и оценка в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 87-95.

5. *Мягков, И.Ф.,* Медицинская психология: учебник для вузов – М.: Логос, 2003.

6. *Немов, Р.С*. Общие основы психологии. – М.: Владос, 2003.

7. *Процко, М.А*. Эмоции говорящего и эмотивный компонент высказывания // Прагматический и социокультурный аспекты единиц французского языка: сб. научн. ст. – Мн.: МГЛУ, 2004. – С. 97-106.

8. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003.

9. *Степанова, А.Н*. Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы. – Мн.: МГЛУ, 2000.

10. *Уфимцева, А.А*. Семантика слова // Аспекты семантических исследований – М.: Наука, 1980. – С. 9-54.

11. *Шаховский, В. И*. Лингвистика эмоций // Филологические науки. Вып. 5. – М., 2007. - С. 7-13.

А.Г. Козлова

(Москва, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНО-КОНСТРУКТИВНАЯ РАЗВЁРНУТОСТЬ ГРОТЕСКА В ПОЭЗИИ ДЖОНА АПДАЙКА

Статья посвящена анализу контекстуально-конструктивной развёрнутости гротеска в поэзии Джона Апдайка. Приводятся примеры использования данного художественного приёма в различных контекстах, и исследуются случаи его слияния с другими стилистическими средствами, фигурами речи и тропами.

Ключевые слова: Джон Апдайк, поэзия, английская стилистика, гротеск, стилистические средства и приёмы.

The article explores the extensive nature of the conceptually constructive grotesque in John Updike's poetry. Its distinct features, characteristics and functions are exposed and illustrated by ample examples in different contexts. Numerous cases of this stylistic device overlapping other expressive means, figures of speech and tropes are examined in detail.

Keywords: English stylistics, poetry, John Updike, grotesque, stylistic devices, tropes, figures of speech.

На наш взгляд, поэзия Джона Апдайка, представляет особый интерес для исследователя. Среди современных американских авторов неординарностью и необычностью своего мышления заметно выделяется Джон Апдайк, что находит яркое выражение в его экспрессивно насыщенном поэтическом языке. Одну из центральных позиций в нём занимает гротеск. Особенностью данного стилистического приёма у Дж. Апдайка является его концептуальная развёрнутость, посредством которой создаётся единая когнитивно нагруженная картина образов.

Экспрессивно-субъективизирующаяся функция гротеска проявляется в представлении автора о мире:

The Archimedean point, however small,

Will serve to lift the whole terrestrial Ball [4. С. 96].

Концептуально-конструктивная сущность развёрнутого гротеска служит в поэзии Апдайка для создания новых понятийных образов [3]. Автор считает, что «реальность выходит за свои пределы; учёные начинаются из атомов»:

Reality transcends itself within;

Atomically all pundits must begin [4. С. 96].

«Правда», которая у поэта олицетворяется, а потому и пишется с большой буквы, «прибывает как будто по телеграфу: одна точка; две точки; тишина; потом смех». Концептуально развёрнутый гротеск, таким образом, сливается с персонификацией и создаёт своеобразный концепт:

The Truth arrives as if by telegraph:

One dot; two dots; a silence; then a laugh [4. С. 96].

Сочетая данный стилистический приём с риторическими повелительными предложениями, автор призывает «восхвалять Кьеркегора, который расколол вдребезги учение Гегеля о скалу экзистенциальной нужды; Барта, который рассказал, как спасительная Вера может вытекать из колеблющихся Да и Нет Террора; Генри Грина, который показал, что жизнь просачивается через жесты, взгляды, глупые разговоры и, дрейфуя, уплывает; Диснея, разложившего уверенную походку Гуфи на последовательные неподвижные кадры, воспринимаемые нашими глазами как одно целое; Яна Вермера, подсолившего наш простой хлеб световыми мазками, а также кирпичами и нитью», где развёрнутая разновидность концептуального гротеска тесно переплетается с метафорой:

Praise Kierkegaard, who splintered Hegel's creed

Upon the rock of Existential need;

Praise Barth, who told how saving Faith can flow

From Terror's oscillating Yes and No;

Praise Henry Green, who showed how lifetimes sift

Thorough gestures, glanced, silly talk, and drift.

Praise Disney, for dissolving Goofy's stride

Into successive stills our eyes elide,

And Jan Vermeer, for salting humble bread

With dabs of light, as well as bricks and thread [4. С. 96].

Помимо восхваления известных личностей, писатель просит воздать должное персонализируемым им неодушевлённым предметам и абстрактным понятиям, революционизировововавшим, по его мнению, нашу жизнь, таким как «IBM, которая свела огромные запасы памяти к набору нескольких электрических команд и/или; Пуантилизм, Вычисление и всё, что делает мир бесконечно малым»; поэт букву «I» перифрастически называет посредством литоты «коротышкой алфавита», а Бесконечность – «малыми величинами, нагромождёнными вверх», реализуя, тем самым, конструктивную функцию развёрнутого концептуализированного гротеска, переплетающегося с другими тропами:

Praise IBM, which boiled the brain's rich stores
Down to a few electric either/ors;
Praise Pointillism, Calculus, and all
That turn the world infinitesimal:
The midget of the alphabet is I;
The Infinite is littleness heaped high [4. C. 96].

Дж. Апдайку видится, что «всё-всё устроено неправильно – через все феномены и явления просвечивается меч Всеобщего Закона»; в сознании автора «изящные формулировки отсекают Случайность от Причины и неуклюжая Материя учится танцевать», в результате чего концептуально-конструктивный развёрнутый гротеск сливается воедино с эпитетом, персонификацией и иронией, придавая особую экспрессивность поэтическому языку:

All wrong, all wrong – throughout phenomena
There gleams the sword of Universal Law;
Elegant formulations sever Chance
From Cause, and clumsy Matter learns to dance [4. C. 96-97].

Персонифицируя физические явления, автор усиливает конструктивную сущность гротеска. Он считает, что «магнит подразделяется на Домены до тех пор, пока пропорции не будут достигнуты там, где правит Стазис»:

A magnet subdivides into Domains

Till ratios are reached where Stasis reigns [4. С. 97].

Концептуализированный гротеск концентрирует внимание читателя на извечных вопросах бытия и места человека в этом мире [2]. Демиург, согласно представлению автора, «простирается до границы, где исчисляемый холод резко на Него обрушается»:

The Demiurge expands up to a rim

Where calculable cold collapses Him [4. С. 97].

Концептуально-конструктивная развёрнутость гротеска в творчестве Дж. Апдайка служит средством создания неожиданной интенсифицированной контрастности. В человеческих поступках, ему кажется, «действуют индукции, раскалывая обстоятельства и обнажая всеобщую Реальность»:

In human matters, too, Inductions act,

Cleave circumstance, and bare the general Fact [4. С. 97].

Сочетающиеся с катахрезой энумеративные параллельные конструкции являются средством концептуализации гротеска и усиливают многоплановую экспрессивность поэтического языка Джона Апдайка [1]. По его мнению, «необыкновенная Доброта делает эластичные Заявления; милостивый Творец спрятал Свои Цели», поэтому автор советует «остерегаться ложных Богов», под которыми он подразумевает «Безгрешного Человека, безупречную формулу, Пятилетний План»; «отречься от стадного чувства; избегать машин, Гениальности, Целей, оправдывающих средства, и присяг, принуждающих претендента на вступление в религиозный орден убивать Любовь к Себе и Независимую волю», и «ненавидеть Апостолов включающего всех Государства», считая, что «Муссолини приводит к Гитлеру»:

Transcendent Goodness makes elastic claims;

The merciful Creator hid His Aims.

Beware false Gods: the Infallible Man,

The flawless formula, the Five-Year Plan.

Abjure bandwagons; be shy of machines,

Charisma, Ends that justify the Means,

And oaths that bind the postulant to kill
His own Self-love and independent Will.
A Mussolini leads to Hitler; hate
Apostles of the all-inclusive State [4. С. 99-100].

В поэзии Дж. Апдайка обнаруживается концептуально-конструктивная сущность гротеска. Данный стилистический приём становится неотъемлемой частью поэтического стиля Джона Апдайка и заметно обогащает художественную сторону его языка, выходя за рамки устоявшейся семантики английских лексических единиц и сложившихся между ними связей и отношений.

Литература

1. *Bloom, H.* Modern Critical Views of John Updike. – New York: Chelsea House, 1987.
2. *Hamilton, A., Hamilton K.* The Elements of John Updike. – Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 1970.
3. *McNaughton, W. R.* Critical Essays on John Updike. – Boston: GK Hall, 1982.
4. *Updike, J.* Collected Poems: 1953-1993.– New York: Knopf, 1995.

С.В. Короткевич, В.Г. Гуд
(Гомель, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ ЭВФЕМИЗМАХ

Наше исследование посвящено изучению эвфемизмов в английском языке, так как именно эвфемизмы являются мощным средством формирования новых общественных установок в общественно значимых сферах речевой деятельности, таких, как средства массовой информации. В данной статье эвфемизмы рассматриваются как социально обусловленные и сложные языковые явления, в основе которых лежат ценностно-нормативные установки языкового сообщества. Было выявлено, что среди эвфемизмов наиболее ярко выделяется класс политически корректных эвфемизмов. Политическая корректность рассматривается как отношение человека к окружающим людям и явлениям социальной жизни и выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые ущемляют человеческие права индивидуума.

Ключевые слова: эвфемизм, политкорректность, дейксис, политически корректные эвфемизмы.

The article is devoted to the study of euphemisms in the English language. Euphemisms are viewed as a powerful means of formation of new public attitudes in the sphere of mass media. The article defines euphemisms as socially determined and complex language phenomena. The group of politically correct euphemismsis is distinguished among other euphemisms. Political correctness is interpreted as the individual's attitude towards people and social life and is manifested in new ways of naming the objects of reality.

Key words: euphemisms, political correctness, deixis, politically correct euphemisms.

Эвфемизмы являются мощным средством формирования новых общественных установок, они получают исключительно широкое распространение в общественно значимых сферах речевой деятельности, таких, как средства массовой информации. Многие современные эвфемизмы являются результатом появления и закрепления в общественном сознании новых социально-политических доктрин (прежде всего, доктрины политической корректности). При этом эвфемизмы, с одной стороны, отражают уже произошедшие сдвиги общественного сознания, а, с другой стороны, сами способствуют их распространению и закреплению в обществе.

В отличие от обычной лексики, эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений, это связано с исторической изменчивостью статуса эвфемизма в языке и речи. То, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению людей, в будущем может рассматриваться как несомненная грубость, требующая эвфемистической замены.

В.И. Заботкина дает следующее определение эвфемизмов – «тропы, основанные на непрямом, вежливом, смягчающем слове или словосочетании, употребленном в прагматических целях (вежливость, деликатность, благопристойность), представляющие собой благодатный материал для обоснования концепции взаимодействия прагматики и семантики лексических единиц» [1. С. 94].

Эвфемизмы представляют собой вторичные наименования денотата и благодаря этому обладают особым семантическим своеобразием.

Природа эвфемизмов остается невыясненной, что приводит к смешению эвфемизмов с другими видами перефразирования; не разработаны четкие критерии идентификации эвфемизмов, отсутствует общепринятая дефиниция самого термина.

Во многих исследованиях прагматические функции эвфемизмов рассматриваются через понятие *дейксиса*. Под дейктической функцией понимается такая функция, которая служит целям идентификации языкового знака, в данном случае эвфемизма. В результате анализа языкового материала выделяются четыре основных дейксиса эвфемизма: *вежливость, табуирование, вуалирование, этикет*.

Дейксис вежливости определен природой эвфемии, так как в основе формирования данного языкового явления заложен принцип вежливости. Этот принцип был сформирован на основе теоретических положений П. Грайса, который одним из первых стал выводить систему принципов общения, составляющих основу формирования правил речевого поведения. Например: *“Excuse my French!”*

Дейксис табуирования обусловлен тенденцией в современных языках не говорить прямо, например, о смерти, о тяжелой болезни. Так, например, самыми распространенными эвфемизмами являются те, которые обозначают явление смерти: *to go to meet his /her Maker, to close one’s eyes, отпустить* («позволить умереть»), *отдать концы*.

Дейксис этикета, или этикетный эвфемизм, используется, когда говорящий избегает прямых номинаций. В частности, для обозначения вредных привычек употребляются следующие эвфемизмы: *emotionally tired, half and half, sheet in the wind, Sunday traveler* (“drunk”).

Дейксис вуалирования используется для того, чтобы завуалировать «подлинную сущность обозначаемого». Характерной особенностью этого типа эвфемизмов является то, что они в своем большинстве применяются в политической и социальной сфере: *air support* (“bombing”), *negative advancement* (“fire”), *конфронтация* («противостояние, конфликт») [2. С. 29].

Социолингвистический подход к исследованию позволяет определить эвфемизмы как социально обусловленные и сложные языковые явления, в основе которых лежат ценностно-нормативные установки языкового сообщества.

Первое место по количеству используемых эвфемизмов принадлежит текстам публицистического стиля: газетным и журнальным публикациям, теле- и радиовыступлениям, теледебатам, публичным выступлениям, особенно политической, экономической и правовой тематики.

Наиболее ярко выделяется класс политически корректных эвфемизмов. Политическая корректность выражается в корректировке языкового кода, в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида. Таким образом, политическую корректность можно определить как отношение человека к окружающим людям и явлениям социальной жизни, то есть как линию (политику) поведения.

К политически корректным эвфемизмам в английском языке, относятся:

- эвфемизмы, смягчающие возрастную дискриминацию. Вместо old (старый) распространены такие эвфемизмы, как senior, mature.

- эвфемизмы, исключающие дискриминацию людей с физическими и умственными недостатками. Слово cripple (калека) заменяют на physically different, fat (толстый) – big-boned, differently sized. Умственно отсталых людей называют learning disable, special, mentally challenged people.

- «сексистские» морфемы, указывающие на половую принадлежность человека, вроде суффикса -man (chairman – председатель) или -ess (stewardess стюардесса), вытесняются из языка. Слова с такими морфемами заменяются другими, определяющими человека безотносительно к полу: chairman – chairperson; stewardess – flightattendant.

Политкорректность старается убрать негативное отношение к людям, занимающимися некоторыми видами деятельности. В английском языке вместо garbage collector (уборщик) принято использовать выражения sanitationman, sanitation engineer или garbologist; вместо janitor (дворник) – enviromental hygienist, custodian или building engineer. Почти ушло из употребления слово servant (прислуга). Оно заменено нейтральным housekeeper. Парикмахера стали называть hairstylist или beautician [3. С. 33-34].

Перевод политкорректных выражений осуществляется подбором русских эвфемизмов, эквивалентных английским, поиском соответствий в словарях, применением переводческих трансформаций. Чаще всего применяется калькирование: gender stereotypes – гендерные стереотипы.

При необходимости передать точный смысл политкорректного высказывания можно использовать модуляцию. Так, прилагательное available переводится как «доступный». Используя модуляцию, available можно перевести как «безработный». Особую трудность при переводе составляют слова, часто применяемые в качестве компонентов для образования политкорректной лексики, например, challenged. В публикациях русских авторов встречаются следующие варианты перевода challenged как политкорректного компонента: испытывающий затруднения, недостаточно развитый; преодолевающий трудности из-за; с проблемами; с ограниченными возможностями [4. С. 90].

Принимая во внимание вышесказанное, можно определить политически корректные эвфемизмы как слова или словосочетания, используемые во избежание оскорбления какой-либо группы населения. Они реализуют социально-регулятивную функцию предупреждения проявления в обществе дискриминации по различным признакам.

Литература

1. *Заботкина, В.И.* Новая лексика современного английского языка: учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1989.

2. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение: Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – № 10. – С. 20 - 31.

3. *Цараева, М.Р., Реунова, О.И.* Эвфемизмы как лингвистическое явление (на материале соврем. англ. яз.) // Некоторые проблемы германской филологии: [сб. науч. тр.]. – Пятигорск, 2000. – С. 31- 39.

4. *Комаров, Г.В.* Способы и средства эвфемизации как языковой прием политической корректности // Лингвистическая организация дискурса: функциональные и содержательные аспекты: [межвуз. сб. науч. тр.]. – Краснодар, 2004. – С. 88 - 93.

Е.Г. Логинова

Рязань, Россия

ФРАКТАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОМЕРНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(на материале драмы абсурда)

Фрактальный подход к анализу текста рассматривается в статье как предпосылка создания целостной многомерной лингвокультурной картины художественного произведения. Автор определяет возможности упорядочения лингвистического и экстралингвистического опыта в пьесе абсурда, предоставляемые фрактальной моделью, объясняющей единство между частью и целым, формой и содержанием, глубинными процессами и процессами видимыми.

Ключевые слова: фрактальная модель, опыт, многомерность, знак, драма абсурда.

The paper discusses opportunities presented by fractal modeling of linguistic and extra-linguistic experience. Making an attempt to explain the multidimensional character of the drama of the absurd the author uses the fractal modeling instrumental in disclosing the symmetry of form and content and ensuring unity between a part and the whole, the visible and the subterranean processes.

Key words: fractal model, experience, multidimensional character, sign, the drama of the absurd.

Предлагаемый нами фрактальный подход к исследованию многомерности художественного произведения основан на понятии “фрактал”, которое ввел американский математик Б. Мандельброт для описания сложноструктурных объектов и явлений окружающего мира. Фрактальный подход определил характер исследований в физике, математике, компьютерной графике, многих других областях естественных наук, а также применялся для описания

образовательных систем и процессов. Так, В.Э. Штейнберг, говоря о «семантическом фрактале» в дидактике, трактует одно из основных свойств фрактала – многомерность – и как фундаментальное свойство материи (многоуровневость структурной организации), и как «очеловеченное» отображение знаний о мире [9].

Другим свойством фрактала является симметрия. Применительно к анализу художественного произведения это симметрия формы и содержания, что предполагает повтор на разных уровнях: фонетическом, семантическом, просодическом, синтаксическом, прагматическом. При этом между различными уровнями могут устанавливаться дополнительные структурные связи. Отношения такого рода между «типами систем» позволяют Ю.А. Лотману говорить об «иерархии кодов, которые выявляют скрытую семантику» произведения [6. С. 64].

Как-то Сальвадор Дали написал о своей живописи: «Как вы хотите понять мои картины, когда я сам, который их создал, их тоже не понимаю. Факт, что я в тот момент, когда пишу, не понимаю моих картин, не означает, что эти картины не имеют никакого смысла, напротив, их смысл настолько глубок, сложен, связан, непроизволен, что ускользает от простого логического анализа» [8. С. 457].

Пьесы драматургов-абсурдистов во многом схожи с картинами Дали, их бесконечным отстранением, ускользающими, уходящими в бесконечность, линиями и лицами без форм. Разработанный художником «параноидно-критический метод» - «метод иррационального познания, основывающийся на критической интерпретации цепочек безумных видений» - позволял соотносить в многочисленных деталях картин внешнюю и внутреннюю природу вещей, выявлять скрытые силы и законы, которые ими управляют. Для Дали это был способ освоения человеческого опыта во всем многообразии его проявлений, инструмент, который, как заметил французский писатель Андре Бретон, «можно применять одинаково в живописи, поэзии, кино, моде, скульптуре…и, в случае надобности, в любого рода экзегезе» [цит. по 8. С. 459].

Пьесы абсурда, как и любое другое художественное произведение, являются выражением опыта. Язык, упорядочивая лингвистический и экстралингвистический опыт, одновременно упорядочивает сам себя. При этом языковые единицы, соединенные друг с другом определенным образом, могут обозначать не привычные понятия, а создавать многомерную картину художественного произведения – «бесконечно уходящую вдаль смысловую перспективу», как справедливо заметила И.И. Ковтунова [7].

В качестве материала исследования мы взяли пьесу С. Беккета “Krapp’s Last Tape”. Герой пьесы – одинокий человек, которому исполнилось 69 лет. Вспоминая прошлое, он слушает записанную им самим в день своего 39-летия пленку. Далеким отголоском в памяти одна за одной возникают картины – обрывочные видения из жизни героя: первая любовь, глубокое чувство к женщине «с глазами как хризолиты», их расставание, неудачи в работе. Театральный критик Г. Бояджиев в статье, посвященной спектаклю по пьесе С. Беккета, поставленному в Нью-Йорке в 1961г., называет эти картины «бессвязным мельканием» [3. С. 304]. Однако, на наш взгляд, связь, безусловно, есть, поскольку развивающаяся мысль является некой системой. Это система ассоциаций. Так же и у У. Сарояна в рассказе “The Faraway Night”, и у С.Беккета в пьесе “Play” все образно-ассоциативные компоненты повествования образуют собой своеобразный континуум. Вспомним слова Р.Барта, который писал в свое время: «… текст – это…пространство, где свободно вспыхивают языковые огни, мерцающие зарницы, то тут, то там взметающиеся всполохи, рассеянные по тексту как семена» [1. С. 476].

Моделью, которая дает нам при анализе драмы абсурда единство информации, выраженной единицами разных уровней, включая информацию, не выраженную словесно, единство глубинных процессов и того, что находится на поверхности, единство трагического и комического, является фрактальная модель. Точкой зарождения фрактала – точкой, которая порождает опыт во всей его многомерности – становится пустота (внутренняя/душевная и внешняя/пространственная). Здесь мы вновь обращаемся к изобразительному

искусству. На этот раз это «Черный квадрат» К. Малевича, художника – авангардиста, для которого черная пустота – это «знак-приглашение к бесконечному углублению в нее – в Нуль, в Ничто; или – в себя» [5].

Для Крэппа, героя пьесы С. Беккета, уход в темноту, беспредметность – это тоже уход в себя, в свои чувства и ощущения. Словно следуя философии супрематизма, разработанной К. Малевичем, Крэпп убедил себя, что не следует искать ничего ценностного во внешнем мире. И, тем не менее, он вновь и вновь прокручивает запись, вспоминая прошлое.

Голос молодого Крэппа с пленки и сам герой – два действующих лица. То они вместе насмехаются над юношескими иллюзиями, то вдруг старый Крэпп начинает злиться от слов, произносимых им самим 30 лет назад. Все происходящее напоминает музыкальную полифонию, главная особенность которой – одновременность звучания нескольких самостоятельных равноценных мелодий. Голоса героев в пьесе – это своего рода имитация, то есть проведение одной и той же темы поочередно в разных голосах, чаще на разной высоте (ср. инвенции И.С. Баха и др.).

Использование низких звуков, к которым, согласно теории звукового символизма относятся гласные [a:, o:, u:] и согласные [g, k, h], включая губные [p, b, v, f], позволяет драматургу вызвать ощущение темноты и тяжести: *“**B**ox… **th**ree … **s**poo**l** … **f**i**v**e … **S**poo**l**! … **S**poooo**l**! **B**ox … **th**ree … **th**ree … **f**our … t**w**o … **G**oo**d G**od! **ah**! … **B**ox … **three** … **S**poo**l** … **f**i**v**e … **f**i**v**e … **f**i**v**e … **ah**! …”* и т.д. Такая ритмическая тяжеловесность передает физическую усталость и эмоциональную опустошенность Крэппа.

Сильное волнение героя по мере того, как звучит пленка, его нарастающее раздражение *(“Krapp switches off impatiently”, “Krapp curses”, “Krapp curses louder” и т.д.),* затрудненность дыхания *(“gasping”)* представлены не только в авторских ремарках, но и отражаются на чередовании слов и пауз.

Пауза, «ритмическая, ищущая слов немота», как образно определяет ее Е. Суриц [2], позволяет драматургу расширить систему знаков, чтобы более

полно и точно реализовать коммуникативное намерение. Паузы в пьесе – это не только молчание героя, но и методичные, повторяющиеся движения, однообразные действия, вздохи, смех. С математической точностью просчитывает С. Беккет паузы между хлопками пробок при откупоривании бутылок: *"Ten seconds. Pop of cork. Ten seconds. Second cork. Ten seconds. Third cork. Ten seconds. Brief burst of quavering song."*

Определенный ритм задает привычный для Крэппа процесс, когда он неспешно ест банан. Все, что в этот момент происходит на сцене, выглядит комично: "*takes out a small bunch of keys, raises it to his eyes, chooses a key…unlocks first drawer, peers into it, feels about inside it…locks drawer, unlocks second drawer, peers into it, takes out a large banana, peers at it…strokes banana, peels it, drops skin at his feet, puts end of banana in his mouth and remains motionless…"*. Однако в незначительных, обыденных действиях, которые совершает герой и которым придает многозначительность, сквозит трагическое одиночество. «Круг микродел» Крэппа, как называет перечисленные действия Г. Бояджиев, – это невербальные знаки, эксплицирующие то, что драматург не передает словесно.

Повтор знаков (вербальных и невербальных) позволяет Джеймсу Мейсу говорить о принципе эха, который обеспечивает внутреннюю согласованность и логичность произведений С. Беккета: *"Echo… has a life of its own…It can rebound on its origins to change their appearance; it can develop differently from its beginnings, and exert power even when its beginnings have been lost; it can magnify small traces… Echoes can interfere with other echoes, and their disembodied life is different in kind, more ghostly, than connections that can be tagged and which are relatively stable. They multiply in a void, where the things alluded to are both there and not there"* [10. С. 159].

«Эхо» в Толковом словаре русского языка В.И. Даля определяется как «отголосок, отголосье, вторье» [11. С. 731]. Синонимами выступают слова «отражение, ответ, повторение» [12]. Таким образом, эхо представляет собой повторенное высказывание, которое, утрачивая постепенно прямое значение,

становится лишь знаком, напоминающим о какой-то исходной ситуации.

В рассматриваемой пьесе таким знаком выступают строки из песни, которую неожиданно для себя поет герой:

Now the day is over,

Night is drawing nigh-igh,

Shadows of the evening

Steal across the sky.

Песня – отсылка к творчеству английского мыслителя Сэбайн Бэринг-Гулда, автора церковного гимна “Now the day is over”, в котором есть такие слова *“Jesus, give the weary calm and sweet repose… Comfort those who suffer, watching late in pain… ”*. Это уже обращение к Библии: *“When you lie down, you will not be afraid; when you lie down, your sleep will be sweet” (The Book of Wisdom 3:24)*. Так автор «подключает» имплицитно заложенную информацию о душевных терзаниях героя: много лет назад Крэпп сознательно обрек себя на одиночество, оттолкнув возможное счастье и убедив себя в правильности принятого решения. Однако сейчас, на закате жизни, сомнения в верности идее стали настолько сильными, что герою становиться в тягость его мучительное существование.

Дополнительный язык таит в себе символика цвета и чисел. Так, повторяющиеся цвета в пьесе – контрастные цвета – черный и белый: *“rusty black narrow trousers”*, *“rust black sleeveless waistcoat”*, *“black ball”*, *“this darkness”*, *“black plumage of male”*, *“dark young beauty”; “white face”*, *“white boots”*, *“white dog”* и т.д.

Числа 3 и 5, номер коробки и катушки соответственно, – знаки многоплановые и значимые. Поскольку число ‘три’ при разделении сохраняет центр, оно может трактоваться как точка равновесия. Именно в коробке под номером ‘три’ хранится катушка с записью, сделанной в день 39-летия Крэппа – день «достопамятного равноденствия» (*“memorable equinox”*).

Число ‘пять’ – символ человека. В разных культурах это число связывают с любовью и радостью. Для Крэппа день, проведенный с любимой женщиной, –

самое счастливое воспоминание его жизни, записанное на катушке под номером ‘пять’. Не случайно он так нежно говорит о ней: *“Spoooool! (happy smile)”*.

Попытка драматурга выразить действительное движение мысли и чувства не только и не столько словами, но и с помощью других знаков снова напоминает нам о творчестве Дали, Пикассо, Малевича и других художников, которые вели поиск в области пространства, цвета и форм. Так, например, движение в пьесе задается геометрическими формами: перемены в душевном состоянии Крэппа напоминают зигзагообразную линию, его перемещения по комнате – круг. Как говорит сам герой: *“With all this darkness around me I feel less alone. (Pause). In a way. (Pause). I love to get up and move about in it, then back here to… (hesitates)…me. (Pause).”* С. Беккет вновь обращает нас к Библии, где говорится о ветре: *«Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» (Книга Екклесиаста 1:6).*

Как видим, обладая многомерностью и симметричностью, фрактальная модель, с ее холистко-голографической основой, предопределяет когнитивный потенциал каждого типа знака в тексте, создавая целостную лингвокультурную картину художественного произведения. Фрактальный подход помогает соединить всю информацию, которая имплицитно присутствует в каждом знаке, создавая такое единство анализа на разных уровнях, которое позволяет с большей достоверностью выяснить замысел автора даже такого сложного произведения, как драма абсурда.

Литература

1. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
2. *Беккет, С.* Пьесы разных лет / пер. с англ. Е. Суриц [Электронный Ресурс]. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/bekket-samuel_/beccet/1-beccet.html
3. *Бояджиев, Г.* От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров. – М.: Просвещение, 1981.
4. *Иванова-Лукьянова, Г.Н.* Художественный текст как искусство. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009.

5. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века [Электронный Ресурс] / Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/303812/read
6. *Лотман, Ю.А*. Структура художественного текста. – М.-СПб.: Искусство, 1998.
7. *Ковтунова, И.И*. Поэтический синтаксис. – М., 1986.
8. *Самин, Д.К*. 100 великих художников. – М.: Вече, 2005.
9. *Штейнберг, В.Э*. «Семантические фракталы Штейнберга» для технологий обучения // Школьные технологии – Вып. № 2, 2002. – С. 204-210.
10. *Mays, J.* Allusions and Echo in Godot / Cohn R. Samuel Beckett. Waiting for Godot. – Great Britain. Antony Rowe Ltd, 1987. – P. 158-170.
11. *Даль, В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2002.
12. Словарь русских синонимов (онлайн версия) [Электронный Ресурс] / Режим доступа: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-96779.htm

Ф.Р. Новрузов

(*Баку, Азербайджан*)

НЕКОТОРЫЕ ПАРАМЕТРЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Наше исследование посвящено выявлению основных параметров мифологического текста и проблемам их передачи на азербайджанский язык

Ключевые слова: миф, текст, перевод.

The article deals with the problems of the main characteristics of a mythological text and their interpretation into the Azerbaijani language.

Key words: myth, text, translation.

Среди переводческих областей художественный перевод носит несколько специфический характер. Он характеризуется творческим потенциалом, который связывает духовный мир разных народов. Благодаря межкультурным связям, нам раскрывается не только богатое, разнообразное творческое наследие иноязычных художников, но и пропагандируется собственная национальная культура за пределами отечества. Ведь не секрет, что художественная литература – единственный вид искусства, который вне перевода немой в иной этноязыковой сфере. Иначе говоря, сегодня

эстетическая потребность нашего общества, как никогда требует от ученых, переводчиков и писателей, занимающихся исследованиями разнообразных видов творчества, изучить и пропагандировать не только собственную культуру, но и фольклор, художественную литературу других народов.

Все это, естественно, приводит к выработке и обогащению определенного круга идей, художественных вкусов, творческих стилей, одним словом, взаимообогащению культур. В этой связи особый интерес представляет перевод текстов народно-поэтического творчества.

Устность, «традиционность, непосредственная народность», сочетание слова с «художественными элементами» других видов народного искусства, как характерные особенности фольклора, очень трудно поддаются передаче. Во-первых, фольклорное произведение имеет множество равноценных текстов, или вариантов (сводов). Следовательно, переводчик должен выбирать наиболее распространенные и всеобъемлющие варианты. Во-вторых, устойчивость некоторых жанров, где слово наделено функцией магической или религиозной, духовной и бытовой, в частности, заговоры, обрядовые песни, духовные стихи, устойчивые выражения, затрудняют перевод. В-третьих, несмотря на сходство мотивов, образов, даже сюжетов фольклорных текстов, принадлежащих разным народам, каждый из них обладает яркой национальной спецификой, передача которой требует от переводчика особых умений и возможностей. В-четвертых, фольклорные тексты – глубоко народные, в них не только присутствуют сведения о быте народа, но и темы, сюжеты, образы, поэтические краски, эстетические нормы и идеалы, воспроизведенные на «народном» языке, который не так просто воссоздать на другом языке.

Как правило, для переводчика первостепенное значение имеет язык жанров народно-поэтического творчества, его своеобразный стиль. Если учесть тот факт, что язык фольклорных произведений имеет многовековую историю, то нетрудно представить, насколько изменился его состав: одни лексические единицы просто вышли из употребления, другие – приобрели иные оттенки, третьи – вообще употребляются совсем в других значениях. Отчасти и по этой

причине данные тексты имеют несколько переводческих версий, не говоря уже о множестве доработок, исправлений; вокруг них ведутся дискуссии. Например, переводы различных эпосов, в том числе, перевод азербайджанского эпоса «Деде Горгуд» Бартольтда. Как известно, к этому переводу Г.Араслы и М.Тахмасибом были вынесены около 300 поправок. Похожая картина существует в переводе некоторых мифов, стихов, сказок и других жанров народно-поэтического творчества Древнего мира, в том числе и Востока, где многоплановость образности поэзии имеет ярко выраженную специфику.

К числу наиболее сложных можно отнести и переводы мифов, которые требуют не только достаточного владения языком, но и филологических знаний. К ним присоединяются и некоторые сказки. Несмотря на разнообразие тем, по содержанию и стилю многие сказки больше других жанров сохранили мифические представления наших предков. Неслучайно некоторые сюжеты и образы сказок народов мира удивительно похожи. В этой связи существует даже мнение о том, что переложение содержания мифических историй на другой язык не требует максимально близкого словесного изложения, так как главным является не слово, а событие. Однако перевод подобных текстов по ряду причин осложняется, и его отдельные выражения по сей день вызывают споры среди специалистов. Во-первых, часть этих мифов и сказок своими корнями уходит в глубокую древность, где на ранних архаических стадиях языковых средств общее выражалось через отдельное.

Во-вторых, древние люди, исходя из практики, обозначали предметы и явления по сложности или по причинно-следственной связи. Учитывая все эти обстоятельства, переводчик должен комплексно решать свои задачи.

Перевод мифов и сказок имеет «двойную» значимость. С одной стороны, современный читатель ближе знакомится с богатым, в то же время мало переведенным фольклором некоторых народов. С другой стороны, он имеет возможность еще раз взглянуть на культурную общность народов Древнего мира.

Не каждому переводчику удается адекватно передать миропонимание древних людей, их эмоциональное вживание в явления мира. Природные (в том

числе тотемные) или обожествленные явления в этих народно-поэтических шедеврах эмоционально воспринимаются и подаются как действие, не только как действие, скажем, главных богов у тюрков (Тэнгри), у греков (Зевс), у индусов (Индра), у египтян (Хор) и др. и их множества покровителей, но и деяния самих наших древних предков. Это удается некоторым переводчикам как раз из-за общности культурных корней носителей исходного и переводящего языков.

Таким образом, залогом успешного перевода фольклорных жанров является умелое сочетание теоретических знаний с художественной практикой. Обладая достаточными фоновыми знаниями, писатель-переводчик не должен оставлять вне передачи детали не только собственно-лингвистического, но и экстралингвистического характера. С каждым переводом современный читатель должен все глубже ощущать себя в окружении древних своих собратьев, где довольно зримы и осязаемы все элементы их жизни. Иначе говоря, переводчик фольклора в определенной степени подобен автору исторического жанра, главная задача которого – воссоздание исторически правдоподобных событий и исторически обоснованной жизни народно-поэтического героя. В этом плане мифология Древней Греции очень значительна. Она давала мировой культуре бесценные образцы, которые характеризуются специфическими особенностями. Если греки и в самом деле не давали слишком большого простора самым фантастическим темам народной сказки, то этому должно быть дано иное объяснение, нежели врожденный национализм. Самым ранним и большим собранием мифов, известным грекам исторического периода, были гомеровские поэмы, основной темой которых были деяния и страдания смертного человека. Дедал – «хитроумный художник» – сооружает Кносский лабиринт, чтобы держать в нем чудовище. У Гомера говорится, что Дедал сооружил в Кноссе место для танцев царской дочери Ариадны. В более точных источниках царская дочь помогает греческому герою Тесею убить Минотавра и выбраться из лабиринта вместе с остальными юношами и девушками – ежегодной данью Миносу от Афию. При этом Тесей воспользовался нитью, которую он

разматывал, входя в лабиринт. Сам Дедал бежал от Миноса, сделав крылья из перьев и воска. Он и его сын Икар полетели в Сицилию, но Икара постигла судьба ученика чародея: он взлетел слишком высоко, близко к солнцу; воск растаял, Икар упал в море. Минос преследовал Дедала в Сицилии, но был убит местными жителями.

Допущенная на первый взгляд незначительная неточность в азербайджанском переводе этого мифа противоречит идейному замыслу текста. Обратим внимание на самый трагический эпизод мифа, где, обернувшись назад, Дедал видит гибель своего сына: «Увидал Дедал на морских волнах перья из крыльев Икара и понял, что случилось. Как возненавидел Дедал свое искусство, как возненавидел тот день, когда задумал спастись с Крита воздушным путем!» [1. С.234). Сравни: “Dedal İkarın qanadlarının lələklərini dənizin qoynunda gördü və nə baş verdiyini anladı. Öz sənətinə qarşı Dedalda bir nifrət oyandı, Kritdən uçmaqla azad olmaq fikrinə düşdüyü günə elə nifrət elədı ki, gəl görəsən!”[1. C. 93].

Как видно, выражение “gəl görəsən”(«что даже ему не снилось») явно не вписывается в трагический контекст. Оно в азербайджанском языке обычно употребляется как восклицание в грандиозных или радостных событиях. Можно было бы перевести, например, так: “Dedal öz sənətinə nifrət elədi, o nifrət elədi Kritdən uçuşla azad olmaq fikrinə düşdü yenə!” Но есть и другой вариант перевода, который, на наш взгляд, без лишней риторики создает доступный для коммуникативного восприятия текст: “Dedal dənizə baxdı və İkarın qanadlarından qopan lələkləri görüb nə baş verdiyini anladı. Dedal öz peşəsinə, uçub Kritdən qurtulmaq istədiyi günə lənətlər yağdırdı” [1. C. 215].

В первом варианте мы видим «подстраивание» текста под стиль оригинала, во втором – стиль перевода предназначен для азербайджанского читателя. Кроме того, словосочетания “öz peşəsinə” («свое искусство») звучит вернее, чем “öz sənətinə”, а “uçub qurtulmaq” («спастись воздушным путем») – “uçuşla azad olmaq”.

Литература

1. *Kun, N.A.* Qədim Yunanıstan mifləri və əfsanələri / N.A.Kun.-Bakı: Kitab Aləmi, 2008.

Т.Н. Оноприенко

(Житомир, Украина)

ОККАЗИОНАЛЬНО-АССОЦИАТИВНЫЕ ЭПИТЕТЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена эпитету как системообразующему центру тропики. Эпитеты разделяются на два основных класса – узуально-ассоциативные и окказионально-ассоциативные. Особый интерес вызывают окказионально-ассоциативные эпитеты – гибридные образования, возникающие в результате пересечения поля эпитетов с полями иных тропов – метафоры, метонимии, оксюморона и т. д.

Ключевые слова: тропика, троп, эпитет, функциональное поле, узуально-ассоциативные эпитеты, окказионально-ассоциативные эпитеты.

The article is devoted to epithet as the system-forming centre of tropology. Epithets are divided into two main types – usually-associated and occasionally-associated. The latter are hybrid structures which are formed due to intersection of the field of epithet with the fields of other tropes – metaphor, metonymy, oxymoron, etc.

Key words: tropology, trope, epithet, functional field, usually-associated epithets, occasionally-associated epithets.

В последнее время ощущается некоторый спад интереса к исследованию разновидностей эпитета и их стилистических функций. По всей вероятности, этому способствует нечёткое уяснение статуса эпитета как тропа, смешение его с любым определением в синтаксисе и с прилагательным в морфологии, ограниченное понимание эпитета как метафорического прилагательного [3. С. 359]. Существуют значительные расхождения в количестве семантических и структурных классов эпитетов, часто нарушается их однородность [1; 5; 6; 7], не учитывается тот бесспорный факт, что в системе тропики поле эпитета пересекается также с полями и других тропов.

В этой связи определение функции эпитета как системообразующего центра тропики, классификация его семантических и структурных типов могут считаться нерешёнными актуальными проблемами современной стилистики. Эти проблемы ведут к возникновению сложностей определения семантических

особенностей разновидностей эпитета, окказионально-ассоциативных эпитетов в частности, которые являются предметом нашего исследования.

Исходя из системного подхода к тропике, совокупность тропов и место, занимаемое среди них эпитетом, можно представить в виде трёх функциональных полей: уподобления, смежности, противоположности. Эпитет является системообразующим центром тропики, так как в него могут трансформироваться или сводиться в него все другие тропы. Отдельные поля тропики пересекаются, в результате чего образуются «тропы-гибриды»:

1) иронический эпитет (a bright idea /о глупой мысли/; an innocent crush);

2) оксюморонный эпитет (a tiny skyscraper, ugly beauty);

3) литотный/гиперболический эпитет (a microscopic bedroom, a huge wife);

4) компаративный эпитет (button-like eyes, a hawk-faced man);

5) метафорический эпитет (a threatening cloud, the voiceless dessert);

6) перифразный эпитет (a green friend (лес), a silver screen (телевидение));

7) метонимический эпитет (kind fingers, slavish knees);

8) литотное/гиперболическое сравнение (her eyes are like a bottomless abyss; her eyes were like tiny beads);

9) безмодульное сравнение (метафора-сравнение) (her eyes are ripe plums; you are a beautiful shell);

10) метафора-перифраза (the rhinoceri and tigers of high life).

Существует множество семантических классификаций эпитетов, значительно отличающихся по своему составу и принципам, положенным в их основу. В них заметно прослеживается тенденция к разделению эпитетов на две основные категории. К первой категории относят узуальные (привычные, традиционные) эпитеты, ко второй – неузуальные, окказиональные. И.Р. Гальперин [2] и Л.А. Турсунова [7] обозначают эти категории терминами «ассоциативные» и «неассоциативные» эпитеты. Однако второй термин представляется неудачным, так как неассоциативных эпитетов, на наш взгляд, вообще не существует. Любой эпитет возникает на базе какой-либо ассоциации. Иное дело, не смешивать два вида различных по своему характеру ассоциаций.

Узуальные (привычные) ассоциации лежат в основе эпитетов, принадлежащих к первой категории, и поэтому сами эти эпитеты также воспринимаются в качестве привычных. Неузуальные, часто уникальные семантические ассоциации составляют основу эпитетов второй категории. Именно поэтому такие эпитеты не воспринимаются в качестве «готовых» (ready-made) единиц, и употребление их носит окказиональный характер. В этой связи мы предлагаем использовать термины **узуально-ассоциативные** и **окказионально-ассоциативные** эпитеты.

Учитывая положительные стороны уже существующих классификаций и внося в них необходимые, на наш взгляд, изменения и уточнения, мы предлагаем следующую семантическую классификацию эпитетов современного английского языка:

I. Узуально-ассоциативные эпитеты: 1) постоянные, 2) описательно-оценочные.

II. Окказионально-ассоциативные эпитеты:

A. Поле подобия: 1) компаративные, 2) метафорические, 3) литотные/ гиперболические.

B. Поле смежности: 1) метонимические, 2) перифразные.

C. Поле противоположности: 1) иронические, 2) оксюморонные.

Данная классификация позволяет определить статус окказионально-ассоциативных эпитетов и выделить их отличительные особенности. Как уже отмечалось выше, эпитеты этой категории являются «гибридами», возникающими в результате пересечения поля эпитета с полями иных тропов.

Поскольку объём данной статьи не позволяет охарактеризовать каждый из представленных в классификации видов окказионально-ассоциативных эпитетов, остановимся более подробно на метафорическом и компаративном эпитетах, которые часто смешиваются.

Метафора представляет собой компаративный троп, в котором лишь одно из сопоставляемых имён (чаще всего – субъект) выражено эксплицитно, а второе (объект) – имплицитно. Исходя из этого категориального признака,

только эпитетные конфигурации с имплицитным объектом сравнения (N_2) (amiable breeze < the breeze (N_1) is amiable like? (N_2)) следует относить к **метафорическим эпитетам**. Субъекты и объекты метафорического эпитета, как правило, семантически гетерогенны:

- **субъект - N th. - имплицитный объект - N lb.:** *Seeing the old men on the seat he waved his stick with an amazing gaiety at them. It was like the brandishing of* ***a youthful sword*** *(H.B. Bates).*

- **субъект - N nat. - имплицитный объект - N lb.:** *He continued to lean against the doorpost in the full blaze of* ***the stark, almost gritty sunlight*** (A. *Coppard).*

- **субъект - N ab. - имплицитный объект - N th.:** ***Silence*** *enfolded the bar,* ***frigid*** *and* ***palpable*** *(I.Shaw).*

Сравнение, в отличие от метафоры, является тропом уподобления, в котором как субъект сравнения (N_1), так и его объект (N_2) обязательно выражены эксплицитно. Следовательно, любую эпитетную конфигурацию с эксплицитными N_1 и N_2 следует относить к **компаративным эпитетам** (comparative epithets): a bird-like girl ® the girl (N_1) is like a bird (N_2); a banana nose ® the nose (N_1) is like a banana (N_2); bow legs ® the legs (N_1) that resemble a bow (N_2); his sausage finger ® his finger (N_1) is like a sausage (N_2); a rabbit of a woman ® the woman (N_1) is (resembles) a rabbit (N_2).

Существуют два подкласса компаративных эпитетов: **прямой** (direct) и **косвенный** (indirect). Различие между ними выступает достаточно четко в следующем примере: *She had long* ***ape-like arms*** *that were covered with dark fuzz, and there was a wart on her chin, and decorating this wart was a single* ***antenna-like hair*** *(T. Capote).*

Эпитетная конфигурация antenna-like hair может быть трансформирована в обычную компаративную конструкцию: the hair (N_1) was like an antenna (N_2). Это – прямой компаративный эпитет. Однако невозможно трансформировать эпитетную конфигурацию ape-like arms в конструкцию *the arms were like an ape. Следовательно, это – косвенный компаративный эпитет, и субъект сравнения (N_1) находится **за пределами** эпитетной конфигурации: She (N_1) was

like an ape (N_2). В этом случае arms следует рассматривать в качестве модуля (основания) сравнения [4. С. 74-76].

Как видно из вышеизложенного, окказионально-ассоциативные эпитеты достаточно чётко разделяются на семь семантических классов, в ряде случаев с подразделением на подклассы (например, прямой и косвенный компаративные эпитеты, синекдохический эпитет как разновидность метонимического).

Актуальность изучения тропики как системно-структурного образования и ее системообразующего центра – эпитета – предопределяет перспективы дальнейших исследований в этой области стилистики. Заслуживают детального изучения структурные модели окказионально-ассоциативных эпитетов, а также взаимосвязь между структурами моделей и семантикой сложных окказионально-ассоциативных эпитетов.

Литература

1. *Ивашкин, М.П., Сдобников, В.В., Селяев, А.В.* Практикум по стилистике английского языка. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005.
2. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
3. *Квятковский, А.П.* Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.
4. *Сасіна, В.П.* Компаративні і метафоричні епітети // Мовознавство. – №2. – 1981. – С.74 – 77.
5. *Скребнев, Ю.М.* Основы стилистики английского языка. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2000.
6. *Томашевский, Б.В.* Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1999.
7. *Турсунова, Л.А.* Структурные типы и стилистические функции эпитета в языке художественной литературы: Дис.... канд. филол. наук. – М., 1978.

С. С. Пилецкая

(Гродно, Беларусь)

УРБАНОНИМЫ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА

В статье описаны урбанонимы города Гродно с учетом официальных и узуальных практик их применения.

Ключевые слова: урбаноним, типы урбанонимов, официальные названия, узуальные названия.

The article describes urbanonyms of Grodno with the account taken of the official and usual practices of their application.

Key words: urbanonym, urbanonym types, official names, usual names.

Образ каждого города уникален, так же неповторим и индивидуален его именной пласт, представляющий своеобразную летопись народа. Каждый день мы встречаемся с названиями улиц, площадей, парков, магазинов, предприятий и других внутригородских объектов, которые представляют собой систему урбанонимов. Известно, что каждое из таких названий имеет устойчивое, стандартизированное, оформленное правилами литературного языка имя. В свою очередь, многие из них имеют узуальные, неофициальные, названия, которые активно употребляются в современной речи городских жителей. Мы попытались собрать и систематизировать урбанонимы города Гродно.

Существуют разные методы сбора языкового материала. Можно, например, выписывать какие-либо грамматические формы или группу лексики определенного значения из художественных, рекламных или публицистических текстов; записывать фрагменты живой разговорной речи (вручную или с помощью технических средств), в том числе и собственной (самозапись); проводить направленный опрос респондентов по аналогии со сбором социолингвистических данных [1].

Источником нашего исследования стали исключительно записи устной городской речи. Мы осознанно отказались от письменных текстов (архивные и литературные тексты), так как своей задачей видели создание фрагмента живой русской речи молодых гродненцев.

Нашими информантами были студенты Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и других вузов города, ученики школ, коллеги, молодые люди от 15 до 30 лет, которые выступают носителями молодежного сленга. Им предлагалось заполнить анкету, содержащую несколько вопросов (пол, возраст, социальный статус). Каждая анкета начиналась с определения урбанонима и примеров, чтобы опрашиваемым было легче сориентироваться.

В век компьютерных технологий мы не смогли отказаться и от технического сбора материала. Для этого мы обратились к «Гродненскому Форуму» [2], где была создана тема по сбору урбанонимов. Форумчане с большой заинтересованностью принимали активное участие в опросе. Хотя здесь мы столкнулись с небольшой сложностью, поскольку это виртуальный мир, мы не всегда могли достаточно точно и достоверно установить пол, возраст и тем более социальный статус участников.

Однако наши наблюдения показали, что некоторые слова и словосочетания используются и за пределами указанной выше возрастной группы: мы отмечали отдельные примеры в устной речи и младших школьников, и людей среднего и старшего возраста. Разумеется, нам пришлось отсеивать явные элементы просторечия и бранную лексику.

Анализ фактического материала, собранного в Гродно, показывает, что урбанонимы целесообразно систематизировать по типу называемых объектов, выделяя отдельно официальные и узуальные названия. При этом был выявлен интересный факт, связанный с использованием в узусе прежних официальных названий городских объектов, которые изменили свое назначение. Несмотря на переименование или уничтожение объекта, горожане долгое время продолжают использовать старые, привычные названия. Например, несмотря на то, что на месте некогда существовавшего ресторана «*Зубр*» давно находится корпус университета, прежнее название продолжает использоваться до сих пор. Или, например, существующий сейчас ресторан «*Золотой теленок*» называют прежним именем «*Красная шапочка*» (ранее в здании находилось детское кафе с таким названием) и т. д.

Значительный пласт урбанонимов составляют названия микрорайонов. Например, *Вишневец* (официальное) – *Вишня* (узуальное), *Палестына* (узуальное) – частный сектор возле ОАО «Гродно Химволокно», *Шанхай* (узуальное) – район за Скидельским рынком.

Многие урбанонимы мотивированы особенностями вида именуемых объектов. Например, длинный дом из красного кирпича на площади

Декабристов называют «*Китайская стена*», несколько домов по проспекту Клецкова называют «*Пентагон*» (сверху их вид напоминает данное строение), дома на улице Поповича, крытые синей черепицей, так и называют «*Синие крыши*», по аналогии Гродненский областной психоневрологический диспансер получил название «*Зеленые крыши*».

Неофициальные названия часто имеют учебные заведения города Гродно. Например, *Янки* (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы), *Мед* (Гродненский государственный медицинский университет), *Агра́рвард* (Гродненский государственный аграрный университет), Кулек (Гродненский государственный колледж искусств) и др.

Отметим, что представленные выше онимы – это узуальные, достаточно широко употребляемые в бытовой устной речи названия. Их необходимо учитывать при изучении языка города, не ограничиваясь литературной формой языка, которая представляет собой явление внетерриториальное.

Литература

1. *Абрамова, С.В.* Использование лингвистических методов исследования в учебно-исследовательской работе / С.В. Абрамова // Русский язык [Электронный ресурс]. – 2006. – №22. – Режим доступа: http://rus.1september.ru/article.php?ID=200602201. – Дата доступа: 27.02.2012.

2. http://forum.grodno.net

И.Ю. Самойлова, Е.С. Космовская

(*Гродно, Беларусь*)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ ПРИ НОМИНАЦИИ ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ

В статье рассматривается проблема использования ресурсов различных языков в системе наименований городских объектов городов Беларуси. Показано, что большинство этих наименований русскоязычного происхождения. В ряде случаев использованы ресурсы иностранных языков. Белорусскоязычные названия используются довольно редко. Не выявлено сколько-нибудь существенного влияния польского и литовского языков как языков соседних государств.

Ключевые слова: взаимодействие языков, креолизация речи, прагматонимы, вторичная номинация, гибридизация.

The article is devoted to the problem of interaction of languages in the nominative system of the names of urban objects in the cities of Belarus. It is shown that the majority of names are of the Russian origin and in some cases the resources of foreign languages are used. Though the names of the Belarusian origin are rare the influence of the Belarusian language is felt. Neither the influence of the Polish and Lithuanian languages is found, nor of the languages of the neighbouring states.

Key words: interaction of languages, creolization of speech, pragmatonyms, secondary nomination, hybridization.

Процесс глобализации находит отражение в лингвистике. Активизация межкультурных контактов способствует взаимодействию языков, «сдвигу кодов», повсеместной креолизации речи. Межкультурные контакты способствуют также «открытиям», связанным с познанием ранее «закрытых» культур, что существенно увеличивает потребность в новых номинативных единицах. Речь идет не столько о новых реалиях, которые зачастую заимствуются одновременно с названиями, сколько об эмоциях и оценках, свойственных языковой личности. Именно они все чаще становятся одной из форм отражения и интерпретации действительности. Вот почему создание словесного знака как имени «становится фактом психологии и социально-духовной жизни человека, в результате теория номинации сталкивается с непрогнозируемыми по своей природе процессами» [1]. Показательным при этом становится распространение вторичных номинаций. Широко распространенной разновидностью подобных номинаций являются названия, представленные, например, на городских улицах.

В центре нашего внимания оказались названия объектов общественного питания двух белорусских городов – столицы и западного Гродно, который с давних времен выделяется среди других городов Беларуси своим особым обликом, обусловленным, главным образом, его географическим положением. И в наши дни в полутора и трех десятках километров от Гродно пролегают государственные границы Республики Беларусь соответственно с Польской и Литовской Республиками.

В ходе анализа выяснилось, что наименования объектов общественного питания Минска и Гродно представлены на шести европейских языках: русском, белорусском, французском, английском, итальянском, испанском.

Самую многочисленную группу составили русскоязычные наименования объектов (74% от всего количества проанализированных названий): *Абрикос, Ребус, Алмаз, Кекс, Фрески, Корсар, Игра, Неаполь, Березка, Побережье, Гараж* и др., что объясняется исключительным статусом русского языка в республике (большинство граждан страны в качестве первого языка усваивают русский, на нем же обычно общаются).

Меньшую группу составляют наименования объектов общественного питания**,** представленные на белорусском языке (6 % от всего количества проанализированных названий): *Пачастунак, Калі ласка, Свята, Каханая, Маентак, У сяброў, У Янкі, У Гаспадыні* и др.

Необходимо отметить, что белорусскоязычные наименования объектов чаще встречаются в Минске, что, на наш взгляд, объясняется не столько официальным статусом города, сколько стремлением к расширению использования родного языка.

Группу наименований, состоящих из иностранных слов или содержащих иноязычный компонент, составляют 20% от всего количества проанализированных наименований: *BarBerry, Beatles, Doodah King, Chocoland, Pizza Peperoni, Brutto, Terra Pizza, Limoncello Trattoria, Roma, Rosso, O Sole Mio, Boulevard, L'orange, La Crete d'or, Casa Agustin Lopez* и др.

В номинациях данной группы преобладают англоязычные наименования (24%): *BarBerry, Beatles, Love café, Pub Club Mix, Double Coffe, Coffe Inn, Chill Out, Graf Café, Sky House.*

При этом обращают на себя внимание факты креолизации – смешения кодов (*ЧайCoFFский, У Ратуши 0,5, Алекс'с, 360/HORECA*) и использования в наименованиях практической транскрипции иностранных слов. Нами выделено несколько групп таких номинаций:

- сочетание элементов разных языков, в основном кириллицы и латиницы: *ЧайCoFFский, Vip караоке Фасоля, Ковбой J.B., Рандеву Le Rose, Graffin;* транслитерация иноязычного слова кириллицей: *Амато кофе, Квартал Сити, Лобби-бар, Эль-помидоро, Ассорти шашлычная драйв* и др.;
- транслитерация русского слова латиницей: *Parkovka-кафе;*
- сочетанием элементов нескольких знаковых систем: *Раз-2, 360/HORECA, Vip караоке Фасоля, Пицца & кофе* и др.

Вероятно, это является свидетельством, с одной стороны, стремления придать особый колорит, следовать модным тенденциям использования иноязычной лексики в названиях, а, с другой стороны, желание облегчить запоминание и понимание данной номинации.

Безусловно, в стране, где два государственных языка (русский и белорусский), наибольшее влияние в русскоязычных номинациях наблюдается со стороны белорусского языка. В ряде номинаций лексические единицы двух языков переплетаются. Данный факт зафиксирован в системе номинаций (как первичных, так и вторичных) объектов общественного питания обоих городов. К примеру, в наименованиях *Раковский бровар, Минский бровар* (русские слова *раковский, минский* употребляются в сочетании с белорусским *бровар (рус. пивоварня),* при этом сохраняется белорусская орфография второго компонента; *Черный бусел (*русское слово *черный* употребляется в сочетании с белорусским *бусел (рус. аист)).*

В системе наименований предприятий общественного питания прослеживается влияние литовского языка, например, «*Леонидас*», «*Ромио*с».

В результате наблюдений можно сделать вывод о том, что в названиях объектов общественного питания белорусских городов нашли свое отражение: 1) ситуация двуязычия в Республике Беларусь и фактическое преобладание русского языка над белорусским; 2) гибридизация, то есть смешение компонентов русского и белорусского языков, которое может рассматриваться как проявление «трасянки» на уровне искусственных номинаций, или отражение узуальных практик, характерных белорусскому нациолекту русского

языка; 3) широкое распространение и использование единиц иностранных языков, преимущественно английского.

Литература

1. *Телия, В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). – М., 1977.

Н.В. Сокольчик

(Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО МЕЖДОМЕТИЯ «OH!»

Данная статья посвящена анализу функционирования французского междометия *Oh!* в современных художественных текстах с целью выявления его эмотивных значений, которыми оно обладает в различных ситуациях общения, а также выделения основных средств дополнительной экспликации этих значений.

Ключевые слова: междометие, многозначность, эмоциональное состояние, эмотивное значение, говорящий, средства экспликации.

The article is devoted to the problem of polysemy of the French interjection *Oh*! in modern texts. The analysis is important to find out emotive meanings of the interjection depending on different communicative situations and to describe the essential means of representation of these meanings.

Keywords: interjections, polysemy, emotional state, emotive meaning, speaker, means of explication.

Долгое время междометия остаются в лингвистике спорной и неоднозначной частью речи, принадлежность которой к языку неоднократно подвергалась сомнениям. Современные лингвисты ставят целью доказать ее полноправный языковой статус, исследуя междометия в прагматическом, семиотическом, функциональном и интеракциоанальном ракурсах (Т.В. Белоус, Н.П. Болтнева, О.В. Каптюрова, Е.Ю. Кустова, С.Ю. Мамушкина, С.В. Параховская, Н.А. Хван, И.А. Шаронов и др.).

Онтологическая природа междометий заключается в их эмотивном

характере и индексальности, поэтому их следует квалифицировать как языковой знак, указывающий на текущее состояние говорящего [1. С. 615]. Академик В.В. Виноградов понимал междометия как субъективные речевые знаки, служащие «для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [2. С. 611] . Эту точку зрения поддержал и В.Г. Гак, предложивший объединить в этой части речи единицы, которые в нерасчлененном виде выражают реакции и волеизъявления говорящего и отображают явления внешнего мира [3. С. 458].

Исходя из положения о нерасчлененном отображении действительности, в статье предлагается анализ междометия *Oh!* как речевого знака, в котором основным дифференцирующим критерием его значения является указание на состояние говорящего субъекта в момент речи. Это свойство позволяет квалифицировать его и как знак системы, обладающий общим дейктическим значением (указание на говорящего в момент речи), и как речевой знак, приобретающий конкретное эмотивное значение в ситуации общения.

Одним из основных, наиболее часто используемых во французском языке является междометие *Oh!*, которое в соответствии со словарной дефиницией указывает на радостное удивление: – ***Oh!*** *s'exclama-t-elle, surprise.* (K. Pancol, «La valse lente des tortues», 2008, p.259); восхищение говорящего: – ***Oh!*** *Mais c'est formidable! s'extasia-t-il* <...>. (A. Gavalda, «Ensemble, c'est tout», 2004, p.513), а также усиливает любую другую эмоцию, выраженную в высказывании: – ***Oh!*** *M'man, je suis si contente.* (K. Pancol, «La valse lente des tortues», 2008, p. 420) [Petit Robert 2006, Dictionnaire Encarta 2005, TFLi]. Анализ современных художественных текстов показал, что это междометие способно выражать также самые разные эмоциональные состояния говорящего.

Для междометия специфичен нерасчлененный характер отображения действительности, то есть субъект и предикат в нем выражены синкретично – в одной форме самого междометия: – ***Oh!*** *J'ai honte...* (K. Pancol, «La valse lente des tortues», 2008, p. 89), где *Oh!* равноценно *J'ai honte*. В подобной ситуации

вектор эмоциональности направлен на самого субъекта речи, а междометие указывает на его эмоционально-психический настрой, который обусловлен внутренним состоянием – чувством стыда. Пропозиция предложения (субъект + предикат) эксплицируется благодаря развернутой синтаксической структуре, следующей за междометием, что и позволяет декодировать его эмотивное значение – стыдливость.

Однако междометие *Oh!* указывает не только на внутреннее состояние говорящего, но и является реакцией на субъект: – *Oh! fit-elle, cet enfant est impossible!* (H.Bazin «Vipère au poing», 1948, p. 22). Эмоциональное отношение к ребенку выражено дважды: 1) через семантические компоненты предложения: субъект (*cet enfant*) и предикат (*impossible*), которые оформлены на синтаксическом уровне подлежащим и составным именным сказуемым, то есть представлены в высказывании расчлененно; 2) междометием *Oh!*, в котором субъект и предикат представлены нерасчлененно. Междометие выражает то же отрицательное отношение говорящего, которое передается восклицательным высказыванием: *cet enfant est impossible!*.

В диалоге персонаж Ифижини (консьержка) дважды выражает свое отрицательное отношение к Мадам Бассоньер (владелице дома) при помощи междометия *Oh!* и последующих высказываний:

– *Va falloir tout bien ranger pour que la Bassonnière ne se plaigne pas!*

– ***Oh!*** *Celle-là, qu'elle reste où elle est! Elle est trop méchante! ...*

– *Iphigénie! Ne dites pas ça! Vous allez lui porter malheur!*

– ***Oh!*** *Elle est robuste comme un cafard...* (K. Pancol, «La valse lente des tortues», 2008, p. 438).

Сравнительная конструкция дополняет эмотивное значение междометия (злоба, негодование) оценочным значением. Оценочное значение в высказывании *Elle est trop méchante!*, выраженное прилагательным отрицательной семантики *méchante (злая*), усиливается междометием. Таким образом, одной из функций междометия *Oh!* в речи является выражение оценочного значения.

Для декодирования большинства многозначных междометий, в том числе и *Oh!*, необходима дополнительная экспликация, как было указано выше. Однако не всегда последующее предложение (перифраза) полностью раскрывает конкретное значение междометия, например: – ***Oh!*** *Je n'ai pas peur!* (K. Pancol, «La valse lente des tortues», 2008, p. 371) – в данном высказывании междометие, с одной стороны, соответствует значению отсутствия страха, а с другой – выражает презрение говорящего к угрозе собеседника, выраженной в предыдущей реплике: <…> *si vous n'étiez une femme, on irait s'expliquer! – не будь вы женщиной, я бы с вами разобрался!*. Исходя из этого следует, что для определения эмотивного значения междометия *Oh!* необходимо учитывать не только прямые средства его экспликации (в дополнительном предложении), но и косвенные – конкретную ситуацию общения.

В связи с этим следует проанализировать случаи употребления междометия *Oh!* в ситуациях, где единственным средством экспликации его эмотивного значения является ситуация:

*«**Oh!** fit tante Thérèse,*

– Vous dites, ma chère amie? s'enquit madame notre mère. Nul ne broncha. Bien entendu, nous sanglotions. (H.Bazin «Vipère au poing», 1948, p. 30) – междометие представляет собой реакцию персонажа на то, что мать, выходя из поезда, толкнула своих детей, подбежавших к ней с радостью после долгой разлуки, с такой силой, что они упали прямо на перрон и расплакались. Строгость матери и ее злобный нрав повлиял на то, что никто из взрослых не смог возразить ей. В данной ситуации для говорящего оказывается достаточным употребление междометия, чтобы передать свое эмоциональное состояние – негодование и неодобрение поступком. Отсутствие прямых эксплицитных средств компенсируется семантико-синтаксическими средствами описания ситуации.

В случаях употребления междометия *Oh!* без дополнительных средств экспликации его важной особенностью становится способность совмещать несколько значений в одной форме, а также их диффузность – трудность

отграничения одного значения от другого в конкретной ситуации общения:

– Bruno! Tu oses prétendre que je suis pas une fille bien?

– Non, tu n'es pas une fille bien!

– Oh!

La colère la suffoquait, en même temps que le chagrin et l'incompréhension. (Ch.Exbrayat, «La honte de la famille», 1964, p. 71). Девушка реагирует на свою отрицательную характеристику, произнесенную ее женихом, употребляя междометие *Oh!*, которое в данной ситуации имеет эмотивное значение гнева, злобы, обиды и разочарования.

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу о том, что междометие является особой речевой единицей, указывающей на эмоциональное состояние говорящего в момент речи, которое вызвано субъективными переживаниями, субъектом (объектом) или ситуацией в целом. Для уточнения конкретного эмотивного значения междометия используются прямые средства экспликации в виде перифраз – предложений с развернутым субъектно-предикатным содержанием, следующих за междометием, а также косвенные – ситуация в целом.

Важным положением является тезис о том, что интерпретация первичных многозначных междометий, в том числе и *Oh!*, невозможна вне контекста: междометие, будучи, в первую очередь, речевой единицей, свое значение реализует в полной мере в конкретной ситуации общения. Анализ современных французских текстов подтвердил тезис о вариативности значений и синкретичности (диффузности) междометия *Oh!*.

Литература

1. *Вежбицкая, А*. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999.

2. *Виноградов, В.В*. Русский язык: грамматическое учение о слове / под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001.

3. *Гак, В.Г*. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.

И.В. Шитикова

(Минск, Беларусь)

О СТАТУСЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В КОММУНИКАТИВНОМ ПЛАНЕ ЯЗЫКА

Наше исследование посвящено явлению синтаксического параллелизма как семантико-структурному единству, обладающему особым экспрессивно стилистическим потенциалом в текстообразовании и своим статусом в коммуникативном плане языка. Задача данного рассмотрения этого явления заключается в раскрытии характерных черт его внешнего структурирования и функций во внутренней организации определенных участков текста, несущих интенционально значимую информацию как составную часть общего содержания текста.

Ключевые слова: синтаксический параллелизм, экспрессивный синтаксис, семантико-структурное единство, текстообразование.

The article is devoted to the phenomenon of syntactic parallelism as a semantic and structural integrity possessing specific expressive stylistic potential in text formation and its own status in the communicative aspect of a language. The aim of this research is to reveal the characteristic features of syntactic parallelism in external structuring and its functions in internal organization of text sections that carry intentionally important information as a component of the general contents of the text.

Keywords: syntactic parallelism, expressive syntax, semantic and structural integrity, text formation.

Функционально-коммуникативное направление лингвистики привлекает все большее внимание исследователей. Связано это с общим повышением интереса лингвистической науки к осуществлению коммуникации на основе языка. Появление лингвистики текста, прагмалингвистики, дискурсивного подхода активизировало новые проблемные аспекты в языковых, в том числе стилистических исследованиях. Это касается, в частности, области экспрессивного синтаксиса, который охватывает структуры, способные привносить в сообщение дополнительную актуальную информацию, непосредственно влияющую на прагматическую ценность сообщаемого содержания.

Синтаксические явления, отличающиеся особой экспрессивностью и, тем самым, особой стилистической значимостью, создают повышенную речевую выразительность. Они традиционно трактовались в ракурсе экспрессивного синтаксиса и именовались стилистическими фигурами. Исследования последних лет нередко отражают попытку осмыслить на материале различных языков такого рода синтаксико-стилистические явления по создаваемому ими прагматическому ресурсу в передаче информации. Существуют и работы, посвященные исследованию синтаксического параллелизма, его особой роли в организации тех или иных фрагментов сообщаемого содержания.

В свете существующих трактовок статус синтаксического параллелизма определяется по-разному. Например, Э.М. Береговская выделяет среди синтаксических структур экспрессивного синтаксиса фигуры расподобления с одной стороны, и фигуры равновесия или уподобления, с другой стороны. Фигуры расподобления повышают экспрессивность фразы за счет нарочитого разрушения ее нормативной структуры и создания некой структурной хаотичности. А синтаксический параллелизм рассматривается в системе фигур равновесия и уподобления, то есть таких фигур, которые усиливают экспрессивность текста, подчеркивая его симметричность. Указывается при этом, что такие конструкции выступают как структурно обусловленные фигуры [2.С. 89].

В концепции И.В. Арнольд стилистические средства условно разделяются на изобразительные (парадигматические) и выразительные (синтагматические), а в связи с последними особо фиксируется, что они основаны на линейном расположении частей, с которым связан и их эффект. Синтаксический параллелизм как раз находится в их числе, и именно синтаксические построения, усиливающие экспрессивность, считаются выразительными фигурами речи или риторическими фигурами [1. С. 53].

Нельзя не отметить, что традиционно синтаксический параллелизм воспринимался как сугубо формальный прием индивидуального стиля, иначе говоря, не охватывался полный диапазон той функциональной нагрузки,

которую выполняет эта форма в выстраивании и передаче смысла. Поэтому представляется актуально значимым, опираясь на теоретические положения современной лингвистики, раскрыть коммуникативный характер этого явления и определить особенности его использования в текстобразовании.

В лингвистической литературе последних десятилетий синтаксический параллелизм определяется как одно из средств создания структуры и семантики текстов различной коммуникативно-речевой направленности. Традиционно его исследовали в рамках художественного текстообразования, тогда как современные лингвисты видят в нем универсальное средство с особой актуальностью и для других видов текстообразования, помимо художественного. В этой связи можно сослаться хотя бы на такие работы как «Экспрессивность синтаксиса публичных речей (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовленных выступлениях деятелей ФКП)» И.А. Пуленко [3], «Синтаксический параллелизм в языке немецкой художественной публицистики» Г.Н. Черваковой [4] и др.

Языковые явления, коммуникативный потенциал которых интересует современную лингвистику, традиционно описывались как факты разных уровней языкового строя, и синтаксический параллелизм с этой точки зрения особенно интересен. Он объединяет в себе синтаксический, лексико-семантический, стилистический уровни как главные, но также и морфологический, отдельно уровень словообразования, которые, не являясь главными, могут выступать характерной чертой структурирования данного явления.

Таким образом, представленные в лингвистической литературе подходы к проблеме синтаксического параллелизма дают основание сформулировать то обобщающее положение, что на данном этапе не существует общепринятого определения статуса синтаксического параллелизма, основанного на критериях его речекоммуникативной реализации.

В связи с вышеизложенным представляется правомерным сделать вывод о том, что рассматриваемое явление как предмет специального исследования

требует соответствующей дефиниции, которая должна пониматься как его рабочее определение: синтаксический параллелизм – это семантико-структурное единство, состоящее из компонентов, которые характеризуются синтаксической тождественностью и логико-смысловой общностью в рамках коммуникативного целого – высказывания, микротекста и даже текста. Оно способно придавать текстоформированию как логическую стройность, так и экспрессивность вследствие особой формальной выделенности явления в развертывании воплощаемого содержания. Тем более что внутри синтаксического параллелизма способна актуализироваться целая палитра стилистико-смысловых нюансов.

Сегодня в изучении рассматриваемого явления достаточно явно определились два подхода: собственно структурный и структурно-семантический. Приверженцы структурного подхода считают, что для констатации синтаксического параллелизма достаточно лишь структурного соответствия смежных отрезков высказывания. Представители структурно-семантического подхода признают необходимым условием появления и функционирования синтаксического параллелизма, наряду со структурным соответствием, наличие семантических связей между отрезками высказывания. Правомерно полагать, что эти точки зрения не противоречат друг другу. Скорее они являются взаимодополняющими и, в конечном счете, исходят из структурно-семантического единства явления синтаксического параллелизма. Но в зависимости от конкретной текстовой реализации на первый план могут выходить то структурные, то семантические признаки явления, хотя только по результату их взаимосвязи формируется смысловой комплекс, входящий составной частью в общее содержание текста. Это и означает статус синтаксического параллелизма как явления коммуникативного плана языка.

Согласно этому статусу, описание параллельных конструкций должно осуществляться исходя из неразрывного единства в коммуникативном использовании их структурных и семантических свойств.

Такой подход отвечает на уровне общей теории наличию в языке как плана выражения, так и плана содержания, что и диктует необходимость соотнесения структурных схем с той семантикой, которую они выражают в речевых контекстах и для которой создаются.

В функциональной лингвистике, в том числе и в стилистике, уже давно утвердилось мнение, что составляющими категории экспрессивности являются эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность. Примечательно же то, что все они соединяются в синтаксическом параллелизме, хотя количественно и качественно по-разному предстают в различных стилевых, жанровых и индивидуально-авторских контекстах. Эта сторона рассматриваемого явления еще ждет своих исследований.

Все вышеизложенное подтверждает, что по своей сути синтаксический параллелизм есть многоликое явление экспрессивного синтаксиса, которое представляет собой слитное целое двух планов – структуры и смысла. Данная констатация образует ядро теоретической концепции исследования синтаксического параллелизма как способа организации текста.

Литература

1. *Арнольд, И.В.* Стилистика современного английского языка. – 2-е изд., перераб. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1981.

2. *Береговская, Э.М.* Экспрессивный синтаксис. – Смоленск: СГПИ, 1984.

3. *Пуленко, И.А.* Экспрессивность синтаксиса публичных речей: (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовленных выступлениях деятелей ФКП): дис. … канд. филол. наук: 10.02.05. – Одесса, 1988.

4. *Червакова, Г.Н.* Синтаксический параллелизм в языке немецкой художественной публицистики: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1977.

Е.Г. Штырлина

(Казань, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА «ПОРА» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И. БРОДСКОГО

Наше исследование посвящено изучению особенностей семантического наполнения слова *пора* в поэтическом языке И. Бродского. Определена специфика функционирования и репрезентации данной временной лексемы в произведениях поэта.

Ключевые слова: пора, И. Бродский

The paper investigates the characteristics of the semantic content of the word *time* (пора) in the poetic language of J. Brodsky. The specific character of the functioning and representation of this temporal lexeme in the works of the poet was determined.

Key words: time, J. Brodsky

Согласно данным лексикографических источников, слово *пора* в русском языковом сознании обладает несколькими значениями, которые выделяются в зависимости от типа употребления данной лексемы. В номинативном типе (в значении существительного) *пора* называет время, период, часть суток, время года или погоду, а в предикативном, используясь с инфинитивом, – указывает на наступление определенного срока [2, 5, 6]. Семантическое различие между двумя приведенными вариантами употребления состоит в том, что в первом случае *пора* описывает какой-либо период, занятый действием, тогда как во втором – обозначает только момент, когда действие должно быть осуществлено [8. С. 142].

Специфичность лексемы *пора* отмечается с точки зрения экспрессивно-коннотационного аспекта: слово *пора* несёт большую эмоциональную нагрузку, придающую окружающему контексту особую поэтическую окраску, которая оттеняет стилистическую нейтральность лексемы *время*. Такое стилистическое различие между словами связывается с этимологией лексемы *пора*, первоначально называющей удачное, счастливое, урожайное время [4. С. 18].

По мнению Е.С. Яковлевой, слово *пора* обладает особой временной семантикой, поскольку называет фазу «космологического цикла», который

многократно реализуется в природе и жизни людей и воспринимается как нечто закономерное и объективное, в отличие от *времени*, которое мыслится как линейное и неповторимое [8. С. 144, 148, 149]: *«А что у нас за окнами?» «Февраль. / Пора метелей, спячки и доносов»* [1] или *…Лето! пора зубрежки / к экзаменам формул, орла и решки…*[1]. В приведенном значении темпоральная лексема прежде всего выступает в составе конструкции *пора + сущ. род. п.*, характеризующей тот или иной временной период. В указанных примерах *пора* связывается с природными реалиями, а слова, определяющие ее, являются своеобразными конкретизаторами того или иного времени года: *Лето! пора рубах на выпуск, / разговоров про ядовитость / грибов, о поганках, о белых пятнах / мухоморов, полемики об опятах / и сморчках…*[1]. Кроме того, лексема *пора* может называть и часть суток, тогда она употребляется в текстах И. Бродского в адъективно-именных сочетаниях, обозначающих время дня: *Люблю тебя, рассветная пора, / и облаков стремительную рваность / над непокорной влажной головой, / и молчаливость окон над Невой* [1] или *Была почти полночная пора. / Все лампы, фонари – сюда сбежались* [1]. *Пора* в значении «время дня» часто используется в предложениях в творительном падеже и «описывает естественно-природный фон, на котором происходит действие», в результате чего соответствующее временное «обрамление» дается как редуцированный зрительный образ [8. С. 156]: *Мы попрощались. Мелко семеня, / он уходил вечернею порою* [1] или *Нельзя мне более. В романе / не я, а город мой герой,/ так человек в зеркальной раме / стоит вечернею порой / и оправляет ворот смятый* [1].

Лексема *пора* в поэтических текстах И. Бродского способна обозначать погоду, употребляясь с прилагательными, уточняющими температурное состояние среды: *В холодную пору, в местности, привычной скорей к жаре, / чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе, / младенец родился в пещере, чтоб мир спасти: / мело, как только в пустыне может зимой мести* [1]. Интересно отметить, что в значении «состояние атмосферы» слово *пора* используется писателем преимущественно в сочетании с адъективом *холодный:*

Сны в холодную пору длинней, подробней [1] или *Знать, в холодную пору, мертвые рощи, рта вам / не выбирать, и скажите спасибо нам, картавым!* [1]. Возможно, это обусловлено тем, что большая часть поэтических образов Бродского связана с зимним временем года, характеризующимся холодом, который в мировоззрении автора обладает особой функциональной нагруженностью и связывается с абстрактными категориями вечности и времени [3].

Пора в языке И. Бродского может осмысляться в качестве определенного жизненного этапа, который характеризуется поэтом с помощью эмоционально-оценочных слов: *Рой глубже и, как вырванное с мясом, / шей сердцу страх пред грустною порой, / пред смертным часом* [1]. В отличие от природного цикла, человеческая пора единична в отдельно взятой жизни, но закономерна для людского поколения в целом [8. С. 147-148], это время, повторяющееся «в виде формы, в которую облекаются индивидуальные судьбы и образы» [7. С. 32]: *Так чувствуешь все чаще в сентябре, / что все мы приближаемся к поре / безмерной одинокости души* [1] или*…всем нам свойственна пора, / когда различья делаются зря / для солнца, для звезды, для топора* [1].

Необходимо отметить, что у *поры* в текстах И. Бродского наблюдаются индивидуализирующие определители, связанные с культурно-историческим аспектом жизни того или иного времени, характеризующегося представлением о какой-либо известной личности: *Поэты пушкинской поры, / ребята светские, страдальцы…* [1]. Так, приведенный выше поэтический отрывок иллюстрирует рассказ автора о поэтах, относящихся ко времени жизни А.С. Пушкина: *Поэты пушкинской поры, / любимцы горестной столицы, / вот ваши светские дары, / ребята мертвые, счастливцы* [1]. С помощью тех или иных конкретизаторов автор способен описывать разновременные промежутки, указанием на которые служат имена знаменитых людей, живущих и творивших в тот или иной период времени.

Особенность слова *пора* заключается в том, что в нормативном употреблении оно согласуется только с глаголами движения с фазовым

значением, сочетание же с глаголами процессуального характера, по мнению исследователей, ему несвойственно из-за внутренней статичности [8. С. 151]: *Придет пора, и все мои следы / исчезнут, как развалины Атланты* [1] или *Пробил час, и пора настала / для брачных уз Труда – Капитала* [1]. Однако поэтический язык И. Бродского содержит ряд примеров, где интересующая нас лексема выступает в роли движущейся сущности, субстанции, способной к передвижению: *Но к нам идет жестокая пора, / идет пора безумного огня. / (О, стилизованный галоп коня, / и пена по блестящим стременам, / и всадник Апокалипсиса - к нам!) / Идет пора... Становится темней* [1].

В предикативном типе употребления слово *пора* используется в сочетании с инфинитивами или глаголами в личных и безличных вариантах и несет другую смысловую нагрузку, нежели в значении существительного: *Нам пора уходить. / Рассекает стекло / серебристая нить* [1] или *От башмаков и до воротника / глаза движенья стали учащать, / пора мне это было прекращать* [1]. В приведенных примерах *пора* указывает на наступление определенного срока, в момент которого необходимо осуществление действия, названного глагольной формой. При этом *пора* делает акцент «на воле обстоятельств и субъективном ощущении своевременности соответствующего действия» [8. С. 166]: *Да-да. Пора идти. Благодарю. / Да-да. Пора. И каждый понимает* [1]. В безглагольных конструкциях темпоральная лексема является своеобразным призывом к действию, которое требует незамедлительного выполнения: *Пора. Я готов начать. / Не важно, с чего. Открыть / рот. Я могу молчать. / Но лучше мне говорить* [1]. В таких случаях *пора* выражает внутреннюю необходимость действия, исполнение которого диктуется всем ходом событий, логикой вещей [8. С. 165]: *Тебя здесь больше нет, не будет боле, / пора и мне из этих мест в дорогу* [1]. На субъективное ощущение своевременности указывает и сочетание темпорального слова с частицей *бы*, выражающей дополнительное побуждение к действию*: Долго ищешь. Пора бы найти / хоть обломок "пилотского" кресла* [1]. В языке поэта частотна конструкция *давно пора + инфинитив*, указывающая на необходимость

выполнения действия, совершение которого должно было произойти намного раньше: *Давно пора благодарить судьбу / за зрелища, даруемые нам / не по часам, а иногда по дням, / а иногда – как мне – на месяца* [1].

Таким образом, лексема *пора* в поэтическом языке И. Бродского содержит в составе своей семантической структуры как основные номинативные обобщенные значения, так и индивидуализированные, сформированные авторским замыслом и генерируемые текстом, что свидетельствует о смысловой гетерогенности данной темпоральной единицы, воплощающей на страницах произведений поэта многообразие семантических оттенков и коннотативных компонентов значения.

Литература

1. *Бродский, И.А.* Стихотворения и поэмы
2. *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Режим доступа: URL: http://www.efremova.info/ (дата обращения 06.02.2012).
3. *Мельникова, Е.В.* Некоторые аспекты фрейма «тактильность» в сенсорной картине мира И.А. Бродского// Вестник Череповецкого государственного университета.2010.№4. – С.36-40.
4. *Мокиенко, В.М.* Загадки русской фразеологии. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005.
5. *Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ИТИ Технологии, 2006.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
7. *Успенский, Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья вторая // Труды по знаковым системам. Вып. 23. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1989. – С. 18-38.
8. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994.

РАЗДЕЛ IV. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОВ И ТЕРМИНОСИСТЕМ

Е.В. Кербер

(Омск, Россия)

КОНКУРЕНЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНОВ И ИСКОННЫХ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ В НЕМЕЦКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья освещает проблему заимствований в немецкой экономической терминологии. Заимствованные термины появляются и укореняются в терминологии, несмотря на существование исконного термина для номинации того или иного экономического понятия. Это способствует образованию многочисленных синонимических рядов, что нежелательно в терминологии. Нами исследуются основные причины укоренения заимствованных терминов в данной терминологии.

Ключевые слова: немецкий термин, заимствованный термин, интернационализмы, экономическая терминология, причины заимствования.

The article is devoted to the problem of borrowings in German economic terminology. The borrowed terms coexist with original terms. This leads to a great number of synonymic rows. We research the main causes of the borrowed terms in economic terminology.

Key words: German terms, borrowed terms, international words, economic terminology, causes of borrowings.

Заимствования из других языков – естественный процесс, характеризующий, каждый развитый национальный литературный язык в целом и язык науки в частности. Иноязычная заимствованная лексика неизменно использовалась в терминологической номинации на разных этапах развития немецкого языка, о чем свидетельствует история экономической науки. Источником заимствованных экономических терминов в разные периоды становились разные языки: латинский, итальянский, французский, английский.

В настоящее время весомым фактором, определившим предрасположенность немецкого языка к усвоению иноязычной лексики, является усиление процесса глобализации мировой экономики, влияние американских и английских экономических реалий на немецкую экономику.

Современная экономическая терминосистема немецкого языка формируется в значительной степени под влиянием англоязычных заимствований, которые удовлетворяют потребности номинации новых явлений и дифференциации понятий в исследуемой области. Речь идет о так называемом явлении лакунарности [1].

Следует отметить однако, что процесс использования заимствованных терминов не всегда связан с заполнением определенной лакуны. Часто заимствованный термин появляется и укореняется в терминологии, несмотря на существование исконного термина для номинации того или иного экономического понятия. Такие термины сосуществуют друг с другом, образуя синонимические ряды, и конкурируют между собой.

Среди причин подобного сосуществования можно выделить следующие:

1. Предпочтение интернационализмов немецким экономическим терминам. Такое предпочтение отдается весьма часто. Обозначая новое важное понятие, слово заимствуется не в какой-нибудь один язык, а во многие языки. Таким образом, создается международный фонд лексики. Интернационализмы передают важнейшие понятия современной науки. В качестве языка-источника интернационализмов могут выступать разные языки. В настоящее время таким языком является английский, ставший языком посредником в науке, культуре, экономике.

Несмотря на наличие исконного термина для номинации экономического понятия, интернациональные термины имеют преимущество, поскольку вызывают наименьшие трудности в процессе обмена информацией между носителями разных национальных языков.

Например, для номинации понятия *финансовый дебет* используется в научной литературе латинский термин Debet, хотя существует и исконный термин для обозначения данного экономического понятия – Sollseite.

Латинский термин Kalkulation *калькуляция (исчисление издержек на единицу продукции или произведенной работы)* функционирует наряду с немецким термином Berechtigung.

Для обозначения понятия *извещение, уведомление* в немецком языке есть термин Anzeigebrief, однако большей употребительностью обладает заимствованный из итальянского языка термин Aviso, являющийся интернациональным.

2. Заимствованные термины короче и «удобнее» соответствующих им немецких составных терминов и словосочетаний. Как показывает анализ выборки терминов-синонимов, заимствованные термины являются простыми (однословными) терминами, в то время как их синонимы немецкого происхождения представлены составными терминами либо терминологическими словосочетаниями. Закон экономии языковых средств находит отражение в том, что однословный заимствованный термин заменяет немецкое терминологическое сочетание.

Так, французский термин Kommanditist *коммандитист* заменяет немецкое словосочетание beschränkt haftender Gesellschafter.

Термин Leasing, заимствованный из английского языка и означающий *передачу в аренду технических средств, зданий, сооружений,* заменяет словосочетание Vermietung von Industrieanlagen.

Таким образом, употребление свободных от аффиксов иноязычных терминов, их краткость, компактность делает такие терминологические единицы удобнее в коммуникативном процессе в отличие от немецких соответствий, упрощает язык экономической терминосистемы.

3. В ряде случаев заимствованные термины обладают большей словообразовательной способностью. Так, например, немецкий термин

Devisengeschäft и англо-американский термин swap обозначают экономическое понятие «*своп (приобретение иностранной валюты в обмен на отечественную с последующим выкупом)*» и являются синонимами. Заимствованный термин является также производной основой глагола swappen *обменивать, осуществлять своп*. В свою очередь термин Devisengeschäft оказывается более «пассивной» терминологической единицей, которая не участвует в процессе образования новых терминов.

Английский термин Leasing *передача в аренду технических средств, зданий, сооружений,* является синонимом к терминологическому сочетанию Vermietung von Industrieanlagen. Заимствованный термин обладает большей частотой употребления, что в немалой степени объясняется активностью данного термина в образовании новых терминологических единиц: Leasing-Geber *отдающий в лизинг,* Leasing-Nehmer *берущий в лизинг,* Leasingvertrag *договор лизинга и др*.

4. Заимствованный термин может расширять и дополнять значение, выраженное немецким термином. Так, например, для номинации понятия *«скидка»*, то есть *сумма, на которую снижается продажная цена товара, реализованного покупателю при выполнении им определенных условий,* в немецком языке используется термин Preisnachlass. Данный термин указывает на возможность уменьшения цены на товар. Скидка может предоставляться по различным причинам: за ускорение оплаты, за объем приобретаемого товара, за некачественную продукцию. Именно заимствованные термины в немецкой экономической терминологии служат для уточнения соответствующего понятия. Например, если термин Preisnachlass наиболее употребляем в торговой сфере, на валютно-обменном рынке, то заимствованный из французского термин Rabatt употребляется исключительно в сфере мореплавания и обозначает скидку с цены товара, которая предоставляется конференциями грузоотправителям за отправку ими своих грузов только на судах конференции. Skonto обозначает скидку, которая осуществляется за досрочное осуществление платежей по сравнению со сроками, установленными контрактом.

Термин Refaktie обозначает скидку с оптовой цены или с веса товара, предоставляемую в связи с порчей или недостачей товара.

Таким образом, каждый из приведенных выше заимствованных терминов конкретизирует значение, выраженное немецким термином, образуя синонимический ряд Preisnachlass – Rabatt – Skonto – Refaktie.

Термин Fracht обозначает не просто перевозку груза, а *перевозку воздушным или водным путем*, уточняя немецкий термин Beförderung.

Таким образом, анализ эмпирического материала свидетельствует о наличии корпуса синонимических структур исконных и заимствованных терминов, конкурирующих между собой. Несмотря на наличие исконного немецкого термина для номинации того или иного экономического понятия, заимствованный эквивалент оказывается более употребительным. В современном языке прослеживается тенденция вытеснения исконных немецких терминов из терминосистемы и предпочтение англоязычных терминологических единиц. Причиной является их краткость, словообразовательная активность, коммуникативная четкость, а также отсутствие посторонних, бытовых ассоциаций.

Литература

1. *Стернин, И.А.* Национальная специфика мышления и явление лакунарности // Связи языковых единиц в системе и реализации: Межвуз. сборник науч. трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Р.Г. Державина, 1997. – С. 22-23

А.К. Купцова

(Москва, Россия)

ПРОЦЕСС МЕЖСИСТЕМНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕНЕДЖМЕНТА И ЛОГИСТИКИ

Логистика представляет собой комплексную дисциплину, а ее терминология – объединенную совокупность терминов, образовавшуюся путем межсистемного заимствования терминов, в основном – менеджмента. В данной статье приводятся результаты обширного исследования корпуса англоязычных терминов логистики и менеджмента и их взаимосвязи в качестве смежных областей знания.

Ключевые слова: терминология, заимствование, менеджмент, логистика.

Logistics is a complex discipline and its terminology represents a united aggregate of terms formed by borrowing terms from interrelated fields of knowledge, mainly management. The present article contains the outcome of an extended study of the corpus of logistic and managerial terms and their interrelation as interconnected fields of knowledge.

Key words: terminology, borrowing, management, logistics.

С точки зрения гносеологии язык служит инструментом познания и является наиболее важной составляющей человеческой деятельности. Именно при помощи языка человеческие мысли облекаются в материальную оболочку и люди способны обмениваться мыслями [4. С. 12]. Так, с помощью языковых средств человечество воспринимает информацию о взаимосвязи природы и предметного мира. С точки зрения научно-технического прогресса, в языке развивается специальная лексика, то есть терминология, которая относится к общему классу лексических единиц [2. С. 26]. В связи с этим система языка влияет на принципы существования и функционирования терминологии, то есть все нормы языка распространяются на терминологию данного языка. С другой стороны, терминологические проблемы какой-либо области знаний влияют и на язык в целом, поэтому изучение терминологии чрезвычайно важно. Более того, строение и состояние любой научной отрасли напрямую отражается на терминосистеме, ее упорядоченности и целостности. Именно по этой причине исследование терминов, как «слов или словосочетаний специального (научного, технического и т.п.) языка» [1. С. 474], несет практическую и теоретическую ценность.

При формировании логистики как самостоятельной области знания в США в середине XX века, различные объекты приложения операций и процессов позволили выделить из операционного менеджмента следующие дисциплины, ставшие затем самостоятельно развивающимися научными и практическими направлениями логистики по всему миру: организацию и планирование производства, организацию и планирование материально-технического снабжения, управление услугами, управление качеством,

управление информационными технологиями и др. Логистика выделилась из операционного менеджмента как самостоятельное направление в результате формулирования специфического объекта – логистических бизнес-процессов [5. С. 101].

Цель исследования заключалась в том, чтобы выяснить количественным методом, каким образом была сформирована англоязычная терминология в новой сфере знания: при помощи неологизмов или заимствованием уже существующих терминов. В ходе анализа англоязычного словника терминологического словаря Европейской логистической ассоциации (ЕЛА) [6] было обнаружено, что логистика использует знания и достижения смежных областей знаний. Всего было изучено 1397 английских дефиниций логистических и менеджериальных терминов словаря.

Работа с дефинициями терминов и пометами в словаре ЕЛА, а также консультации с ведущими теоретиками отечественной логистики, показало, что подавляющая часть (42% из 1397 лексических единиц) заимствованных англоязычных терминов логистики относится к менеджменту.

Большинство заимствованных терминов менеджмента касается управления запасами и составляет значительную часть (87%) от общего числа заимствованных терминов. Это объясняется тем, что управление запасами по существу представляет собой объект управления логистики. Именно информация о запасах является ключевой для логистов при учете, контроле, анализе, планировании и оптимизации материальных потоков. Это такие термины, как *A-product* (продукция класса «А»), *decoupling point* (пункт декаплинга), *gross requirement* (общая потребность), *indemnification* (возмещение ущерба), *inventory* (товарные запасы), *cycle stock* (текущие запасы), *completion* (обеспечение*), lot-sizing rule* (алгоритм расчета размера партии), *min-max system* (система минимум-максимум), *netting* (уточнение потребности в материалах), *on-hand balance* (наличный остаток), *replenishment* (пополнение запасов), *two-bin system* (двухбункерная система управления запасами) и т.п.

Термины менеджмента активно используются также и в управлении логистическими системами и составляют его подавляющую часть (81%). Причина в том, что видение логистических систем в рамках бизнеса (а не организационных, операционных или информационных систем) определяет логистику как самостоятельное направление менеджмента. В логистическую поддержку производства перешло значительное число терминов менеджмента, и они являются ядром данного раздела логистики (71% терминологического поля). К таким терминам относятся: *available capacity* (полезная мощность), *capacity load* (полезная нагрузка), *cycle time* (время цикла), *flexibility* (гибкость), *logistics costs* (логистические издержки), *master planning* (основное планирование) и т.п.

Термины менеджмента составляют около 25% в управлении закупками, (например: *buying decision* (решение о покупке), *commercial type* (коммерческий тип товара), *delivery* (доставка), *free trade zone* (зона свободной торговли), *incoterms* (международные коммерческие условия), *paperless purchasing* (безбумажная технология оформления поставок), *receipt registration* (регистрация получения товара) и т.п.

20% составляют термины менеджмента в информационном обеспечении логистики, например: *automatic identification* (автоматическая идентификация), *bin location system* (система обозначений мест хранения в стеллаже), *computer aided design* (проектирование на компьютере), *European article numbering* (Европейская система нумерации единиц товара), *information management* (управление информационными потоками), *peristaltic transmission of information* (перистальтическая передача информации), *sales item code system* (кодовая система товара на продажу), *source marking* (маркировка источника снабжения), *united nation dangerous goods number* (номер опасных грузов ООН) и т.д.

11% терминов менеджмента используется в складировании и грузопереработке (например, *automated storage* (автоматическое хранение), *bonded warehouse* (таможенный слад), *break bulk cargo* (крупная партия товара, разбитая на мелкие партии), *dispatching* (диспетчирование), *godown* (задние

склада), *roll-on roll-off* (трейлерная погрузка и разгрузка судна), *shelf life* (срок хранения) и т.д.), так как, аналогично предыдущим, основная доля терминов принадлежит к традиционным сферам управления снабжением (закупками), инфокоммуникационным технологиям, управлению складским хозяйством и операционному менеджменту.

В транспортировке терминология менеджмента практические не используется (1%), вследствие того, что эта сфера деятельности традиционно имеет специфически логистический характер, например: *tracking* (отслеживание), *forwarding organization* (транспортная компания), *back haul* (обратный рейс), *demurrage* (демередж).

Результаты данного исследования позволяют прийти к заключению, что основным источником англоязычных терминов логистики является межсистемное заимствование из терминологии менеджмента. При формировании логистики как отдельного направления знания не было создано значительного количества новых терминов, более того, при заимствовании значение большинства исходных терминов не изменялось. Несмотря на то, что логистика имеет свой уникальный предмет управления, специфические разделы и новые концепции, она настолько тесно связана с менеджментом, что их терминологии практически совпадают.

Литература

1. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2005.
2. *Гринев, С.В.* Введение в терминоведение. М., 1993.
3. ГОСТ 7.49—84, http://www.bibliography.ru/method/gosts/7-49/7_49.htm
4. *Смирницкий, А.И.* Лексикология английского языка. - М.: МГУ, 1998.
5. *Стерлигова, А.Н.* Терминологическая структура логистики//Логистика и управление цепями поставок. №4-5 (5). М: Национальная логистическая ассоциация, 2004.
6. Terminology in Logistics. Annex Dictionary. The European Logistics Association, 1994.

Н.В. Моряхина

(Пенза, Россия)

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ТЕРМИНОВ-КОМПОЗИТОВ В РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(на примере терминологии менеджмента)

Наше исследование посвящено образованию терминов-композитов в русской экономической терминологии. Автор статьи анализирует термины-композиты менеджмента, выделяет их общие и дифференциальные признаки, сравнивая композиты, термины простой структуры и термины-словосочетания, и отмечает общие закономерности процессов термино- и словообразования в русском языке.

Ключевые слова: терминология менеджмента, композитообразование, термины-композиты, словообразование, русский язык.

Our research is devoted to the formation of terms-composites in Russian economic terminology. The author analyzes terms-composites of management, compares general and differential features of composites, simple structure terms and terms-phrases.

Key words: terminology of management, composite formation, terms-composites, word-formation, the Russian language.

Наметившаяся в последнее время тенденция к сокращению и упрощению языковых знаков в словообразовании русского общеупотребительного языка нашла свое отражение в образовании экономических терминов. Этот факт объясняется изменением условий, в которых происходит общение современного человека, увеличением объема передаваемой информации в единицу времени, быстрым темпом, автоматизмом [3]. Одним из способов экономичного использования языковых средств в речи становится композитообразование. Сама языковая система нашла способы соответствия современным требованиям жизни, чтобы стать более оперативной, то есть более простой и экономичной в своем функционировании.

Под композитами понимаются слова со сложными основами, структура которых состоит, независимо от способов их образования, из двух или более

компонентов-корней. Они относятся к «довольно объемному и активно пополняющемуся разряду слов в русском языке» [4].

Сложное слово обладает формальной краткостью и в тоже время семантической емкостью, что обеспечивает экономию речевых средств и усилий в процессе общения. Это положение, на наш взгляд, вполне применимо и для экономической терминологии, в частности, для терминологии менеджмента.

В терминосфере менеджмента можно выделить достаточное количество композитов (*целеполагание, бизнес-план, арендодатель, грузоотправитель, грузополучатель, нормативно-техническая* (документация), *трудоустройство, целенаправленное* (воздействие), *линейно-функциональная* (структура организации), *двухфакторная* (теория Герцберга) и многие другие [1, 2]).

По частеречной принадлежности в терминологии менеджмента композитами являются преимущественно имена существительные, однако в исследуемом терминологическом материале были выделены термины-композиты, представленные именами прилагательными и реже наречиями (*многомерная, человеко-машинная, линейно-штабная, точно-вовремя)* и др.

Таким образом, образование сложных слов происходит за счет объединения в одну лексическую единицу не менее двух лексически полнозначных компонентов.

По результатам проведенного нами анализа синтаксических связей композитов, в терминосистеме менеджмента выделяются подчинительные и сочинительные типы (согласно классификации З.А. Потихи, 1970). К подчинительному типу относятся термины-композиты с компонентом дополнения (*бизнес-план, бизнес-планирование, бизнес-процессы*). К сочинительному типу с компонентом определения можно отнести термины – *ресурсосбережение, целеполагание, линейно-функциональная (структура организации), трудозатраты, материалоемкость* и др.

По степени сращенности композитов компоненты сложных слов могут фразеологизироваться и воспроизводиться в готовом виде (*точно-в-срок*).

При сравнении композитов, терминов простой структуры и терминов-словосочетаний можно выделить их интегральные и дифференциальные признаки. К общим признакам относятся:

1. Для композитов и терминов простой структуры:

- номинативность;
- фонетическая цельнооформленность;
- непроницаемость;
- лексико-грамматическая отнесенность;
- наличие многозначности, омонимии, антонимии, синонимии;
- синтаксическая функция в предложении.

2. Для композитов и терминов-словосочетаний:

- номинативность;
- частеречная отнесенность по последнему компоненту;
- структурная двукомпонентность;
- словообразовательный потенциал.

Дифференциальные признаки характерны преимущественно композитам и терминам-словосочетаниям:

- внешняя оформленность;
- порядок следования компонентов;
- словоизменительная функция;
- сущность лексического значения;
- внутренняя организация компонентов.

Следует отметить, что применительно к подъязыку менеджеров композиты имеют двойственные связи. Это выражается, прежде всего, в том, что простые термины-слова являются строительной основой для композитов, которые, хоть и обладают категориальными признаками слов простой структуры, однако не обладают полным сходством со своей производящей базой, отличаясь структурной и семантической сложностью (ср. *цель и целеполагание*). Кроме того, композиты органически связаны со словосочетанием, от которого тоже имеют возможность образовываться.

Таким образом, отмечая рассмотренный нами способ создания терминов и их структуру, можно сделать вывод о том, что образование терминов в менеджменте подчиняется тем же закономерностям, что и словообразование в русском языке в целом.

Литература

1. Новый экономический словарь / Под ред. А.Н.Азрилияна. – 2-е изд.доп. – М.: Институт новой экономики, 2007.

2. *Переверзев, М.П., Шайденко, Н.К., Басовский, Л.Е.* Менеджмент: Учебник / Под общ.ред. проф. М.П. Переверзева. – М.: ИНФРА-М, 2004.

3. *Садыкова, А.Г.* Композитообразование как средство экономичного использования языковых средств в речи // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар.науч.конф. (Казань, 4-7 мая 2007 г.) Т.2. Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Казан.гос.ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 210 – 212.

4. *Чурилова, Н.А.* Композиты в составе русских глагольных гнезд: механизмы слово- и семообразования. // Дис…канд.филол. наук. – Арзамас, 2005.

М.В. Половец

(Гродно, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Наше исследование посвящено специальным Интернет-ресурсам, направленным на изучение языка, а также терминологическому обеспечению ведения диалога в этой сфере. Ввиду того, что область Интернет-лингводидактики является новым направлением, терминосистема данной области находится в стадии становления. В статье описываются особенности этой терминологии в качестве метатерминологии, то есть средства ведения обучающего диалога.

Ключевые слова: термин, терминосистема, Интернет, лингводидактика, метатерминология.

The article is devoted to the problem of terminological support of the specialized Internet resourses intended for studying languages. As the field of Internet-lingvodidactics is a new sphere, its term system is at the stage of formation now. The article discusses the peculiarities of the terminology of Internet-linvodidactics as meta-terminology.

Key words: term, term system, Internet-linvodidactics, meta-terminology.

Использование разнообразных компьютерных технологий, в том числе и ресурсов обучения языку в сети Интернет, стало весьма обыденным в практике преподавания и изучения языков. Разнообразные Интернет-продукты используются не только в качестве способа лингвистического самообразования, но и как вспомогательное средство в школьной и вузовской практике. Несмотря на это, проблемы, рассматриваемые Интернет-лингводидактикой, не определены. Более того, сам терминоид «Интернет-лингводидактика» не нашел отражения в Национальном корпусе русского языка [3], то есть активно не используется лингвистами и преподавателями языков. Следовательно, Интернет-лингводидактика как область знания находится в стадии становления, а терминология этой области представляет собой открытую, интенсивно развивающуюся, формирующуюся систему. Как и любая область дидактики, Интернет-лингводидактика является интердисциплинарной областью знания. Соответственно, уровень заимствования терминологии из других областей знания и других языков достаточно высок. Поэтому терминология Интернет-лингводидактики представляет особый интерес для исследователей и требует «исследования живых изменчивых и сложных фактов становления языка науки и обоснование терминопорождения реальными запросами самой науки» [2. С. 3]. Как и большинство областей знания, связанных с Интернетом, область Интернет-лингводидактики формировалась изначально в англоязычной традиции, поэтому большинство терминов этой области, особенно новых, заимствуются другими языками, в том числе русским, из английского языка. Члены данной терминосистемы выступают, в первую очередь, в качестве средств лингводидактического Интернет-диалога, то есть средств терминологического обеспечения разработки систем обучения языку в Интернет-дидактике.

В аспекте изучения языков с помощью Интернет-продуктов актуальным представляется разделение терминологии на терминологию в диалоге и терминологию диалога. Иными словами, мы рассматриваем термины в

обучаемом языке как материал обучения и термины как метатермины, то есть как одно из средств организации диалога.

Не вызывает сомнений отличие среды ведения Интернет-диалога, в том числе и лингводидактического, от среды ведения устного дидактического диалога. Поэтому сложно определить принадлежность первого к тому или иному функциональному стилю, так как в нем определяются черты научного, разговорного, публицистического стилей. Но наличие специальной терминологии приближает диалог и его наполнение к научному функциональному стилю речи. Выход специальной терминологической лексики за рамки характерного для нее научного стиля неоднократно привлекал внимание исследователей. Как известно, терминам характерно стремиться к однозначности. По мнению многих исследователей, термин лишен эмоциональной окраски. Но при экспансии в иные подъязыки термин часто приобретает иной смысл. Так, например, при появлении в художественном тексте термин может нарушать свою оригинальную стилистическую валентность. В случае перехода такой специальной терминологии из области лингводидактики или лингвистики в область Интернет-лингводидактики изменений в корреляции терминов не наблюдается.

Например, при введении грамматического материала методические термины (*упражнение*, *тест*, *урок*, *language course*, *learn* и другие) используются в таких же условиях, как и в естественном дидактическом диалоге, то есть сохраняется лексическое окружение, значимость терминов, используются идентичные грамматические конструкции (*выполните упражнение*, *пройдите тест*, *choose language course* и т.д.).

Часто в структуре диалога прослеживается использование акронимов, таких как «*a. k. a*», обозначающий «*also known as*» или «*также известный как*» и других. Это, несомненно, является важной характеристикой Интернет-пространства как сферы общения. Сюда же можно отнести лексему «ads», являющуюся сокращением слова «a*dvertisements*» (*реклама*). Использование акронимов в Интернет-среде вполне оправдано законом «экономии речевых

усилий», это является общепризнанным фактом. Но следует принять во внимание цель существования рассмотренных Интернет-продуктов – изучение языка. Становится очевидным вывод о том, что Интернет-среда в данном случае играет большую роль в выборе диалоговых средств, чем принятые в обществе нормы ведения дидактического диалога.

Очень часто термины заменяются своими функциональными эквивалентами, то есть специальными иконками-знаками, план содержания которых выражает тот или иной термин [4] (см. рисунок 1).

рисунок 1

Функциональный эквивалент термина «Обратная связь»

Использование функциональных терминов эквивалентов делает общение пользователя с компьютером более наглядным, что вполне оправдано особенно для детской аудитории, учитывая особенности восприятия.

Многие исследователи сходятся во мнении о том, что именно экстралингвистические факторы оказывают детерминирующее влияние на процесс появления и вхождения в систему новых терминов. В числе экстралингвистических факторов формирования Интернет-лингводидактической терминосистемы можно назвать формирование новой дидактической среды, то есть новой формирующейся области деятельности человека. В этой сфере формируются новые понятия на основе уже существующих в сходных областях, таких как Интернет, дидактика и лингвистика.

Так, распространено использование следующих терминов: «*онлайн курсы*», «*уроки онлайн*», «*форум изучения английского языка*», «*study online*» и другие. Термины формируются с помощью интеграции нескольких компонентов или трансформации плана содержания. Например, термин «*словарь*» в отличие от традиционной методики приобретает новое значение –

«*электронный словарь*». В Большом толковом словаре «*словарь*» определяется как «книга, содержащая перечень слов, расположенных в определённом порядке (обычно по алфавиту), с толкованиями или с переводом на другой язык» [1]. «*электронный словарь* – электронная версия толкового или двуязычного словаря или специально созданный словарь, записанный на диске или размещенный в Интернете» [1]. В нашем же случае на первое место выходит размещение словаря в Интернете, то есть сужается значение исходного термина.

Стоит отметить, что термины, являющиеся репликами диалога, представленными в виде гиперссылок, признаются нами метатерминами, так как не являются предметом обучения, хоть и называют раздел урока, материал которого и есть предмет обучения. Они используются для навигации по сайту, выполняют функцию терминологии в диалоге. Наиболее частотными метатерминами в структуре диалога Интернет-продуктов, предназначенных для носителей русского языка, являются термины или элементы терминов, заимствованные русским языком из английского или других языков. Этот способ наиболее прост и очевиден: термин переносится вместе с понятием, которое он обозначает. Сюда можно отнести термины *конгресс*, *форум*, *онлайн*, а также элементы терминов *аудио-*, *видео-* и другие. Преобладание заимствования как способа терминообразования продиктовано не только традиционным использованием латинских элементов, но и отсутствием в русском языке подходящих соответствий терминам английского языка.

Терминология Интернет-лингводидактики включает в себя единицы нескольких областей знания и является новой, открытой и развивающейся терминосистемой. К тому же, лингводидактический Интернет-диалог отображает и реалии современной жизни. В нем, как правило, не используются сложные терминологические единицы, наиболее распространены популярные термины, так как Интернет-продукты предназначены для широкого круга пользователей, в том числе и те, кто не владеет специальной терминологией.

Литература

1. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ushdict.narod.ru/. – Дата доступа: 22.02.2012.
2. *Ивина, Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учебно-методическое пособие. – М.: Академический проект, 2003.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www. ruscorpora.ru/. – Дата доступа: 22.02.2012.
4. Study English at home [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.enhome.ru. – Дата доступа: 22.02.2012.

О.Я. Шкода

(Гродно, Беларусь)

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье отражены результаты сопоставления общефилологических словарей русского и белорусского языков с точки зрения представленности в них специальной лексики.

Ключевые слова: специальная лексика, словарь русского языка, словарь белорусского языка.

The article covers the results of comparison of special vocabulary in general philological dictionaries of the Russian and Belorussian languages.

Key words: special vocabulary, dictionary of the Russian language, dictionary of the Belorussian language.

В настоящее время многие лингвистические исследования направлены на изучение специальной лексики, а именно на особенности ее функционирования не только в профессиональной, но и в обыденной речи. Все это связано с тем, что современное состояние лексики характеризуется активным взаимодействием специальных и общеупотребительных слов. Многие специальные слова перестают быть известными только определенному узкому и закрытому кругу людей и активно употребляются в речи непрофессионалами. Это обусловлено тенденцией распространения специальных знаний в массы,

«просвещения» общества, другими словами, стремлением сделать профессиональные знания общеизвестными и общедоступными, особенно это касается социально-значимых сфер знания, таких как юридическая, финансовая, здоровьесберегающая, а также сфера гражданственности. Как известно, специальные знания зафиксированы в языках для специальных целей, а значит, для овладения знанием необходимо овладеть лексикой. Специальная лексика, как правило, закрепляется в терминологических словарях, то есть словарях, отражающих лексику определенной отрасли знания. Однако и общефилологические словари также содержат данный пласт лексики. Объем подобного рода лексики в толковых словарях и способы ее представления имеют свои особенности в разных лексикографических традициях, поэтому в данной статье отражены результаты сравнения толковых словарей русского и белорусского языков.

Общеизвестными толковыми словарями белорусского языка являются «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» в 5 томах [2] (далее – ТСБМ) и «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» [3] (далее – ТСБЛМ). Оба словаря отражают общеупотребительную лексику и частично фразеологию белорусского языка. Также в них включена и часть специальной лексики, однако, как отмечают составители словарей, сюда не вошли специальные слова и значения, которые являются узкопрофессиональными терминами отдельной отрасли науки и техники и необходимы только для очень узкого круга людей, за исключением тех узкоспециальных терминов, которые омонимичны общелитературным словам. В ТСБЛМ в списке сокращений указаны *гіст. – гістарычнае, праф. – прафесійнае, спец. – спецыяльны тэрмін*. Однако при работе со словарем мы выяснили, что помета *праф.* является неактивной, то есть ни в одной словарной статье данного словаря помета *праф.* не встречается. В ТСБМ принято только сокращение *спец. – спецыяльны тэрмін*. Таким образом, составители толковых словарей белоруского языка не выделяют сферы функционирования специальных слов, за исключением исторической. Тем не менее, описывая структуру словарной статьи,

составители указывают, что в дефинициях некоторых специальных слов возможно присутствие указания на сферу употребления: ‘*брэмсберг – у горнай справе: падземная нахіленая горная вырабатка, прызначаная для спуску ў ваганетках або канвеерам карысных выкапняў на ніжэйшы гарызонт; спуск*’ (‘бремсберг – в горном деле: подземная наклоненная горная выработка, предназначенная для спуска в вагонетках или конвейерами полезных ископаемых на более низкий горизонт; спуск’) .

Для анализа представленности специальной лексики в общефилологическом словаре русского языка мы выбрали «Словарь русского языка» в четырех томах (далее – СРЯ) [1]. Мы остановились на данном словаре, поскольку он соотносится по времени создания со словарями белорусского языка, указанными выше, и примерно совпадает по объему представленных в нем единиц.

Список условных сокращений, принятых в СРЯ, позволяет предположить, что в словаре отражена специальная лексика следующих предметных областей: авиации, анатомии, антропологии, археологии, архитектуры, астрономии, бактериологии, биологии, биохимии, ботаники, ветеринарии, военного дела, географии, геодезии, геологии, геофизики, гидрологии, горного дела, зоологии, искусства, истории, кулинарии, лесоводства, лингвистики, литературоведения, логики, математики, медицины, метеорологии, минералогии, музыки, палеонтологии, педагогики, полиграфии, психологии, пчеловодства, религии, рыболовства, садоводства, спорта, сельского хозяйства, театра, типографии, торговли, физики, физиологии, философии, химии, экономики, этнографии, а также бухгалтерские, железнодорожные, морские, охотничьи, финансовые, церковные, цирковые и юридические термины.

Очевидно, что в СРЯ нашла отражение специальная лексика наук, изучаемых в школе: физики, химии, математики, астрономии, биологии, географии, истории, лингвистики, литературоведения.

Специальная лексика биологии отражена более полно, поскольку отдельно выделяются зоология, ботаника, анатомия, бактериология, однако почему-то подобного деления, например, математики на геометрию и алгебру, лингвистики на фонетику, морфологию, словообразование, синтаксис, мы не обнаружили.

Интерес представляет отражение специальной лексики сферы искусства: отдельно представлены цирковые термины, специальные слова театра, музыки и архитектуры, однако нет помет, относящихся к живописи, танцам и т.п.

Как уже отмечалось выше, словари белорусского языка не предполагают подобной системы помет, однако в некоторых словарных статьях присутствуют указания на сферу функционирования. Например, *“у алгебры”* (‘в алгебре’), *“у геаметрыі”* (‘в геометрии’), *“у арыфметыцы”* (‘в арифметике’) и *“у матэматыцы”* (‘в математике’); *“у лінгвістыцы”* (‘в лингвистике’) и *“у мовазнаўстве”* (‘в языкознании’), *“у граматыцы”* (‘в грамматике’), *“у сінтаксісе”* (‘в синтаксисе’), однако помета *“у марфалогіі”* (‘в морфологии’) отсутствует.

Поскольку только около 14 % от всех специальных слов, представленных в ТСБМ и ТСБЛМ, имеют указание на сферу функционирования, то практически невозможно объективно сопоставить словари русского и белорусского языков на предмет того, языки каких областей знаний и сфер деятельности и в каком объеме представлены в данных словарях.

Чтобы выяснить, совпадают ли пометы и дефиниции специальных слов в словарях русского и белорусского языков, мы выбрали несколько достаточно известных и употребительных слов из финансовой, юридической и медицинской сфер. В результате выяснилось, что некоторые слова, которые в словарях белорусского языка размечены как специальные, в СРЯ подаются как общеупотребительные. Например, *‘депрессия – угнетенное, подавленное психическое состояние’* и *‘дэпрэсія – хваравіта прыгнечаны псіхічны стан’ (спец.). ‘Иск – обращение к суду с требованием о защите гражданских прав’* и *‘іск – звяртанне да суда з патрабаваннем аб абароне грамадзянскіх правоў.’*

(спец.). Несмотря на то, что толкования абсолютно одинаковы, то есть, возможно, представляют собой результат перевода, пометы все же различаются.

В словарных статьях, как в русском, так и в белорусском словарях, к лексическим единицам, которые, на наш взгляд, еще нельзя отнести к общеупотребляемой лексике, могут сохраняться пометы. Например, *‘депозит (фин.) – деньги или ценные бумаги, которые вносятся в кредитное учреждение (банк, сберкассу, нотариальную контору) для передачи их кредитору или другому лицу ’* и *‘дэпазіт – грошы або каштоўныя паперы, якія ўносяцца ў крэдытную ўстанову для захавання або з спецыяльнай мэтай’ (спец.)*; *‘алиби (юрид.) – пребывание обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте как доказательство его непричастности к преступлению’* и *‘алібі – знаходжанне абвінавачанага ў момант, калі адбывалася злачынства, у другім месцы як доказ невінаватасці ў злачынстве’ (спец.)*.

Поскольку для сравнения мы выбрали слова из тех сфер знания, которые в настоящее время активно популяризируются, и, соответственно, их специальная лексика становится общеупотребительной, то совершенно понятно такое различие помет. В русском языке такие слова, как *иск, депрессия* уже не воспринимаются как специальные, а в белорусском, поскольку это язык, который активно используется для повседневного общения гораздо меньшим количеством людей, все языковые процессы происходят позже и медленнее, в том числе, и процесс детерминологизации.

Литература

1. Словарь русского языка: под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1981.

2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад аг. рэд. К.К. Атраховіча. – Т. 1–5. – Мінск: Бел. сав. энцыклапедыя, 1977–1984.

3.Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: пад. рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, – 1996.

РАЗДЕЛ V. ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, КОМПАРАТИВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.И. Богатикова

(Гомель, Беларусь)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР НА КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПОНЯТИЙНОМ И КОММУНИКАТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОМ УРОВНЯХ

Наше исследование посвящено проблеме взаимодействия лингвокультур на различных уровнях языка и культуры. Подчеркивается, что наиболее ярко это взаимодействие проявляется на концептуально-понятийном и коммуникативно-поведенческом уровнях. Отмечается, что наибольшее влияние на русскоязычную лингвокультуру оказывает англоязычная, особенно американская лингвокультура, в силу ряда экономических и политических причин и в силу распространения английского языка в мире.

Ключевые слова: лингвокультура, взаимодействие лингвокультур, концептульно-понятийный и коммуникативно-поведенческий уровни, русскоязычная культура, англоязычная культура.

The article deals with the problem of lingua-cultural interaction at different levels of language and culture. It is emphasized that this interaction is manifested mainly on the conceptual and communicative levels. It is noticed that English, especially American linguaculture influences the Russian one most of all because of some economic and political reasons and the expansion of the English language in the world.

Key words: linguaculture, lingua-cultural interaction, conceptual and communicative levels, Russian linguaculture, English linguaculture.

С расширением международных контактов возрастает взаимодействие и влияние культур и языков друг на друга. Причем влияние это настолько велико, что проникает во все сферы общения и пронизывает различные стороны жизни, включая как язык, так и культуру. Степень влияния лингвокультур друг на друга зависит от ряда факторов, к числу которых можно отнести следующие: а) интенсивность контактов (частое взаимодействие культур ведет к быстрому

усвоению инокультурных элементов); б) условия межкультурных контактов (насильственные контакты порождают реакцию отторжения); в) степень дифференции общества (наличие социокультурных групп, готовых принять нововведения); г) восприимчивость к чужой культуре (способность менять свое поведение в зависимости от изменения культурного контекста) [1]. Несомненно, что существенное влияние будет оказывать та лингвокультура, которая имеет более весомое положение в международном масштабе и играет большую роль по сравнению с другими линвокультурами. В настоящее время огромное влияние на другие культуры имеет англоязычная культура, в частности, американская, в силу ряда экономических и политических причин и связанных с этим распространения английского языка в мире. Это объясняется тем, что для представителей других лингвокультур «английский язык несет на себе отпечаток прогрессивности, престижности, элитарности и эксклюзивности, ассоциируется с сытой жизнью, материальным благополучием, техническим прогрессом и успехом» [2, с. 101].

Взаимодействие лингвокультур и их влияние друг на друга в процессе межкультурных контактов наиболее ярко проявляется в возникновении различных так называемых гибридных языков: Hinglish (Hindu+English) в Индии, Engalog или Taglish (Tagalog+English) на Филиппинах, Frenglish (French+English) в Квебеке и т.д. Считают, что и в Беларуси очень небольшое количество людей разговаривают на своем родном, так сказать, «чистом» белорусском языке; остальные говорят, в основном, «на трасянцы», что представляет собой смесь русского и белорусского языков. Особенно это заметно на фонетическом уровне – в произношении с белорусским акцентом.

Взаимоотношение и взаимодействие лингвокультур затрагивает различные уровни: концептуально-понятийный, вербальный/ языковой, невербальный, коммуникативно-поведенческий и особенно этнографический.

На концептуально-понятийном уровне взаимодействие лингвокультур проявляется в заимствовании концептов и приложении их к жизни представителей своей лингвокультуры, концептуальное содержание которых

интерпретируется совершенно по-другому, чем в англоязычной культуре, с позиций национально-культурных особенностей своей культуры. Так, например, концепт **freedom** хотя по своему концептуальному содержанию и соотносится в некоторой степени с русским концептом **свобода,** но понимается совершенно по-другому. Американский концепт **freedom** понимается как свобода выбора, но в то же время предполагает ответственность и законопослушание. В русской и белорусской культурах концептуальное содержание данного концепта, воспринятого из американской культуры, интерпретируется как свобода действий и даже вседозволенность.

Особенно ярко проявляется влияние англоязычной лингвокультуры на языковом уровне:

а) в многочисленных и, как замечает О.А. Леонтович [2], неоправданных, и даже можно сказать, неуместных, заимствованиях, типа: *риэлтер*, *секьюрити*, *имидж*, *рисепшен (*место регистрации прибывающих посетителей*)*, *роллы (*булочка*)*, *дисконтная карта*, *дизайн*, *блокбастер (*сенсационный захватывающий фильм), *чат (*разговор /беседа в сети Интернет), *сэконд-хэнд* (вещи, бывшие в употреблении), *дискаунтер*, *сайдинг (*наружная обшивка зданий), *шопинг*, *шоу-центр*, *провайдер (*поставщик*)*, *фэнтази*, *респект (*уважение*)*, *лузер (*которое составляет концепт «неудачник», типичный для американской лингвокультуры и с некоторых пор получивший распространение в русской и белорусской лингвокультурах), *экшн (*действие*)*, *органайзер (*компьютерный секретарь, записная книжка*)*, *кэш (*наличные деньги*)*, *супервайзер (*контролер, инспектор, диспетчер, управляющая программа*)*, *брэнд (*торговая марка, качество, сорт), *фэшн-индустрия*, *селебрити (*знаменитый человек, звезда*)*, *паркинг, мини-маркет* и т.д.;

б) в написании названий магазинов, ресторанов, кафе и других учреждений на английском языке, например: фирма по продаже отделочных материалов из камня *Camelot,* салон сантехники *Creativ*, компания по недвижимости *Rielt*, магазин «Планета *Second Hand*», *Bank Compartment* (порой с ошибками - вместо *Branch of Belinvestbank* в г. Гомеле, ул. Советская);

обменный пункт – *Exchange currency* (вместо *currency exchange*) и др.;

в) в употреблении заглавных букв в соответствии с английскими правилами написания, отличных от правил русского и белорусского языков, типа: *Центр Гуманитарной Помощи*;

г) в использовании междометий англоязычной лингвокультуры: *wow* и др.;

д) в заимствовании ненормативной лексики и терпимом отношении к ней, в связи с постоянным показом низкопробных фильмов, а также неквалифицированным переводом. Очень много заимствованных слов относится к компьютерной терминологии: *чат, интерфейс, смайлик, веб, браузер, сканер, ноутбук, драйвер* и др. Можно предположить, что данное явление обусловлено прежде всего, с одной стороны, появлением в нашей культуре новых предметов, вещей и реалий действительности, которые отсутствовали до недавнего времени и, соответственно, для них не было конкретных названий в русском и белорусском языках; с другой стороны, возможно, для придания большей важности, значения и статуса.

Порой данные заимствования доходят до смешного, совершенно неоправданны, особенно когда представители славянской лингвокультуры используют английские слова в русской орфографии для названия своих компаний, фирм, магазинов, не понимая значения этих слов. Так, например, иногда в России называют небольшие магазинчики, где продают различный товар, включая и продукты, *бутиками*. В Беларуси над химчисткой повесили вывеску с названием «*Клининг*», что, конечно, выглядело нелепо, тем более, что не каждый человек знает, что это означает и какие услуги предоставляются фирмой «*Клининг*»; и к тому же данное слово созвучно со словом «клиника».

На невербальном уровне это влияние проявляется в употреблении американских жестов в общении представителей русской и белорусской лингвокультур, например: жесты, означающие «все хорошо» – Okay (указательный и большой палец соединены в кольцо, жест, показывающий, что все в порядке); победу – victory (указательный и средний палец образуют латинскую букву V) и др.

На коммуникативно-поведенческом уровне также заметно это взаимодействие и влияние, хотя и в меньшей степени, например, в соблюдении определенной дистанции в очереди перед банкоматом; вежливом обращении продавцов к покупателям в магазинах типа «*Вам помочь*?» – в англоязычной культуре аналогичное *"Can I help you?"*; деловом стиле одежды, более предпочтительном и приемлемом на официальных встречах, в офисах и проч.

На бытовом уровне наблюдается появление в нашей лингвокультуре новых обычаев, традиций (бросание невестой букета и подвязки на свадьбах, как это типично для англоязычной культуры) и даже празднование праздников (Дня Святого Валентина, например), проведение так называемых акций (по продажам различных товаров и проч.), популярность такой одежды, как джинсы, футболки, майки; появление новых предметов домашнего обихода, бытовых товаров, услуг (жалюзи, ролеты, кредитные карточки, банкоматы; оплата за приобретенный товар и услуги через компьютерную сеть и др.). В русскую и белорусскую культуры вошла мода на татуировки, пирсинг, пластические операции, отдельное проживание от родителей. Кроме того, современная молодежь не спешит создавать семьи, часто, учась в вузах, студенты находят дополнительный заработок.

Русскоязычная лингвокультура в свою очередь также наложила отпечаток на англоязычную, хотя в значительно меньшей степени. Последняя заимствовала такие реалии, как: 1) блюда и напитки – *borsch, kasha, kefir, kumiss, kvas, pirogi, shashlik, vodka;* 2*)* флора – *proso;* 3) фауна – *beluga, borzoi, karakul;* 4) административно-территориальные единицы, местности и регионы – *zemstvo, kolkhoz, sovkhoz, tundra, taiga, volost*; 5) социальное положение, должность – *boyar, tzar, commissar, cosmonaut, gospodin, kulak, mujik*; 6) политические реалии – *bolshevik, duma, glasnost, gulag, intelligentsia, komsomol, leninism, menshevik, perestroika*; 7) средства передвижения – *baidarka, droshky, troika*; 8) меры и деньги – с*opeck, pood, rouble*; 9) явления природы – *barchan, sastrugi*; 10) танцы и музыкальные инструменты – *balalaika, kazachok*; 11) предметы утвари – *knout, samovar* [2, с. 303].

На коммуникативно-поведенческом уровне в англоязычной лингвокультуре находит все большее распространение работа в команде **team work,** концептуальное содержание которой немного схоже с работой в коллективе, хотя **team work** в то же время существенно отличается в силу национально-культурных особенностей англоязычной культуры. Для работы в команде **team work** характерно создание «коллектива» только на момент выполнения какой-либо важной работы, требующей общих усилий. В нашей культуре «коллектив» – это ячейка общества, существующая некоторое довольно длительное время (ср.: студенческий коллектив, коллектив сотрудников кафедры и проч.). То же касается и другого концепта **neighbourhood watch,** когда соседи договариваются между собой и ведут наблюдение за подозрительными лицами и действиями для предотвращения правонарушений и преступлений.

Таким образом, указанные факты подтверждают взаимодействие и взаимовлияние лингвокультур, хотя, конечно, следует заметить, что более существенное влияние оказывает англоязычная лингвокультура, в особенности, американская. Это влияние приобретает масштабы культурной и языковой экспансии, которая чревата весьма негативными последствиями, поскольку создает угрозу национально-культурной идентичности народов, представителей иных лингвокультур.

Литература

1. *Грушевицкая, Т.Г., Попоков, В.Д., Садохин, А.П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

2. *Леонтович, О.А.* Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003.

Т. А. Гавриленко

(Гомель, Беларусь)

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Данное исследование посвящено изучению проблемы взаимодействия лингвокультур в условиях межкультурной коммуникации, в результате которого происходит заимствование инокультурных концептов, позволяющее заполнить концептуальные лакуны, проявляющиеся в процессе межкультурной коммуникации при расхождении лингвокультурного опыта.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвокультура, инокультурный концепт, лингвокультурный контекст, инокультурное заимствование, концептуальная лакуна.

The article is devoted to the problem of linguacultural interaction in cross-cultural communication, which sometimes results in cultural borrowings, which may fill in the conceptual gaps, emerging in the process of cross-cultural communication in case of differences of lingua-cultural experience.

Key words: cross-cultural communication, linguaculture, cultural concept, lingua-cultural context, cultural borrowing, conceptual gap.

Проблемы современного мира заставляют человечество воспринимать себя единым сообществом. Но, несмотря на процесс глобализации, ученые приходят к выводу о невозможности формирования единой мировой культуры. Взаимодействие культур, происходящее в результате организованного или спонтанного межнационального общения, приводит как к смешению, так и к конфликту культур. Тенденция расширяющегося взаимовлияния культур сегодня особенно актуальна. Но, несмотря на то, что сейчас мы можем говорить о существовании некой всемирной культуры, созданной во многом благодаря средствам массовой информации и сети Интернет, все-таки культурное и языковое многообразие человечества сохраняется и выражается в совокупности различных образов мира, существующих параллельно.

Главными универсалиями любой культуры, передающимися из поколения в поколение, являются наиболее общие представления о природе, о месте человека в мире, общественных отношениях и культурных ценностях. Даже несмотря на то, что разные культуры во многом обнаруживают сходство, каждая конкретная культура образует уникальную целостность, специфическую систему ценностей и идей, различающихся по их роли в жизни того или иного сообщества. В мировоззренческих универсалиях можно выделить некоторое всеобщее содержание, универсальную моделирующую систему, наличие которой обусловлено универсальностью структур человеческого сознания и способствует взаимовлиянию лингвокультур.

Человек существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на бытовом и бытийном уровнях, в поведенческих стереотипах и нормах, в социальных институтах и предметах материальной культуры [1]. В связи с этим существует тенденция рассматривать культуру как средство передачи социального опыта, обладающее коммуникативными свойствами, которые реализуются с помощью языка – уникальной знаковой системы, способной адаптировать элементы других языков и переводить инокультурные тексты.

Культуры стремятся к самосохранению. Однако сегодня культура способна жить и развиваться только в диалоге с другими культурами, что и происходит в результате межкультурной коммуникации. Различные культурно-языковые сообщества обладают разным опытом, различными представлениями об окружающей действительности и даже различными культурами мышления, что затрудняет совместную актуализацию смысла в процессе вербальной коммуникации, особенно в тех случаях, когда используются слова, передающие культурно-специфическое содержание.

Облегчить взаимопонимание в процессе межкультурной коммуникации могут заимствования, предполагающие определенные знания об иной лингвокультуре. Все случаи заимствования иноязычных слов подразделяются на заимствование слова как средства выражения какого-либо смыслового

содержания, уже принадлежащего данной лингвокультуре, и на заимствование слова как имени инокультурного концепта.

Культура может трактоваться как система знаний, разделяемых всеми членами культурно-языкового сообщества, и как индивидуальный процесс познания, формирующий представления о мире. В течение всей своей жизни человек присваивает культурный опыт и постигает различной сложности смыслы, формируя на их основе концепты. Различия в жизненном опыте приводят к различиям в концептуальных картинах мира. Результаты различных интерпретаций действительности выражаются и передаются при помощи языка. Полное совпадение индивидуальных моделей мира и языковых средств, представляющих эти модели, невозможно, следовательно, невозможно и абсолютно полное понимание.

Поиск слова, наименования для еще неясного смысла есть одновременно развитие собственной концептуальной системы, заполнение концептуальных лакун. Поиск ведется в том числе и с привлечением опыта других лингвокультур. Если автору текста кажется, что у него нет возможности точно выразить мысль на своем родном языке, он может заполнить концептуальную лакуну, заимствуя инокультурный концепт. При этом носителю заимствующей лингвокультуры приходится каким-то образом интерпретировать инокультурные смыслы, встраивать их в собственную концептуальную систему.

Источниками инокультурных заимствований обычно служат языки лингвокультур, имеющих в силу различных причин определенное культурное влияние на представителя заимствующей лингвокультуры.

Усвоение инокультурного концепта осуществляется через смысловую ткань текста, составляющую фон осмысления чужого опыта. Текст, включающий инокультурный концепт, выполняет функцию лингвокультурного контекста, с помощью которого заимствованный концепт встраивается в структуру заимствующей лингвокультуры. Осмысление происходит постепенно при условии наличия интереса к опыту иной лингвокультуры.

Осмысление значений слов является одновременно постижением ментального содержания, для выражения которого необходимы эти слова, освоением концептосферы лингвокультуры. Контекст употребления слов (лингвистический и экстралингвистический) позволяет проследить концептуальные связи, общие для носителей данной лингвокультуры.

Заимствуя единицу чужого языка, носитель принимающей лингвокультуры заимствует и часть инокультурного опыта в виде контекстов употребления заимствования, раскрывающих инокультурный концепт. Однако не всегда носители языка интересуются всей глубиной инокультурного концепта и его употреблением в определенных лингвокультурных контекстах, что порой может привести к искажению самого концепта. Если же слово заимствуется вместе с определенным лингвокультурным контекстом, это предполагает некоторое знакомство с инокультурным концептом.

Иногда заимствуется не столько слово, сколько инокультурный смысл, для которого подбирается средство выражения среди уже имеющихся в распоряжении заимствующего языка единиц. В этом случае обычно применяется калькирование. Например, в английском языке слово fatherland в основном употребляется, если речь идет о Германии (калька с немецкого Vaterland), о России же говорят motherland, и пишут это слово обычно в кавычках, подчеркивая его иностранность и чуждость контексту естественной английской речи [2]. Представление носителей английского языка об отношении к своей родине русских или немцев, отличном от их собственного отношения к своей стране, является не чем иным, как инокультурным концептом, заимствованным благодаря опыту межкультурного общения. Иноязычное слово не всегда заимствуется в качестве имени инокультурного концепта: какой-либо феномен может быть просто описан, представление о нем может быть создано, но не названо.

Таким образом, проблема взаимодействия лингвокультур в условиях межкультурной коммуникации есть проблема диалога, расширяющего сознание, проблема реализации себя через познание чужих ценностных

ориентиров и несоответствий в языковых картинах мира, вызванных разнообразием форм человеческой деятельности и процессов познания мира. В результате такого взаимодействия происходит заимствование инокультурных концептов, позволяющее заполнить концептуальные лакуны, проявляющееся в процессе межкультурной коммуникации при расхождении лингвокультурного опыта. Заимствование инокультурных концептов обычно осуществляется путем описания инокультурного феномена с помощью насыщенного в смысловом отношении текста и может сопровождаться заимствованием иноязычного выражения в качестве имени инокультурного концепта.

Литература

1. *Карасик, В. И.* Языковая личность и доминанты культуры // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. ВГПУ 1994 г. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 52 -53.
2. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.

Т. А. Гавриленко

(Гомель, Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Данное исследование посвящено изучению феномена межкультурной коммуникации, что является важной практической и теоретической задачей, решение которой способно значительно повысить эффективность межкультурного и межнационального взаимодействия и свести к минимуму случаи непонимания и конфликтные ситуации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, взаимопонимание, конфликтная ситуация, знаковая система, социокультурная общность.

The article is devoted to the problem of cross-cultural communication, which is an important practical and theoretical task that can significantly improve the effectiveness of intercultural and interethnic communication and minimize cases of misunderstanding and conflicts.

Key words: cross-cultural communication, mutual understanding, conflict, symbol system, socio-cultural community.

Современные тенденции к глобализации и интернационализации во всех

сферах общественной жизни сопряжены с процессами взаимообогащения и диалога культур и неотделимы от такого понятия как межкультурная коммуникация. Различные по своей истории, традициям, языку, религии культурные общности развиваются, взаимодействуют и влияют друг на друга по внутренне присущим им законам. Они относительно самостоятельны, но оставаясь разными, объективно вынуждены сталкиваться в едином информационном пространстве. Культурные различия сказываются на отношении к множеству проблем, составляющих суть современной мировой политики и экономики, что часто приводит к неизбежным противоречиям и конфликтам как на уровне индивида или социальной группы, так и на уровне отдельных государств.

В связи с этим изучение проблем межкультурной коммуникации, то есть теоретического осмысления условий и возможностей максимального взаимопонимания, избегания конфликтов, достижения нового уровня осознания культурной и психологической общности всего человечества, вне зависимости от каких-либо политических, экономических, религиозных и других различий, является весьма актуальным.

Феномен межкультурной коммуникации является объектом исследования многих научных дисциплин: антропологии, социологии, социальной философии, социальной психологии, филологии, культурологи. Это, с одной стороны, обогащает межкультурную коммуникацию как область научных исследований и служит стимулом к дальнейшей разработке её проблем, но, с другой стороны, вносит некую эклектичность и разноголосицу, отсутствие общих методологических оснований исследования, единых концептуальных подходов.

Так, например, для обозначения межкультурного общения используется множество различных терминов, нередко дублирующих друг друга: межкультурная коммуникация, кросскультурная коммуникация (cross-cultural communication), интеркультурная коммуникация (intercultural communication) и др. Области знаний, занимающиеся привитием навыков

эффективной межкультурной коммуникации, также имеют множественные наименования: межкультурное образование (multicultural education, intercultural learning, cross-cultural training), двуязычное образование (bilingual education) и т. д. [1]. Нет четко определенной теоретической базы, единства терминологии, исходных посылок, которые бы позволили представителям разных областей знаний совместно двигаться в одном направлении. Существует некоторая размытость в определении того, что необходимо считать межкультурной коммуникацией, неоправданное расширение границ межкультурной коммуникации или же, напротив, сведение ее к области лишь прикладных исследований. Все эти проблемы оставляют широкое поле для деятельности и требуют отдельных исследований.

В целом феномен межкультурной коммуникации рассматривается как совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами (непосредственно (личные контакты между людьми) или опосредованно (с помощью писем)), принадлежащими к разным культурным общностям. Общение же при межкультурной коммуникации рассматривается как информационный процесс передачи и обмена сообщениями между культурными субъектами посредством знаковых средств (естественных и искусственных языков), которые являются отличными в разных социокультурных объединениях и непонятными для представителей других социокультурных общностей. Поэтому условно можно выделить следующие направления в исследовании феномена межкультурной коммуникации: выявление межкультурных различий, специфики культур как предпосылок взаимопонимания и взаимодействия между ними; определение механизма межкультурного общения и факторов, способствующих успешной адаптации субъектов межкультурной коммуникации. Стоит заметить, что с годами разнообразие проблем и направлений в исследовании феномена межкультурной коммуникации не только не уменьшается, но, напротив, возрастает, что свидетельствует об исключительной реальной сложности данного феномена.

Межкультурная коммуникация представляет собой результат и

инструмент взаимодействия различных культур в современном мультикультурном и мультиязычном мире. Ее содержание, виды и формы обновляются по мере развития и становления общества. Это особенно заметно там, где новые информационные технологии снимают барьеры пространства и времени в контактах людей и превращают межкультурную коммуникацию в повседневность человеческих индивидов и сообществ [2]. При этом существенные изменения происходят в содержании и формах ранее освоенных человечеством типов межкультурной коммуникации, которые уже не могут далее развиваться по традиционным траекториям и приобретают новые смыслы и значения, обогащая межкультурную коммуникацию и одновременно усложняя процесс ее изучения.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что изучение феномена межкультурной коммуникации, невзирая на всю его сложность и некоторую размытость в определении, является важной практической и теоретической задачей, решение которой способно значительно повысить эффективность межкультурного и межнационального взаимодействия и свести к минимуму случаи непонимания и конфликтные ситуации. Сложность изучения данного феномена заключается в том, что, несмотря на то, что феномен межкультурной коммуникации является объектом исследования многих научных дисциплин, нет четко определенной теоретической базы, единства терминологии, исходных посылок, которые бы позволили представителям разных областей знаний совместно двигаться в одном направлении. Нет достаточного количества научных исследований взаимоотношений между представителями конкретных социокультурных общностей, в которых бы раскрывались не только теоретические основы межкультурной коммуникации, но и решались бы практические задачи межкультурного и межнационального взаимодействия. Все перечисленные проблемы требуют отдельных исследований и свидетельствуют об исключительной сложности и неоднородности феномена межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Гудков, Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ГНОЗИС, 2003.
2. *Красных, В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.

Т.Б. Заграевская

(Пятигорск, Россия)

АФРОАМЕРИКАНСКИЙ ЭТНОСУБЪЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ДИГЛОССНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье дается краткая характеристика основных особенностей афроамериканского этносубъязыка как устойчивой автономной или полуавтономной гетерогенной экзистенциональной формы полинационального английского языка с заметным африканским субстратом, который может создавать ситуацию частичной субъязыковой диглоссии.

Ключевые слова: афроамериканский, диглоссия, лексический, субстандарт, субъязык, этносубкультура, этносоциолект, этносоциум, этносубъязык.

The article presents an outline of main peculiarities of the Afro-American ethnosublanguage as a stable autonomous or half-autonomous heterogeneous existential form of multinational English with a noticeable African substratum which can create a partial diglossal situation.

Key words: Afro-American, diglossia, lexical, substandard, sublanguage, ethnosubculture, ethnosociolect, ethnostratum, ethnosublanguage.

Афроамериканский этносоциум рассматривается как генетически неоднородная совокупность граждан США, ощущающих свое отдаленное общее расовое этноафриканское происхождение и современное афроэтноцентрическое культурное и языковое единство, проявляющееся в качестве своеобразной проекции функциональной стороны американского общества на социально-речевое взаимодействие его членов, социализированных в данной субкультуре, обладающей специфическим афроамериканским этносубъязыком как средством этнолингвистической самоидентификации и диглоссной коммуникации.

Афроамериканский этносубъязык определяется как исторически сложившаяся в процессах пиджинизации – креолизации – декреолизации на американской почве контактно-смешанная достаточно устойчивая автономная или полуавтономная гетерогенная экзистенциальная форма полинационального английского языка с заметным африканским субстратом, которая обладает комплексной системой взаимодействующих норм литературного стандарта и субстандарта, специфическими лексическими средствами общенародного английского языка и лексическими рефлексами ряда западноафриканских аборигенных языков, а также известными фонетическими и грамматическими чертами с некоторыми африканскими реликтами, обслуживая речевое общение представленных в обществе и языковом сообществе США афроэтносоциумов и афроэтносубкультур, единых по своей социально-корпоративной деятельности, отраженной особыми литературными и просторечными лексико-фразеологическими и семантическими средствами в системе специальных для американского афроэтносоциума и афросубкультуры понятий.

Лексико-фразеологическая система афроамериканского этносубъязыка – это исторически сложившаяся, генетически неоднородная, достаточно устойчивая, иерархически структурированная языковая макросистема, составляющая речевой репертуар афроамериканского этносоциума и афроамериканской этносубкультуры, лексические элементы которого организованы в два компонента – литературно-нормативный и субстандартно-социолектный, различающиеся своим отношением к двум видам варьирования социолингвистической нормы – стандартной и субстандартной, и характеризующиеся разнообразной по качеству коннотацией (возвышенной и нейтральной – для первого компонента и сниженной – для второго компонента) и функционально-понятийной закрепленностью за корпоративной областью деятельности афроамериканского этносоциума, или афроамериканской этносубкультуры, и выполняющие комплексную коммуникативно-эмотивную функцию в этнизированной сфере бытия американского варианта английского языка, создавая ситуацию неполной субъязыковой диглоссии.

Афроамериканский этносоциолект – это гетерогенная исторически сложившаяся за пять столетий, относительно устойчивая для каждого этапа своего генезиса и бытия полуавтономная или неавтономная микроформа существования американского национального варианта английского языка, имеющая свою систему социолингвистических норм, коммуникативно, функционально и понятийно закрепленная за неавтохтонным в США афроэтническим социумом и афроамериканской этносубкультурой, обладающая специфичной неконвенциальной лексико-фразеологической системой, элементы которой могут носить субкультурный и локализованный характер, и варьирующим инвентарем нестандартных фоно-грамматических черт, обусловленных этно- и социолингвистическими особенностями речевого поведения афроамериканцев как носителей этого этносоциолекта, микроформа, выполняющая комплексную эмотивно-коммуникативную функцию, создавая при этом ситуацию частичной социолектной диглоссии.

Лексико-фразеологическая система афроамериканского этносоциолекта бытует как исторически сложившаяся, вполне устойчивая, генетически неоднородная, комплексная микросистема лексического субстандарта, составляющая известный компонент речевого репертуара афроамериканского этносоциума и афроамериканской этносубкультуры, языковые элементы которого – афроамериканские этносоциолектизмы (слова и фразеологизмы, представленные афроэтнизированными коллоквиализмами, сленгизмами, жаргонизмами, арготизмами / кэнтизмами и вульгаризмами) – характеризуются сниженной коннотацией различного качества (от шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой до уничижительной и вульгарной), преобладающей эмотивно-коммуникативной функцией (с возможной слабой эзотеричностью) и понятийно-функциональной закрепленностью за корпоративной этносубкультурной областью жизни и деятельности афроамериканского этносоциума в соответствующей ему сфере функционирования американского варианта полинационального английского языка, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии.

Изучение афроамериканских языковых форм началось в первой трети XX века, хотя отдельные упоминания о негритянском английском и даже его стилистическое употребление в литературных произведениях встречаются с конца XVII века [8].

К настоящему времени в лингвистике имеется более 1500 исследований, преимущественно, в форме статей, в которых затрагиваются различные этноформы английского языка в США с участием афроэтнического компонента, в аспектах происхождения, развития, социально-исторической и лингвистической эволюции англоязычных этноформ [4], в аспектах фонологии, ненормативного произношения и грамматики англоязычных этноформ [5], в аспектах (ненормативной) лексики и семантики англоязычных этноформ [1], в аспектах этносоциолингвистических, этносоциопсихологических и лингвокультурных свойств англоязычных этноформ [2], в аспектах диалектных, региональных и национальных вариантов англоязычных этноформ [6], в аспекте гендерной, возрастной и субкультурной вариативности англоязычных этноформ [7], в аспектах коммуникации, регистров общения и дискурса с участием англоязычных этноформ [1], в аспектах компаративного изучения этноформ [3].

Итак, можно вполне объективно утверждать, что в современной лингвистике нет ни одной значительной социолектологической работы, посвященной афроамериканскому этносубъязыку или этносоциолекту, где бы они получили адекватное терминообозначение, определение и, если не социолексикографический анализ, то хотя бы обычное лексикографическое описание.

Практически незатронутыми и совершенно нерешенными остаются такие важные проблемы, как терминообозначение, понятийная дефиниция, место субстандартных компонентов афроамериканских форм в структуре лексической системы английского языка, номинативные и социолингвистические черты субстандартных лексиконов этих этноформ, что должно естественным образом входить в специальное комплексное и детальное *этносоциолексикографическое*

описание этого этносубъязыка и его неконвенциального ингредиента – этносоциолекта – как средства диглоссной коммуникации.

Литература

1. *Abrahams, R. D.* Talking Black / R. D. Abrahams. – Rowley, Mass.: Newbury House Publishers, 1976.

2. *Alim, H. S.* Roc the mic right: The language of hip hop culture. – New York: Routledge, 2006.

3. *Alleyne, M. C.* Comparative Afro-American: An historical-comparative study of English-based Afro-American dialects of the New World / With a forew. by Ian F. Hancock. 2nd print. – Ann Arbor: Karoma, 1980.

4. *Andrews M., Owens P. T.* Black language. – Berkeley (Calif.): Seymour Smith Publishing, 1973.

5. *Bailey, G., Thomas, E.* Some Aspects of African-American English Phonology // African-American English: Structure, History and Use / Edited by Salikoko S. Mufwene, John R. Rickford, Guy Bailey, and John Baugh. – London: Routledge Kegan Paul, 1998. – P. 85-109.

6. *Barbag-Stoll, A.* Social and linguistic history of Nigerian Pidgin English as spoken by the Yoruba with special reference to the English derived lexicon. – Tübingen, 1983.

7. *Bucholtz, M.* From mulatta to mestiza: Passing and the linguistic reshaping of ethnic identity // Gender articulated: Language and the socially constructed self / Ed. by K. Hall, M. Bucholtz. – New York: Routledge, 1995. – P. 351-373.

8. *Cooley, Marianne*. Literary Dialect in The Yorker's Stratagem // Journal of English Linguistics. – Vol. 28. – No. 2, June 2000. – P. 173-192.

Т.В. Лановая

(Симферополь, Украина)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

В статье изложены результаты исследования функционирования заимствований в русском языке и в речи носителей языка, определено соотношение степени освоения этих слов в речи со степенью их освоения в языке.

Ключевые слова: лексика, заимствование, освоение, языковое взаимодействие.

In the article the results of investigation of functioning of borrowings in the Russian language and speech of native speakers are represented, correlation of the stage of adaptation of these words and the stage of their adaptation in the language is defined.

Key words: lexis, borrowing, adaptation, language interaction.

Изучение проблемы языковых заимствований является одним из традиционных направлений лингвистики. Достаточно вспомнить значимые в этой области работы Й. Айдуковича, Е.Э. Биржаковой, У. Вайнраха, Ю.А. Жлуктенко, Л.П. Крысина, Е.Д. Поливанова, В.Ю. Розенцвейга, Э. Сепира, Ф.П. Филина, Э. Хаугена, Г. Шухардта, Л.В. Щербы и других.

Взаимодействие языков – закономерный процесс их развития. Язык, являясь неотъемлемой частью жизни людей, неизбежно должен изменяться вместе с ней. Так, ни один международный контакт не может не отразиться в структуре языка. Э. Косериу считает, что изменение – это не простая случайность, оно принадлежит самой сути языка: в самом деле, «язык создается посредством того, что называют «языковым изменением», а изучать эти изменения не значит изучать «искажения» или «отклонения», наоборот, это значит изучать становление языковых традиций, то есть само создание языков» [3. С. 75].

В лингвистической литературе называется большое количество причин, почему один язык прибегает к заимствованию у другого. Основной внешней причиной является процесс, при котором один народ заимствует у другого вещь или понятие и вместе с ними заимствуется и оригинальное название. Внутриязыковой причиной называется тенденция к замене описательного наименования однословным. Несмотря на изученность данного вопроса и очевидность работы механизма заимствования, по-прежнему среди ученых и общественных деятелей нет единого подхода к рассматриваемому явлению. Одни считают, что этот процесс неизбежен, что русскому языку ничего не угрожает (Н. С. Валгина, М. А. Кронгауз Л. П. Крысин, и мн. др.), другие же (как правило, нелингвисты) придерживаются крайне пуристической точки зрения (движение лингвистических нацистов).

Мы придерживаемся мнения Н. С. Валгиной [2], считающей, что язык способен «самоочищаться», то есть в нем заложен механизм, не позволяющий заимствованиям поставить под угрозу существование языка, в частности,

русского. Для подтверждения данного утверждения мы изучили судьбу иноязычных слов в русском языке.

Отметим, что под «языком» мы подразумеваем кодифицированный русский язык, язык, зафиксированный в словарях. А под «речью» – узуальное употребление. Чтобы получить наиболее полную картину процесса освоения иноязычных слов в речи и в языке мы провели анкетирование 300 респондентов, которым было предложено пятьдесят заимствований разного времени, разных тематических групп, разной частоты употребления и из разных языков-источников. Релевантными данными для нас были возраст (три возрастных группы: от 17 до 25 лет; от 26 до 40 лет и от 41 года и старше) и образование (профессия) респондентов.

Вслед за О.Э. Бондарец мы выделяем следующие признаки степеней освоения иноязычных заимствований в речи: 1) Воспроизводимость иноязычного слова. В письменной речи этот признак определяется количеством словоупотреблений иноязычного слова. В устной речи – количеством носителей русского языка, использующих слово в своей речи. 2) Семантическое освоение иноязычного слова. В письменной речи этот признак определяется употреблением заимствованного слова, в устной речи – знанием значения иноязычного слова носителями русского языка, а также количеством значений многозначного слова, в которых оно используется в письменной и устной речи. 3) Психолингвистический признак, то есть восприятие иноязычного слова как иностранного, «чужого» или как русского, «своего» [1. С. 39-41].

После анализа заполненных анкет, которые в полной мере отражают общую картину освоения иностранных слов в речи рядовых носителей русского языка, мы представили результаты опроса в процентном соотношении (если 0 - 3 % участников опроса дали утвердительный ответ на поставленный вопрос, то это нулевая степень освоения слова; 4 % - 25 % – низкая; 26 % - 45 % – средняя; 46 % - 70 % – высокая; 71 % - 100 % – наивысшая степень освоения). Таким образом в первую группу вошли слова, имеющие нулевую степень освоения в устной речи: *цуфуски*, *заппер*, *цитрон*, *жокрис*, *куафер*.

Вторую группу составляют заимствования с низкой степенью освоения в устной речи: *эрзац*, *абшид*, *марьяж*, *оказия*, *эпистола*, *миттельшнауцер*, *сиквел*, *брифинг*, *хайвей*, *мейнстрим*, *девелопер*, *адвертайзинг*. Третью группу составляют заимствования, имеющие среднюю степень освоения в устной речи: *сатисфакция*, *сэйл*, *шейкер*, *рандеву*, *бомонд*. В четвертую группу вошла заимствованная лексика, с высокой степенью освоения в устной речи: *рецидив*, *юзер*, *конгресс*, *пуф*, *геймер*. Пятую группу составили слова с наивысшей степеню освоения в русской устной речи: *мейкап*, *фэшн*, *фурор*, *караван*, *хэппи-энд*, *рейтинг*, *престиж*, *багаж*, *хит*, *блендер*, *грамота*, *дискуссия*, *компания*, *характер*, *кекс*, *изюм*, *халат*, *актер*, *огурец*, *файл*, *аптека*, *тетрадь* и *туман*.

Чтобы определить степень освоения слов в системе языка, мы проанализировали их фиксацию в словарях. Данную заимствованную лексику можно разделить на следующие группы: 1) заимствования, имеющие нулевую степень освоения: *адвертайзинг, фэшн*; 2) заимствования, имеющие низкую степень освоения: *блендер, геймер, девелопер, жокрис, заппер, мейкап, мейнстрим, миттельшнауцер, сиквел, сейл, цитрон, цуфуски, юзер*; 3) заимствования, имеющие среднюю степень освоения: *абшид, брифинг, куафёр, файл, фурор, хайвей, хеппи-энд, хит, шейкер, эпистола*; 4) заимствования, имеющие высокую степень освоения: *актер, аптека, грамота, изюм, кекс, марьяж, огурец, престиж, пуф, рандеву, рейтинг, сатисфакция, тетрадь, халат, эрзац*; 5) заимствования, имеющие наивысшую степень освоения: *багаж, бомонд, дискуссия, караван, компания, конгресс, оказия, рецидив, туман, характер*.

Установив степени освоения заимствований в речи и языке, необходимо выяснить, как эти степени соотносятся между собой.

Речь всегда предшествует языку, следовательно, степень освоения иноязычного слова в речи должна быть выше, чем в языке. Такое соотношение, вслед за О.Э. Бондарец мы назовем прямым. Прямое соотношение степеней освоения иноязычного слова в языке и в речи отражает закономерный,

естественный процесс ассимиляции его в языке. Прямым соотношением мы считаем и случаи, когда степень освоения иноязычного слова в речи совпадает со степенью освоения в языке. Но если степень освоения его в речи ниже степени освоения в языке, то это обратное соотношение. Такое соотношение не соответствует естественному процессу ассимиляции иностранного слова в принимающем языке. Обратное соотношение сигнализирует о том, что в системе языка не вполне точно зафиксированы или вообще не зафиксированы те процессы, которые происходят с иностранным словом в речи. Выявление случаев обратного соотношения степеней освоения иностранных слов в речи и языке должно помочь в работе по корректировке уже существующих словарей иностранных слов и при создании новых словарей.

Прямым соотношением характеризуются такие слова, как *актер*, *аптека*, *грамота*, *девелопер*, *мейнстрим*, *миттельшнауцер*, *сиквел*, *шейкер*, *пуф*, *багаж*, *дискуссия*, *изюм*, *караван*, *кекс*, *конгресс*, *компания*, *огурец*, *престиж*, *тетрадь*, *туман*, *халат*, *характер*. А несоответствия мы находим в степенях освоения таких слов: *абшид*, *адвертайзинг*, *блендер*, *бомонд*, *брифинг*, *геймер*, *жокрис*, *заппер*, *куафер*, *марьяж*, *мейкап*, *оказия*, *рандеву*, *рейтинг*, *рецидив*, *сатисфакция*, *сэйл*, *файл*, *фурор*, *фэшн*, *хайвей*, *хит*, *хэппи-энд*, *цитрон*, *цуфуски*, *эпистола*, *эрзац*, *юзер*.

Проведенное исследование иллюстрирует языковую необходимость заимствовать новые слова (так как большинство из них не имеет русских аналогов, потому что отображает «нерусскую» действительность) и доказывает наличие в языке механизмов «самоочищения» (так как слова, переставшие отображать актуальные для современных носителей русского языка реалии, зафиксированы только в словарях конкретных эпох). Иностранные слова, которые вошли в систему русского языка, ассимилировались в нем, как правило, имеют одинаковую степень освоения в письменной и устной формах языка. Также мы считаем, что современные заимствования, которые имеют большую степень освоения в узуальном употреблении, в ближайшее время

будут зафиксированы в словарях. Степень освоения слова непосредственно зависит от времени заимствования.

Литература

1. *Бондарец, О. Э.* Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект / под ред. Г. Г. Инфантовой. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. Ин-та, 2008.
2. *Валгина, Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. – М.: Логос, 2001.
3. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). – 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Н.И. Лепухова

(Нежин, Украина)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ВОКАЛИЗМА ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(на примере английского, немецкого, русского и украинского языков)

Наше исследование посвящено сопоставлению систем вокализма английского, немецкого, русского и украинского языка и выявлению различий и общностей между ними.

Ключевые слова: вокалический/ консонантический тип языка, дифтонг/ монофтонг, долгота/ краткость звуков, закрытость/ открытость, напряженность, лабиализованность, назализация звуков.

The article is devoted to the comparison of vowel systems in the English, German, Russian and Ukrainian languages and to the identification of differences and similarities between them.

Keywords: vocalic/ consonantic type of the language, diphthong/ monophthong, length/ shortness of sounds, closed/ open sounds, tension, labialization, nasalization of sounds.

Сравнение или сопоставление является одним из основных методов изучения языка. Английский, немецкий, русский и украинский языки можно сравнивать в историческом плане, поскольку они принадлежат к одной семье индоевропейских языков и имеют гипотетического общего предка. Наряду с

этим, германские языки, к которым относятся английский и немецкий языки, и славянские языки, к которым относятся русский и украинский языки, имели разный языковой материал, в ходе истории каждая группа языков и каждый отдельный язык развивались и сейчас развиваются по своим внутренним законам, что объясняет значительные отличия в грамматическом и фонетическом строении и лексической структуре этих языков.

Занимаясь сравнительным анализом языков, следует обратить особое внимание на звуковую сторону языка, поскольку она является непосредственной реальностью языка, делает возможным процесс коммуникации, развитие речи и передачу ее из поколения в поколение.

Актуальность исследования связана с повышением в последнее время интереса к исследованиям в области сравнительной типологии (сравнительной фонетики в частности) и ростом культурно-политических и экономических связей между Россией, Украиной, Германией и Англией, что способствует заинтересованности в исследовании именно этих языков, различий и общностей между ними, обусловленных их взаимовлиянием.

Известный исследователь типологии славянских языков А.В. Исаченко относит русский и украинский язык к консонантическим языкам [4. С.110]. К вокалическим языкам относится английский язык, поскольку в нем количество гласных фонем преобладает над количеством согласных. Немецкий язык можно отнести к консонантическим языкам, поскольку согласных фонем в нем больше, чем гласных [9. С.7]. Количество гласных в английском и немецком языке значительно больше, чем в украинском и русском [3. С.7]. Английская система гласных фонем состоит из 12 монофтонгов и 9 дифтонгов. Система гласных немецкого языка имеет 15 монофтонгов и 3 дифтонга. Русский и украинский языки используют всего 6 гласных - монофтонгов [2. С.7; 2. С.40]. В системе гласных данных языков наблюдаются фонетические противопоставления по принадлежности к ряду, степени поднятия языка, по огублению, по стабильностью артикуляции, продолжительностью, степени напряженности языка (качеству) [7. С.25]. Таковы основные признаки

классификации гласных звуков. От классификации перейдем к более детальной характеристике систем английского, немецкого, русского и украинского вокализма и их сравнению.

В системе английского и немецкого вокализма в отличие от системы русского и украинского вокализма монофтонги противопоставляются дифтонгам [6. С.36; 9; 5]. Явление дифтонгизации не имеет места ни в русском, ни в украинском языках. Основным отличием английской и немецкой системы гласных от русской и украинской является то, что в них отдельные фонемы могут противопоставляться по своей долготе (есть длинные и короткие гласные). Сравнивая системы английского, немецкого и русского, украинского вокализма, все ученые однозначно утверждают, что в отличие от английского и немецкого языка в украинском и русском языках долгота гласных не является фонематическим качеством [3. С.7; 10. С.57]. Однако долгота русских и украинских гласных в живом произношении значительно больше, чем долгота английских и немецких кратких гласных, но значительно меньше долготы английских и немецких долгих гласных [3. С.8; 10. С.57-58]. Долгота/ краткость гласных сопровождается в английском и немецком языке, как правило, закрытостью/ открытостью. Долгие гласные обычно закрытые, а короткие – открытые [5. С.17]. Долгота/ краткость английских и немецких гласных связана не только с закрытостью/ открытостью, но и с напряженностью/ ненапряженностью артикуляции, что связано с напряженностью спинки языка. Все долгие гласные являются напряженными, а все короткие – ненапряженные [9. С.9].

Поскольку украинский и русский вокализм не имеет дифференциальной продолжительности, то можно сделать вывод, что он не имеет и связанного с ним явления закрытости/ открытости. Все русские гласные по сравнению с гласными английского и немецкого языков – звуки ненапряженные, в начале и в конце гласных среднего подъема языка возможны призвуки смежных (за рядом и за поднятием языка) гласных. Ненапряженность гласных способствует тому, что гласные в ударных позициях очень отличаются от тех

же гласных в безударных позициях. Каждая гласная фонема представлена значительным количеством разнообразных оттенков – сильных или слабых; безударное [о] звучит как сильное или слабое [а], безударное русское [е] звучит близко к русскому [и] [10. С.56].

Украинский вокализм по сравнению с русским вокализмом более напряженный, качество гласных в безударных слогах сохраняется достаточно хорошо, больше меняется безударное [е], приближаясь к [и] [10. С.57]. Ю.А. Жлуктенко, рассматривая напряженность/ ненапряженность гласных, отмечает, что гласные звуки украинского языка не достаточно отчетливо напряженные, «звук [і] – единственный, относится к категории определенно напряженных звуковых типов» [3. С.9].

В данных языках гласные противопоставляются также по огублению: лабиализованные/ нелабиализованные. При этом наиболее лабиализованные будут гласные немецкого языка, поскольку губы в немецком языке активно участвуют в производстве звуков. Русским и украинским гласным фонемам также свойственна оппозиция лабиализованность/ нелабиализованность. Русские и украинские гласные менее лабиализованные в отличие от немецких гласных, однако они более лабиализованные по сравнению с английскими гласными, при артикуляции которых губы малоподвижные, в большинстве случаев прижаты к зубам [2. С.10; 7. С.27].

В артикуляции немецких гласных звуков имеет место частичная назализация звуков [5. С.18], что можно наблюдать также в английском языке только в определенных позициях гласных звуков в слове (например, рядом с сонантами). Все русские и украинские гласные звуки являются неносовыми [8. С.65].

В отличие от гласных английского, русского и украинского языков, немецкие гласные в начале слова и слога произносятся с сильным или новым приступом, который состоит в напряженности голосовых связок при артикуляции звуков.

Итак, сравнив системы английского, немецкого, русского и украинского вокализма, можно выделить следующие основные различия между ними:

1. тип языка (английский язык – вокалический; немецкий, украинский, русский языки – консонантический);

2. количество гласных (английский язык – 12 монофтонгов и 9 дифтонгов; немецкий язык – 15 монофтонгов и 3 дифтонга; русский и украинский языки – 6 монофтонгов);

3. длительность звучания и вместе с тем открытость/ закрытость, напряженность/ ненапряженность;

4. лабиализованность/ нелабиализованность;

5. частичная назализация гласных фонем немецкого и английского языка в отличие от русских и украинских гласных фонем;

6. сильный или новый приступ гласных звуков немецкого языка в начале слова и слога, который не характерен для английской, русской и украинской звуковых систем.

Литература

1. *Буланин, Л.Л.* Фонетика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1970.
2. Введение в сравнительную типологию английского, русского и украинского языков. – К.: Вища школа, 1977.
3. *Жлуктенко, Ю.О.* Порівняльна граматика англійської та української мов. Посібник для вчителів. – К.: Радянська школа, 1960.
4. *Исаченко, А.В.* Опыт типологического анализа славянских языков//Новое в лингвистике. Вып.III.- М.: с.106-121.
5. *Козьмин, О.Г., Сулемова, Г.А.* Практическая фонетика немецкого языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.»- 2-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1990.
6. *Корунець, І.В.* Порівняльна типологія англійської та української мов. Навч. посібник. – Вінниця: Нова книга, 2003.
7. *Левицький, А.Э. Славова, Л.Л.* Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пос-е. – Житомир: Изд-Во ЖГУ, 2005.
8. *Матусевич, М.И.* Современный русский язык. Фонетика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус.яз. и література». – М.: Просвещение, 1976.

9. *Прокопова, Л.І.* Вступний курс фонетики німецької мови для вузів: Навчальний посібник. – К.: КиМУ, 2003.
10. *Сунцова, І.П.* Вступний курс фонетики німецької мови. Видання друге, перероблене і доповнене. – К.: Радянська школа, 1960.

Л. С. Москаленко

(Симферополь, Украина)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА УКРАИНЫ

Статья посвящена проблеме варьирования русского языка. В ней рассматриваются особенности русского языка Украины на лексическом уровне.

Ключевые слова: национальный вариант, региональный вариант, варьирование языка, украинский национальный вариант русского языка, морфемная деривация.

The article is devoted the problem of variation of Russian. It examines the features of the Ukrainian variant of the Russian language at a lexical level.

Keywords: national variant, regional variant, language variation, the Ukrainian national variant of Russian, morphemic derivation.

Русский язык после распада СССР и образования независимых государств рассматривается как полинациональный язык, имеющий несколько центров развития: «1) на территории его исконного распространения, в Российской Федерации; 2) в ограниченном регионе инонациональной среды» [2. С. 4]. В странах, использующих русский язык в качестве одного из основных средств осуществления социального взаимодействия, он приобретает определенные черты, отличающие его от языка России. Русский язык, функционирующий в этих государствах, определяется как региональный или национальный вариант. Так, русский язык, использующийся на Украине, является украинским вариантом русского языка.

Вариативный характер русского языка в странах СНГ и Балтии становится одним из наиболее актуальных и спорных вопросов современной русистики. Он освещен в работах таких ученых, как А.Н. Рудяков, Е.А.Журавлева, В.Ю. Михальченко, В.И. Беликов, Ю.В. Дорофеев, И.Н.Кошман, Р.В. Забашта и др.

Признаками формирования вариантов русского языка являются изменения на всех языковых уровнях. Наиболее заметны проявления особенностей в лексической системе, поскольку изменения в лексике множественны, разнообразны и во многом разнонаправлены, они происходят часто и протекают с большей легкостью и скоростью, чем другие виды языковых изменений [3. С. 197].

Изменение условий социальной реальности приводит к заполнению появляющихся семантических лакун, и, как следствие, появлению новых понятий. Одним из основных путей появления новых слов в языке является морфемная деривация, которая состоит в образовании новых слов из наличного морфемного материала данного языка. Для каждого варианта русского языка характерно образование новых слов независимо от российского и других вариантов русского языка.

Учитывая вышесказанное, целью статьи является рассмотрение путей возникновения новых слов, образованных за счет ресурсов русского языка, в одном из вариантов русского языка – украинском.

Функционирование языка в разных государственных образованиях приводит, прежде всего, к изменениям в общественно-политической сфере лексики. Появление политических партий, организаций, органов управления и т.п. сопровождается возникновением новых номинативных единиц: *«Партия регионов», «Наша Украина», фонд «Отклик», Служба безопасности Украины* и т. д.

Данные номинации служат мотивирующими при образовании ряда слов, главным образом обозначающих относящиеся к ним явления и их представителей, сотрудников. Мотивирующими единицами становятся:

- полные названия партий, организаций и т.д.:

«Партия регионов» → регионал, регионалка: Как известно, ранее Шевченковский райсуд Киева признал недостоверной информацию, распространенную ***регионалкой*** *в адрес бютовца* ("Западная информационная корпорация", 01.09.2010).

*«Наша Украина» → нашеукраинец, нашевец (НАШевец), нашист, нашизм: «**Нашисты**» собираются объединяться с идеологически близкими партиями* (http://www.bagnet.org/news/summaries/ukraine/2011-09-27/160251).

- аббревиатуры:

БЮТ (Блок Юлии Тимошенко) → бютовец (БЮТовец), бютовка (БЮТовка): *Также Верховная Рада отклонила ряд альтернативных законопроектов, в частности, депутата от НУНС Арсения Яценюка и **бютовца** Льва Бирюка* ("Западная информационная корпорация", 30.08.2010).

*СБУ (Службы безопасности Украины) → эсбэушник (СБУ-шник): На втором этаже, в правом крыле, где находится кабинет Довгого, стоял **СБУ-шник** в маске* ("Западная информационная корпорация", 7.07.10).

- фамилии лидеров партий:

Тимошенко (лидер партии *Блок Юлии Тимошенко*) → *тимошенковец: Главный крымский **тимошенковец** затосковал по временам Юрия Мешкова* (http://placeon.ru/2011/07/20/).

Янукович (лидер партии «*Партия регионов*») → *януковец: Как откровенный **януковец** мог попасть на этот пост, все просто недоумевают* (http://maidan.org.ua/static/mai/1120504002.html).

Как видно, появляются дублетные номинации, представленные как фонетическими вариантами (*СБУ-шник* и *эсбэушник*), так и образованиями из разных основ (*нашеукраинец, нашист, нашевец, ющенковец*).

Некоторые единицы функционируют и в языке Украины, и в языке других государств. Например, слово *фронтовец* есть также в русском языке Белоруссии: *В Могилеве **фронтовец** требует через суд отремонтировать дорогу* (http://euroradio.fm/ru/node/14169). *Главный «**фронтовец**» Одесщины с гордостью отметил, что вновь прибывшие политические соратники не движимы меркантильными интересами, их объединило желание увидеть Украину другой* (http://novaodessa.tv/news/2011/02/12/front_peremen_popolnilsya_novimi_partiytsami). Однако появление его в украинском и белорусском вариантах происходило независимо друг от друга. В Белоруссии оно

образовано от названия партии «Белорусский Народный Фронт», а в Украине от партии «Фронт перемен». Это подтверждает параллельное развитие русского языка в различных государствах при использовании единого морфемного материала.

О различном образовании новой лексики свидетельствуют номинации реалий, возникших после раздельного существования бывших советских республик. Так, появившийся в последнее десятилетие экзамен для поступления в высшие учебные заведения в русском языке Украины называется *Внешнее независимое оценивание (ВНО)*, в языке России – *Единый государственный экзамен (ЕГЭ)*.

Использование новой лексики происходит в разных вариантах русского языка относительно независимо. Например, основным вариантом именования мобильной/сотовой связи в Украине является вариант *мобильный*, в отличие от России, где параллельно употребляются оба варианта. Наименования телефона также различаются. Ядро в русском языке Украины составляют единицы *мобильный телефон, мобильный, мобилка* и *мобильник*: *Пока дооформили документы, пока решили вопрос с* ***мобильными телефонами*** *и местными SIM-картами, пока распределились по машинам…* (Фролов К. Гималайский спасатель). *Она оказалась вполне современной барышней: даже в наше глухое село захватила* ***мобильный*** (Тышковская Л. Пропала собака). ***Мобилка*** *отключена* (Дяченко М. Две). *А потом, может быть, перезвонил бы Владу на* ***мобильник…*** (Дяченко М. Долина Совести). Как отмечает В.И. Беликов, из разговорных номинаций, по данным периодики, *мобилка* и *мобильник* используются в Украине как равноправные, хотя в России первая уступает второму более, чем в 20 раз [1. С. 32].

Следует также отметить образования аббревиатур. В русском языке Украины данный процесс достаточно активен: *Кабмин, КМУ* (*Кабинет Министров Украины*), *УНИАН* (*Украинское независимое информационное агентство новостей*), *Госфинуслуг* (*Государственная комиссия по регулированию финансовых рынков Украины*) и т. п.

Таким образом, номинативные единицы, появившиеся в русском языке Украины, будут характеризовать данную страну и употребляться в основном в ней. Носителям других вариантов русского языка они будут, вероятнее всего, неизвестны или будут иметь экзотический характер. Это свидетельствует о том, что в зависимости от государства, в котором используется русский язык, насыщенность и содержательность лексической системы будет неодинаковой. Расхождения в лексической системе становятся одним из признаков варьирования русского языка в зависимости от государства, в котором он функционирует.

Литература

1. *Беликов, В. И.* Лексические особенности русского языка Украины и их связь с языком России // Украина – Западная Сибирь: диалог культур и народов. Украинская диаспора в полиэтничном регионе. Материалы международной научно-практической конференции. 10 ноября 2007 года. – Тюмень: ИГИ ТюмГУ, 2007. – С. 30-33.

2. *Журавлева, Е. А.* Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: автореф. дис. На соискание учен. степени докт. филол. наук.: спец. 10.02.01 «русский язык». – Алматы, 2007.

3. *Мечковская, Н. Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. – М.: Флинта: Наука, 2009.

Е.О. Муравьева

(Москва, Россия)

ЯЗЫК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Наше исследование посвящено современным процессам в культурной составляющей процесса глобализации и социокультурной роли языка в сохранении национальной идентичности и осуществлении диалога культур.

Ключевые слова: глобализация, диалог культур, социокультурология, транскультурация, этническая идентичность.

The article is devoted to the cultural aspects of the process of globalization and to the sociocultural role of a language in preserving national identity and in facilitating cross-cultural communication.

Key words: globalization, cross-cultural communication, socioculturology, ethnical/national identity.

В последние годы значительно выросло количество культурологических осмыслений глобализации. Еще более симптоматичным является постепенный перенос акцента на транскультурные и гетерокультурные тенденции в процессах глобализации, которые не столь очевидны, как ее унифицированность, но, являясь неизбежным следствием усложнившихся процессов культурного взаимодействия в мировом масштабе, имеют шанс очень серьезно повлиять на закономерности культурных изменений в будущем. Различия, укорененные в гетерогенности современного социума, отражаются в том числе и в языке. В нашем небольшом исследовании мы рассмотрим язык с точки зрения его социокультурной значимости в новых глобальных процессах.

Известно, что язык формируется как универсальная семантическая система передачи культурного опыта, норм и традиций. Язык является одной из главных форм существования традиций в культуре. Проводятся исследования о роли языка в определении способов восприятия, мышления и действия.

Отсюда следует, что все формы человеческого жизненного сообщества суть формы сообщества языкового: «тот, кто имеет язык, имеет мир» [1. С. 520]. При этом следует особо подчеркнуть, что «иметь мир», - значит, по Гадамеру, иметь отношение к миру, которое требует свободы «ставить перед собой встречающееся таким, каково оно есть», то есть «возможность представления означает одновременно обладание миром и обладание языком» [1. С. 524].

Основоположник сравнительного языкознания, антрополог Вильгельм Гумбольдт считал, что «различные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [2. С. 349]. Язык – это особый способ восприятия и мышления, который воздействует на характер народа и на духовную организацию человечества. Различия между

языками – это не просто знаковые различия, слова и формы слов образуют и определяют понятия и являются различными «языковыми мировидениями». Через язык все созданное народом в прошлом воздействует на человека.

Считается, что язык является одной из самых консервативных сил в человеческой культуре. И, тем не менее, в языке постоянно совершаются фонетические и семантические изменения, которые носят не случайный характер, а являются неотъемлемым условием развития языка. Самовыражение себя в коммуникации с другими – вот два процесса, каждому из которых в равной мере присущ динамизм и устойчивость. Это позволяет взглянуть под новым углом зрения на процессы, связанные с новым уровнем «знаковости», «кодирования», «символичности», языковой коммуникации, служащей основой взаимопонимания.

С точки зрения Э. Кассирера, «во всех видах человеческой деятельности обнаруживаются основополагающие полярные противоположности, которые можно описать по-разному. Можно говорить о напряжениях, возникающих между устойчивостью и изменчивостью, между тенденцией, ведущей к постоянным, стабильным формам жизни и тенденцией к изменению этой жесткой схемы. Человек разрывается между двумя этими тенденциями – к сохранению старых форм и производству новых» [4. С. 155]. Этот двоякий процесс обнаруживается во всех символических формах: в мифологии, религии, языке. В современном обществе тенденция к изменению столь стремительна, что коды языка, компьютерного сленга, например, становятся значимым фактором идентичности и одновременно отличия от других.

Язык, обеспечивая коммуникативную общность, обусловливает нормы взаимодействия в обществе: предметно-практическая деятельность в ситуации общения – это то основание, априорное условие, реализация которого позволяет ребенку усваивать всю систему значений, существующих в обществе, и предметных, и ролевых, и символических. При этом особую роль имеет то, как человек входит в мир языка и коммуникативных норм, и как они, в свою очередь, взаимодействуют и

аффективно-мотивационными структурами его психики. Вхождение человека в коммуникативную общность с помощью языка может осуществляться по-разному, на разных уровнях:

1) в социолингвистическом плане – как взаимодействие разноязычных социумов;

2) в психолингвистическом плане – как индивидуальное двуязычие (какой-то части говорящих);

3) на собственно лингвистическом уровне (как смешение, взаимопроникновение нескольких самостоятельных, самодостаточных языковых систем).

Глобализация социальных связей людей выводит их за пределы определенной культуры, приобщает к эталонам других культур. Язык, являясь неотъемлемой частью любой культуры, с одной стороны, является национальным идентификатором этой культуры, с другой стороны, если язык является и языком межнационального общения различных этнических групп, то такой язык может способствовать расширению социокультурного опыта представителей этих этносов. Сферы потребления, досуга и развлечений, так называемая массовая культура приобретают во всем мире все более гомогенный характер, мало отличаются по своему «наполнению» в обществах, принадлежащих к различным цивилизациям. Эти аспекты глобализации имеют наиболее очевидный, повседневно наблюдаемый характер и создают почву для теории универсальной вестернизации мира.

Группы, втянутые в процесс глобализации, оказываются носителями не одной, а двух и более культур. В то же время ряд исследователей считает возможным говорить о формировании новой глобальной культуры или даже культур, имея в виду эталоны наиболее стремительно распространяющихся культур [3. С. 349]. Другие считают, что идея «глобальной культуры» является отражением скорее утопического проекта, нежели отражает реальность. «Мир конкурирующих культур, стремящихся улучшить свой относительный статус и расширить свои культурные ресурсы, – пишет, например английский

социолог Э. Смит, – не создает значительной базы для реализации глобальных проектов, несмотря на наличие технических и лингвистических инфраструктурных возможностей» [5. С. 188]. Э. Смит считает, что частичное смещение культур делает возможным формирование «культурных семей», «предвещающих переход к более широким культурным ареалам» [5. С. 188].

Глобальное ведь не обязательно синонимично унификации, единой для всех идентификации, а локальное не всегда отличается гетерогенностью и строится на раз и навсегда данных «естественных различиях». Впрочем, и само «разнообразие» предполагает обязательно наличие транскультурных тенденций.

Транскультурация основывается на динамическом многообразии, предполагая новое осмысление как уже рассматривавшихся прежде явлений границ, миграций, полингвиальности, культурного многообразия, так и актуализировавшихся сегодня понятий транснациональных языков, дискурсов и традиций, вышедших на первый план в культурных процессах конца XX века. Транскультурация, как новая эпистема, основывается на культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры и языки встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на «непрозрачность».

Итак, можно сказать, что мир, в котором мы живем сегодня, познал две диаметральные крайности: глобальность человеческих отношений в сфере коммуникационных технологий, объединяющих разрозненные социумы в единый, зачастую бессвязный конгломерат, и активное сопротивление процессу слома барьеров, поскольку культуры, а вместе с ними и языки все равно сохраняют значительную степень автономии. Ни глобализация информационных потоков, ни национальная замкнутость не могут оцениваться однозначно. На наш взгляд, в любом случае через общение на родном языке, национальные праздники, телевидение, чтение газет, прослушивание радиопередач – национальное остается доминирующей стороной индивидуального сознания.

Литература

1. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод. - М., 1988
2. *Гумбольдт, В.* Язык и философия культуры. – М., 1985.
3. *Дилигенский, Г.* Человек перед лицом глобальных процессов. // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития, - М., 2003.
4. *Кассирер, Э.* «Опыт о человеке». Часть вторая. Человек и культура. Выводы и заключения// Хрестоматия по истории философии от Шопенгауэра до Дерриды. - М., 2001.
5. *Smith, A.* Towards a global Culture? In Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. London – Thousand Oaks (Calif) – New Delhi, 1997.

РАЗДЕЛ VI. КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

А.И. Заволокин, В.В. Миронов

(Рязань, Россия)

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА ПЕРЕВОДА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АКТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

Статья посвящена использованию методов математической лингвистики в практике переводов с русского языка на английский. Созданный алгоритм можно использовать также и для машинного перевода текстов.

Ключевые слова: математическая лингвистика, алгоритм перевода.

The article is devoted to applying the methods of mathematical linguistics in practice of translation from Russian into English. The suggested algorithm can be used for machine translation of texts as well.

Key words: mathematical linguistics, algorithm of translation.

Введение. В современном языкознании при использовании языков для общения и передачи информации большое значение приобретает возможность использования компьютерных или алгоритмических способов общения или перевода. Во время процесса перевода с русского на английский язык переводчик изначально не знает, что он будет произносить в следующее

мгновение и в какой форме. Следовательно, его сознание всегда «держит наготове» весь речевой лексико-грамматический аппарат. В предложении указывается субъект, и обычно называется его действие или признак, объект действия, обстоятельства, в которых происходит действие. Кроме того, каждый член предложения, если он выражен существительным, может иметь определение.

Таким образом, перед исследователем стоит следующая проблема.

Проблема. *Каким образом последовательно выразить все эти рассматриваемые понятия в одном предложении?*

Решение. Для решения этой проблемы выделяется 10 групп грамматических задач, которые объединены в матрицу и которые обязательно должен решать любой произносящий предложение:

Рассмотрим такую «речевую» матрицу, которую мы назовем *сводной матрицей речевых задач* (таблица 1).

таблица 1

Сводная матрица речевых задач

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Прост Главн Прид[24]	Пов ? ?п[24] !	1 2 4 3 5	Безл Им- Безл Сущ	М[45] ЭМ	П Н Б [45] Бп[45]	П Д[45] С [45] ДС[45]	Из Поб[1] Сосл	ДЗ Стр[45]	Inf P1 P2 G

В матрице введены следующие обозначения:

1 колонка – статус предложения: простое, главное, придаточное; **2** – тип высказывания: повествовательный (Пов), вопросительный (?), вопрос к подлежащему (?п), восклицательное (!); **3** – номера схем. 1 схема соответствует побудительному предложению. 2 и 4 схемы соответствуют прямой последовательности произнесения главных и второстепенных членов предложения, причем 4 схема со вспомогательным или модальным глаголом. 3 и 5 схемы соответствуют вопросительным предложениям, причем 5 схема обязательно со вспомогательным или модальным глаголом. **4** – безличные конструкции (Безл – безличное предложение, ИмБезл – именное безличное

предложение) и правило «Существования или наличия» (оборот **there be**). **5** – модальность: модальный глагол (М), эквивалент модального глагола (ЭМ). **6** – время: прошедшее (П), настоящее (Н), будущее (Б), будущее в прошедшем (Бп). **7** – действие: простое (П), длительное (Д), совершенное (С), длительное в совершенном (ДС). **8** – наклонение: изъявительное (Из), побудительное (Поб), сослагательное (Сосл). **9** – залог: действительный (ДЗ), страдательный (Стр). **10** – выражение действия с помощью неличных форм глагола: инфинитива (Inf), причастия I (P1), причастия II (P2), герундия (G).

Цифры верхним индексом означают, что данные задачи могут быть реализованы только в указанных схемах.

Авторами разработана специальная так называемая *грамматическая матрица* (таблица 2). Некоторый аналог подобной матрицы предложен, к примеру, на сайте [1].

таблица 2

Грамматическая матрица

<table>
<tr><th>Левая половина страницы</th><th colspan="3">Правая половина страницы</th></tr>
<tr><td>Схемы предложений.
Формы глагола</td><td colspan="3">Список местоимений</td></tr>
<tr><td>Восклицательное
предложение</td><td colspan="3">Список неопределенных местоимений и наречий</td></tr>
<tr><td>Сослагательное наклонение</td><td rowspan="7">Список
союзов</td><td rowspan="7">Артикли</td><td rowspan="7">Список
вопросительных слов</td></tr>
<tr><td>Страдательный залог.</td></tr>
<tr><td>Существование чего-либо
(оборот there be)</td></tr>
<tr><td>Безличные и именные
безличные предложения</td></tr>
<tr><td>Модальные глаголы</td></tr>
<tr><td>Придаточные предложения</td></tr>
<tr><td>Таблица времен
английского языка</td><td>Наречия</td><td colspan="2">Причастие, герундий,
инфинитив</td></tr>
</table>

Схемы предложений и формы предложений.

При переводе с русского языка на английский необходимо, очевидно, следовать правилам грамматики. Системный подход подразумевает, как известно, движение от общего к частному. Для этого нужно применить все известные (см. матрицы 1, 2) правила и выбрать нужные, к примеру, методом исключения ненужных. В результате с необходимостью должно получиться так

называемое индивидуальное правило – **формула предложения**. И, значит, для достижения целей необходимо работать по определенному алгоритму.

Алгоритм этот включает в себя 5 шагов:

1. исходя из цели высказывания, определяется общий тип предложения: А. простое, сложносочиненное или сложноподчиненное; Б. восклицательное, побудительное, повествовательное, вопросительное и вопрос к подлежащему; В. безличное предложение, именное безличное предложение или существование чего-либо (оборот there be); **2.** определяется, выражает ли субъект предложения модальность, затем определяется глагол или страдательное причастие, подтверждается действие или отрицается, а также уточняется залог глагола; **3.**определяется наклонение (сослагательное или изъявительное), время и действие глагола; **4.** определяется схема, которая показывает, в какой последовательности следует произносить слова предложения; при этом в **4.а.** определяется, нужно ли выражать второстепенные действия в предложении неличными формами глагола. **5.** дополнительный пункт алгоритма касается правила произнесения артикля или конкретизирующих слов перед существительными.

Из приведенного алгоритма видно, что приходится полностью «пробегать» по всем грамматическим правилам в рамках только одного предложения.

Рассмотрим конкретный пример работы с приведенными таблицами и алгоритмом.

Тестовое задание. *Дается предложение «Ваше задание – прочитать текст». Составить формулу предложения в режиме перевода с русского на английский язык и с ее помощью перевести данное предложение.*

Решение. Алгоритм решения задачи имеет следующий вид.

1. Цель высказывания – передача информации, повествование, поэтому предложение повествовательное (записываем под предложением: Пов[24]). Проверяется, нужно ли следовать правилам «безличное предложение», «именное безличное предложение» и «существование чего-либо (**there be**)». В

данном случае – нет. Теперь можно переходить к пункту 2 предложенного алгоритма.

2. Определяется, выражается ли в предложении модальность. В данном случае – нет. Определяется глагол-сказуемое в личной форме. Он отсутствует, но подразумевается глагол «есть» в качестве связки, то есть ***be*** в английском варианте. Именная часть сказуемого (ИЧС) выражена словом «прочитать» в форме инфинитива с дополнением «текст» к нему. Необходимо помнить, что глагол be может произноситься только в форме действительного залога, если только он не вспомогательный, поэтому залог по умолчанию – действительный. ФП теперь должна выглядеть так: Пов^{24} + ***be***.

3. Уточняется наклонение. В сослагательном наклонении предложение звучало бы «Ваше задание ***было бы*** (= ***заключалось бы*** в том чтобы) прочитать текст». Это значит, что наклонение по умолчанию изъявительное. Далее определяется время и вид действия. В данном случае – настоящее простое (глагол **be** в длительность не может выражать, а совершенность в данном предложении явно не выражается). Дополняем ФП: Пов^{24} + ***be*** НП.

4. Уточняется схему. Глагол ***be*** в НП не требует произнесения перед собой вспомогательного в НП. Это значит, что схема 4 исключается. Дополняем ФП: Пов^{24} + ***be*** НП 2.

5. В предложении называется второстепенное действие «прочитать». Его можно выразить в данном случае двумя способами: инфинитивом и герундием. Дополняем после знака // в ФП обозначение ИЧС-Inf или ИЧС-G, что означает: именная часть сказуемого выражаемая инфинитивом или герундием. Теперь ФП принимает вид: Пов^{24} + ***be*** НП 2 // ИЧС-Inf/G. Полная же ФП выглядит так: Пов^{24} + ***be***(связка) ДЗ Из НП 2 // ИЧС-Inf/G. Действительный залог (ДЗ), изъявительное наклонение (Из) подразумеваются по умолчанию, поэтому их можно не вписывать в ФП.

В результате имеем: «Предложение – простое, повествовательное; сказуемое выражается именной частью (инфинитивом или герундием) и глаголом-связкой ***be***, положительным (+), в действительном залоге,

изъявительном наклонении, в форме настоящего простого времени. Слова в предложении надо произносить по схеме 2.»

6. «Включаем» правило-напоминание, по которому говорящий не имеет права произносит существительные, не применив к ним правило **артикля**.

Затем переводчик переводит данное предложение, причем в 2-х вариантах: *Your task is to read the text. = Your task is reading the text.* Задача решена.

Апробация методики. Данный метод использовался при обучении переводу с русского языка на английский язык учащихся школы № 19 города Рязани в период с 1997 по 1999 годы. Методика применялась по отношению к студентам дневного отделения неязыковых специальностей Рязанского государственного радиотехнического университета (РГРТУ). Методика применялась также для обучения студентов по программе «Перевод в сфере профессиональной коммуникации» в РГРТУ.

Данные по эффективности методики разнятся. И это предсказуемо. Сам термин или понятие «эффективности методов обучения» носит зачастую субъективный характер.

В то же время по данным наблюдений методика, несомненно, показывает высокую эффективность в случае, если ее начинают использовать или адаптировать под «машинные алгоритмы» перевода или в случае «стандартизации» процесса перевода обучаемыми, что подтверждается сравнительными количественными данными, которые опущены в работе ввиду ограниченности ее объема.

Заключение. Итак, заявленная проблема решена, цели исследования достигнуты. Методика не свободна от вопросов и требует, по мнению авторов, дальнейшей апробации и обобщения опыта.

Вопрос о «машинном переводе» требует отдельного рассмотрения и весьма перспективен [2, 3].

Литература

1. http://inyazmetodika.ucoz.ru/load.

2. *Кулагина, О.С.* О современном состоянии машинного перевода // Математические вопросы кибернетики. Выпуск 3. –М.: Наука, 1991. С. 5-50.

3.*Kay, M.* The Proper Place of Men and Machines in Language Translation// http://dl.acm.org/citation.cfm?id=593157

В.А. Коломиец

(Киев, Украина)

КОРПУС АННОТАЦИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ОБЩАЯ СТРУКТУРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В работе излагается современное состояние корпуса аннотаций научных статей по компьютерной лингвистике. Описана структура корпуса, указаны источники текстов аннотаций, изложены предварительные результаты анализа корпусного материала и намечены возможности использования корпуса в обучении профессионально-ориентированному английскому языку.

Ключевые слова: корпус текстов, аннотация, компьютерная лингвистика, высокочастотные слова, низкочастотные слова, профессионально-ориентированный английский язык.

This paper outlines the present state of a corpus of article abstracts in computational linguistics. It describes the structure of the corpus, identifies the sources of abstracts, reports preliminary results of corpus data analysis and discusses possibilities for using the corpus in teaching English for special purposes.

Keywords: corpus, abstract, computational linguistics, high frequency words, low frequency words, English for special purposes.

Важным направлением современной компьютерной лингвистики является разработка специальных корпусов текстов, которые используются в процессе обучения профессионально-ориентированному английскому языку. Такой

интерес объясняется отсутствием на рынке качественных современных пособий по английскому языку профессиональной направленности для разных образовательно-квалификационных уровней, специальностей и специализаций. Использование специальних корпусов позволяет исследовать лексические и грамматические особенности подъязыков различных предметных сфер, отбирать языковый материал и разрабатывать коммуникативно-ориентированные учебные материалы для обеспечения подготовки специалистов различных сфер в полном соответствии с общеевропейскими стандартами.

В лаборатории компьютерной лингвистики Киевского национального лингвистического университета создается корпус аннотаций научных статей по компьютерной лингвистике. Целью данной работы является описание современного состояния корпуса и изложение некоторых предварительных результатов анализа корпусного материала.

Корпус состоит из аннотаций научных статей, опубликованных в журнале «Computational linguistics», который является официальным изданием международной ассоциации компьютерной лингвистики ACL (Association for Computational Linguistics), в сборнике «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии», где публикуются доклады, допущенные к презентации на ежегодной международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог» (Россия), и в сборниках научных статей на основе докладов, представленных на ежегодной международной конференции по компьютерной обработке естественного языка и компьютерной лингвистике CICLing (Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics). Общий объем созданного корпуса – 1475 текстов аннотаций, которые содержат приблизительно 150 000 словоупотреблений. Соотношение аннотаций из разных источников отображено в таблице 1.

таблица 1

Структура корпуса аннотаций научных статей по компьютерной лингвистике

Источник	Период	Количество текстов	Количество словоупотреблений
Computational linguistics	2000-2011	227	34491
Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии	2006-2011	555	41367
Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics	2000-2011	693	73938

Все аннотации имеют метатекстовую разметку, которая позволяет отбирать из всего массива нужный рабочий подкорпус. Метатекстовая разметка включает информацию об авторе (имя, место работы, является ли английский родным/неродным языком) и тексте аннотации (тему, название, объем, источник, дату публикации). Метаинформация сохраняется в отдельной базе данных.

На следующем этапе работы над корпусом планируется морфологическая разметка текстовых данных и создание встроенного корпусного менеджера, который позволит осуществлять первичный анализ текстового материала: составлять частотный список словоформ и строить конкордансы различных типов.

В настоящее время анализ текстов аннотаций можно осуществлять с помощью доступных автономных корпусных менеджеров, которые могут работать с неразмеченными текстами, таких как Compleat Lexical Tutor (http://www.lextutor.ca/), разработанный канадским исследователем Т. Коббом в университете Квебека в Монреале.

Используя один из инструментов Compleat Lexical Tutor (версія 6.2), VocabProfile, можно определить процент высокочастотных и низкочастотных слов в текстах аннотаций.

Выяснилось, что для полного понимания содержания аннотаций, которое возможно при условии понимания не менее 95% общего количества

словоупотреблений в текстах аннотаций [1], необходимо иметь словарный запас объемом приблизительно 13 000 слов (см. табл. 2).

таблица 2

Покрытие текстов аннотаций словами разной частотности

Ранг слов в Британском национальном корпусе	Мера покрытия текстов аннотаций	Мера покрытия текстов аннотаций вместе с предыдущими словами
1000	68,68%	68,68%
2000	12,44%	81,12%
3000	3.37%	84,49%
4000	3,12%	87,61%
5000	2,21%	89,82%
6000 – 8000	2,88%	92,7%
9000 – 13000	2,54%	95,21%
14000 – 20000	0,85%	96,06%

Более 70% от общего количества словоупотреблений в текстах аннотаций составляют общеупотребительные слова, приблизительно 15% процентов – общенаучная лексика, еще приблизительно 13% – терминологичная лексика, собственные имена и т. д.

Планируется создание на базе корпуса частотных списков разных видов (лексемных, аффиксальных, сочетаемости, терминов), которые будут положены в основу словарного минимума для магистрантов специальности «Прикладная лингвистика».

Литература

1. *Nation, P., Waring, R.* Vocabulary size, text coverage, and word lists / P. Nation, R. Waring // Vocabulary: Description, acquisition, pedagogy / [ed. by N. Schmitt and M. McCarthy]. – New York: Cambridge University Press, 1997. – P. 6-19.

О.С. Мицкевич

(Гродно, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ИНФОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ

Статья посвящена выявлению специфики инфологического моделирования лингвистических баз данных. Раскрывается сущность понятия «лингвистическая база данных». Формулируются особенности процесса инфологического моделирования лингвистических баз данных, связанные со спецификой самих лингвистических объектов.

Ключевые слова: база данных, лингвистическая база данных, инфологическое моделирование.

The article is devoted to peculiarities of linguistic databases infological modeling. The concept of «linguistic database» is revealed and the features of the process of infological modeling in linguistic databases are formulated in connection to the types of the language objects.

Key words: database, linguistic database, infological modeling.

Современное лингвистическое исследование едва ли возможно без привлечения лингвистических информационных и/или языковых ресурсов. Важное место среди них занимают лингвистические базы данных (далее – ЛБД).

ЛБД обладают характерными особенностями традиционных баз данных (далее – БД), однако «основное отличие лингвистических баз данных от традиционных заключается в том, что моделируется не предметная область, а некоторый подъязык» [3. С. 116]. В таких БД содержатся данные о языковых единицах различных уровней (от морфемы до текста) и разнообразная информация об этих единицах. ЛБД могут применяться в разнообразных сферах профессиональной деятельности. Однако можно выделить две основные лингвистические сферы их применения: обеспечение функционирования различных автоматизированных систем, связанных с обработкой текста и речи (информационные, экспертные, обучающие системы, системы анализа речи, машинного перевода и др.); автоматизация лексикографической деятельности массового и специального назначения и подготовка словарей различного типа

(учебных, переводческих, нормативных, толковых и др.). Многие ЛБД имеют достаточно большие объемы (до сотен тысяч и даже миллионов записей), поэтому их создание и ведение требует значительных средств и трудозатрат. Кроме того, проектирование ЛБД является в значительной степени специфическим процессом.

Основная цель процесса проектирования типичной БД состоит в получении проекта, который будет адекватно отображать предметную область; удовлетворять информационным требованиям пользователей; будет логичен, нагляден, репрезентативен и сможет легко преобразовываться в модели баз данных для распространенных систем управления базами данных (далее – СУБД.)

Все эти задачи решаются в процессе проектирования БД. В рамках рассматриваемого вопроса мы подробнее остановимся на этапе инфологического моделирования базы данных.

Инфологическая модель – это модель предметной области, сконструированная с учётом экспертной информации и потребностей потенциальных пользователей. Инфологическое моделирование – подготовительный этап перед созданием проекта базы данных. Все действия, выполняемые на этом этапе, направлены на изучение, анализ и моделирование предметной области, исходя из ее семантики. Эта фаза включает в себя исследование и инфологическое моделирование предметной области. Целью исследования предметной области является изучение и анализ предметной области, сбор исходных данных. По достижении этой цели мы должны получить семантическую модель предметной области в виде неформального словесного описания. Основным источником сведений о предметной области являются потенциальные пользователи, поэтому крайне важно учитывать их информационные потребности. Это основная категория пользователей, в интересах которых и создается база данных. В зависимости от особенностей создаваемой информационной системы круг ее пользователей может существенно различаться.

Построение инфологической модели предметной области является главной целью моделирования при создании БД. По своей сути инфологическая модель – это «семантическая модель, описывающая структуру исследуемой предметной области. Она призвана выявить логико-семантические связи между данными. Эти связи – основа выбора модели данных и проектных решений относительно структуризации данных. Кроме того, логико-семантические связи нужны для определения ограничений целостности будущей базы данных» [1. С. 42]. Чтобы разграничивать семантику предметной области и лингвистическую семантику, важно учитывать специфику моделирования лингвистических объектов в БД и ЛБД. Если в БД мы описываем с помощью языковых средств любые объекты, то в ЛБД мы говорим «языком о языке». Язык в ЛБД является одновременно и предметом описания, и средством для описания лингвистических объектов (в этом случае мы имеем дело с понятием «метаязык»). Например, при моделировании БД предметной области «Медицина» элемент «*гастроэнтерит*» будет выступать в свойственном ему значении (‘*воспалительное заболевание желудка и тонкой кишки*’ [4]). Если же этот элемент моделируется в ЛБД, то в данном случае мы моделируем его как лексический, грамматический, словообразовательный либо любой другой тип лингвистического (языкового) объекта.

Способы хранения данных, применяемые средства СУБД, языки программирования и все, что имеет отношение к конкретной реализации программы, при построении инфологической модели не упоминается. Это дает возможность разработчику в процессе проектирования сложных систем выбирать для реализации отдельных составляющих задачи наиболее подходящие средства. Такой подход, не учитывающий применения конкретных программных средств или технологий, позволяет привлекать к разработке инфологических моделей конечных пользователей, которые могут оперировать объектами и понятиями своей предметной области. Основное требование к инфологической модели – это адекватное отражение предметной области.

Процесс проектирования ЛБД представляет собой последовательность

переходов от неформального словесного описания лингвистической информационной структуры к формализованному описанию лингвистических объектов в терминах некоторой модели. При проектировании ЛБД сохраняются особенности проектирования БД, что вполне закономерно. Однако создание модели ЛБД является более сложным процессом. ЛБД – это «специальная структура данных, которая служит для хранения и эффективного использования исходной, промежуточной и конечной информации о естественно-языковых объектах и их отношениях. ЛБД представляет собой реляционную структуру, для которой существует эффективный алгоритм оптимизации, что позволяет достаточно легко решать задачи добавления, изменения и поиска информации» [2]. Одной из характерных особенностей ЛБД является её разветвлённость. Мы не можем использовать исключительно линейную структуру, не всегда имеется возможность представить имеющиеся знания в горизонтальном срезе, в результате чего мы уходим в подчинённые таблицы, количество которых (в зависимости от представляемой предметной области) может быть весьма и весьма велико. Использование подчинённых таблиц помогает оптимальным образом структуризировать данные. Индивидуальные и наиболее конкретизированные признаки или характеристики описываемых объектов вносятся в ЛБД при помощи подчинённых таблиц. Создавая модель, учитывающую все особенности исследуемого материала, мы столкнёмся с наличием множества незаполненных лакун, т.к. не все экземпляры будут иметь одинаковый набор качеств и свойств. В данном случае можно выявить некоторое сходство с фреймовой моделью представления знаний, где также могут иметь место незаполненные слоты, но, в отличие от фреймовой модели, в нашем случае эти слоты не будут наследовать свойства слотов более высокого уровня. Исходя из многоаспектности языка, вполне закономерным является наличие разнообразных связей между лингвистическими объектами. Между таблицами ЛБД могут задаваться связи, вследствие чего, запрашивая одно понятие, мы сможем найти все связанные с ним понятия или характеристики, что отдалённо напоминает нам

семантические сети, однако мы не сможем выявить отношения, существующие между связанными понятиями. Установление связей между таблицами играет важную роль при генерации запросов к ЛБД: в результате выполнения запросов будут получены корректные и в значительной степени информативные данные. В ЛБД мы имеем дело с довольно разветвлённой структурой, состоящей из некоторых взаимосвязанных терминосистем, где термины выступают как единицы языка, в онтологиях мы также сталкиваемся с систематизацией по различным критериям, однако здесь идёт упорядочение по знаниям, по некоторым общим концептам.

Подводя итоги, необходимо отметить, что проектирование ЛБД является довольно специфическим процессом. При создании модели БД данного типа мы сохраняем многие особенности проектирования, характерные для типичной БД, однако создание ЛБД – процесс более сложный и имеющий свои особенности, связанные со спецификой самих лингвистических объектов. Обобщённо особенности проектирования ЛБД могут быть сформулированы следующим образом: разветвлённость структуры, уход в подчинённые таблицы, множество незаполненных лакун и наличие разветвлённой системы связей между таблицами.

Литература

1. *Быкова, В.В.* Основы теории баз данных: Учеб.-практ. пособие в схемах. – Красноярск, 2007.

2. *Новиков, А.И.* Тезаурус как отображение семантического пространства языкам / А.И. Новиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://it-claim.ru/ Library/Books/ Semantics_IT/gl1_3/ glava1_3.htm. – Дата доступа: 07.02.2012.

3. *Рычкова, Л. В.* Лингвистические базы данных как новая форма существования языка // Язык. Образование. Компьютер. – Гродно, 2010. – С. 115-118.

РАЗДЕЛ VII. ЛИНГВОДИДАКТИКА

Н.Н. Ачкасова

(Москва, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА БИЛИНГВИЗМА НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКИХ ОПЕР

Наше исследование посвящено вопросам коммуникативного обучения детей и формирования у них механизмов билингвизма. Выявлено, что использование детской оперы на начальном этапе помогает заложить основы коммуникативной компетенции. Предложена модель обучения, с помощью которой развиваются механизмы билингвизма, входящие в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков.

Ключевые слова: билингвизм, коммуникативная компетенция, коммуникация, опера.

Our study focuses on issues of the communicative approach to teaching foreign languages to children and the formation of the mechanisms of bilingualism. It was revealed that the use of children's opera at an early stage helps to lay the foundations of communicative competence. A model of learning has been suggested which develops the mechanisms of bilingualism included in the complex concept of communication with the two languages.

Key words: bilingualism, communicative competence, communication, opera.

Сейчас популярно учить маленьких детей, детей-дошкольников иностранному, как правило, английскому языку. Однако результаты обучения 5-7 летних учеников в силу разных причин бывают не на высоте.

Ребенок может знать много иностранных слов, декламировать стихи наизусть, но не может сказать что-то самостоятельно. Знания – однобокие: слова часто привязаны к переводу, что недопустимо в речи, лексика нежизнеспособная, отсутствует эмоциональная окраска и невербальная речь, - одним словом, способность билингвизма остается под вопросом.

Двуязычие (билингвизм) понимается здесь как владение двумя языками; обычно – в ситуации, когда два языка реально используются в коммуникации.

При рассмотрении коммуникативной компетенции как цели обучения иностранным языкам не менее важной задачей является соотнесение всех ее параметров с разными уровнями обучаемых для обеспечения целенаправленности и преемственности. Как организовать процесс обучения на первых месяцах преподавания языка у 5-7 летних учеников, чтобы уже с первого урока способствовать формированию коммуникативной способности.

Проведенный анализ привел к заключению, что формирование всех аспектов коммуникативной компетенции на самых первых занятиях в 5-7 летнем возрасте происходит успешно на музыкальной основе. Исследования взаимосвязи механизмов восприятия и порождения музыки и речи свидетельствуют о том, что они подкрепляют друг друга. Овладение иностранным языком детьми должно строиться на органичном сочетании в обучении многообразной активности, свойственной ребенку от природы, при доминировании музыки. Включить в обучение одновременно пение, танцы, рисование, слушание сказок, декламирование стихотворений, пантомиму, музицирование позволяет использование в процессе обучения детской оперы или музыкальной сказки (декламационный тип пения) [1]. При этом единый смысловой контекст, в качестве которого выступает опера (контекст сказки), является необходимым условием успеха. Поскольку именно совокупность коммуникативных навыков составляет цель обучения, а не усвоение набора фраз, стихотворений, песенных тексов, речь предполагает обязательное решение коммуникативной задачи, реализацию целей (кому и для чего говорить), мотивы общения (намерение что-то сказать, узнать о наличии замысла, создаваемое ситуацией). Знакомство учащихся с оперой, как и установка на интерпретацию ее смысла, обеспечивает наличие объекта, вызывающего мысль, мотивирующего на решение речемыслительных задач. Таким же важным условием является использование оперы на родном и иностранном языках при одном и том же музыкальном оформлении. Так как весь вводимый материал «лежит на музыке», то какое бы слово или словосочетание мы или дети не произнесли, подсознательно прозвучит вся

фраза. Опера в силу своей ритмической природы заложит и обеспечит будущий темп речи и будущую связность. Использование оперы на родном языке способствует более легкому формированию замысла высказывания, манеры поведения. В опере как музыкально-драматическом действии драматизация осуществляется не только в заключении изученного материала, а выступает как неотделимое целое всего учебного процесса. В опере драматизация совершается, когда дети слушают ее первый раз (учитель проигрывает, пропевает, изображает содержание), когда работают над ней (каждый ребенок превращается в какого-нибудь героя), когда играют и выступают. Использование оперы на двух языках на одну и ту же музыку облегчает перенос всех уже начавших формироваться механизмов с родного языка на иностранный. Модель обучения общению на основе музыкального контекста включает следующие этапы:

- восприятие, осознание, запоминание речевых и неречевых действий на родном языке;

- восприятие, осознание, запоминание речевых и неречевых действий, ритмики, интонации, темпа на английском языке;

- выделение и идентификация произносительных, артикуляционных, лексико-грамматических признаков речевых намерений;

- уточнение и тренировка речевых действий в упражнениях с нулевым или частичным преобразованием знакомых сюжетов;

- использование речевых действий в личностно значимых, реальных ситуациях.

Как отмечает Р.К. Миньяр-Белоручев, при обучении иностранному языку создание механизмов билингвизма следует считать первоочередной задачей [2. С.15]. Мы отметили, что работая по данной модели с использованием музыкального контекста, мы способствуем формированию у учащихся механизмов билингвизма, входящих в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков.

Во-первых, опера во многом способствовала развитию слуха; благодаря ее использованию, ученики слушали аутентичную речь.

Во-вторых, музыка способствовала синхронному (сознательному и подсознательному) пропеванию, что улучшает навыки говорения.

В-третьих, музыка, рифма обеспечила основы формирования вероятностного прогнозирования (ученики могут, слушая мелодию, предсказывать слова, словосочетания).

В-четвертых, опера (мелодия и комплексные ориентиры) обеспечила детский самоконтроль (мелодия обычно у детей запоминается первой, а затем накладываются слова и фразы).

Восприятие и воспроизведение оперы на двух языках формируют основы навыка переключения и основы элементарных элементов перевода.

Литература

1. *Ачкасова, Н.Н.* Методика построения пропедевтического курса по английскому языку для детей 5 лет на музыкальной основе (на материале детской оперы). – М., 1997.

2. *Миньяр-Белоручев, Р.К.* Механизмы билингвизма и проблема родного языка при обучении иностранному // Иностранные языки в школе – 1988 – №6.

Т.А. Глоба

(Мурманск, Россия)

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ АДЕКВАТНОСТИ АУДИОТЕКСТА

В данной статье рассматривается проблема обучения коммуникативному аудированию, поскольку оно является одним из главных аспектов обучения иностранному языку.

Ключевые слова: аудирование, коммуникативное аудирование, аудитивный материал.

This article is devoted to the issues of teaching communicative listening because it is considered to be one of the most important aspects of foreign language teaching.

Key words: listening, communicative listening, auditory listening.

Основной проблемой современной системы высшего профессионального образования является развитие социально активного, профессионально компетентного специалиста. И одним из наиболее важных аспектов этой проблемы выступает овладение основами профессиональной коммуникации.

Профессионально-ориентированное общение приобретает ценностную значимость для студентов. Коммуникативно-ориентированное обучение обеспечивает лучшее усвоение языка, так как именно в условиях общения язык выступает в своей естественной функции. При этом обучение коммуникативному аудированию требует особого внимания.

Коммуникативное аудирование является одним из важнейших аспектов обучения иностранному языку в вузе и представляет собой рецептивный вид речевой деятельности, нацеленный на восприятие и понимание устной речи на слух при ее одноразовом прослушивании. Существует несколько видов коммуникативного аудирования в зависимости от коммуникативной установки и от соотношения с экспрессивной устной речью:

- аудирование с пониманием основного содержания;
- аудирование с полным пониманием;
- аудирование с выборочным извлечением информации;
- аудирование с критической оценкой.

В свете коммуникативной направленности обучения иностранному языку следует рассмотреть вопрос о текстах, используемых для аудирования. Минимальной единицей, интегрирующей в себе соответствующие языковые элементы для процесса коммуникации, является такой речевой акт, в котором осуществляется именно общение, а не просто передача безадресной информации. Поэтому и аудиотекст, рассматриваемый как единица коммуникации, обязательно преследует определенную коммуникативную цель, выражает конкретное коммуникативное намерение и обладает всеми характеристиками, свойственными любому тексту [2] .

Текст должен иметь смысловую завершенность, структурную и коммуникативную целостность, наличие разных типов связи между его

элементами, композиционную оформленность, коммуникативную направленность, наличие прагматической установки, стилистическую и жанровую отнесенность.

Сохранение перечисленных особенностей и характеристик аутентичного текста при преобразовании его в учебный является непременным условием, которое должно соблюдаться при обучении общению. Для успешной организации коммуникативно-ориентированного аудирования для студентов неязыковых факультетов необходим специально отобранный аудитивный материал. При подготовке и разработке аудиотекстов необходимо учитывать ряд факторов [3]. Во-первых, выбор учебных материалов должен иметь коммуникативную целесообразность, что является основой для моделирования учебной ситуации и составления контрольных заданий для оценки качества умений слушать и понимать аудиотекст на иностранном языке. Во-вторых, необходимо учитывать степень реальной коммуникативной ориентированности при разработке заданий для моделирования ситуации опосредованного общения. В-третьих, большое значение имеет воспитательная и образовательная ценность предлагаемых материалов.

Обучение пониманию аудиотекстов на иностранном языке проходит три взаимосвязанных этапа: элементарный, продвинутый и завершающий этап, который и предполагает овладение аудированием как составляющей устного речевого общения [1]. Но, поскольку коммуникативная направленность присуща всему учебному процессу, обучение общению в целом и аудированию в частности должно проводиться на всех этапах.

Какие аудитивные материалы следует использовать для моделирования ситуации реального речевого общения? В начале обучения аудированию следует использовать обработанные письменные озвученные тексты, а затем переходить к естественным звучащим текстам.

Письменные озвученные тексты могут быть использованы для обучения аудированию при условии их адаптации, то есть приведения текстов в соответствие с уровнем владения иностранным языком студентами неязыковых

специальностей, а также их обработки в соответствии с нормами устной речи. Рекомендуется в первую очередь использовать такие письменные тексты, которые по основным характеристикам приближаются к устным, например, рассказ, новеллу, сказку.

Что касается устных текстов, следует использовать приемы, обеспечивающие их доступность. К ним относятся, например, вступление, раскрывающее ситуацию общения и дающее характеристику действующих лиц, комментарий к отдельным отрывкам текста, повторное прослушивание, зрительная опора и т.п.

Существенным для эффективности обучения аудированию является вопрос о жанрах учебных текстов. Все тексты, относящиеся к одному жанру, обладают сходными характеристиками как с точки зрения их функции, так и с точки зрения их логико-смысловой структуры.

Этот факт приводит к важному методическому выводу: если познакомить учащихся с образцами текстов определенного жанра, показать им его коммуникативную функцию, логико-смысловую структуру и языковое оформление, понимание других текстов данного жанра станет более полным, глубоким и точным. Это позволит сэкономить учебное время и усилия обучающихся.

После знакомства учащихся с особенностями жанра, преподаватель иллюстрирует их на материале конкретного аудиотекста, затем учащиеся сами анализируют прослушанные сообщения.

Целесообразно знакомить учащихся с жанрами не одновременно, а последовательно, соблюдая принцип «от легкого к трудному». Переходить к следующему жанру можно лишь тогда, когда учащиеся уже достаточно хорошо понимают тексты изучаемого жанра. Затем, одновременно с изучением нового жанра, следует слушать тексты и ранее изученных жанров. Тогда на завершающем этапе обучения учащиеся смогут успешно воспринимать тексты любых жанров. Отбирая текст для обучения аудированию, преподаватель должен учитывать не только его содержание (соответствие теме, доступность,

воспитывающее воздействие и т.д.) и языковую форму. Не менее существенными для моделирования ситуации реального общения являются также жанр текста (рассказ, беседа, интервью), его коммуникативная функция (сообщить что-либо, убедить в чем-либо, побудить к чему-либо и т.д.), его форма (устный/письменный).

Аудирование не является актом общения, поскольку реальная коммуникация всегда совершается в определенных условиях (место, время), в общение вступают конкретные лица, имеющие определенный социальный статус и социальные роли. При этом каждый из коммуникантов, реализуя свое коммуникативное намерение, преследует реальную цель, которая далеко не всегда сводится к простому сообщению информации.

Кроме того, выбирая текст для коммуникативного аудирования, следует учитывать тип сложности высказывания. Необходимо определить, насколько эти тексты соответствуют требованиям к текстовому материалу, предназначенному для восприятия на проверяемом уровне владения языком (функциональные типы текста, когнитивные трудности восприятия текстов, коммуникативно-речевые трудности, степень информационной насыщенности, речевые и языковые трудности).

Таким образом, текст, предлагаемый для аудирования, должен обладать следующими характеристиками: 1) коммуникативной ценностью, то есть соответствием аудиотекста условиям реального общения; 2) соответствием аудиотекста уровню языковой подготовки обучаемых; 3) возрастной и образовательной приемлемостью аудиотекста для обучаемого; 4) профессионально-ориентированной значимостью аудиотекста; 5) воспитательной ценностью.

Литература

1. *Елухина, Н.В.* Обучение аудированию в русле коммуникативно-ориентированной методики // Иностранные языки в школе. – 1989. – №2.- С. 25-27.

2. *Колшанский, Г.В.* Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностранные языки в школе. – 1985. – №1.- С. 10-15.

3. *Сафонова, В.В.* Спорные вопросы создания материалов для контроля умения аудировать на ИЯ // Современные теории и методики обучения иностранным языкам / Под общ. ред. Л.М. Федоровой, Т.И. Рязанцевой. – М., 2004. – С. 46-51.

Я.А. Глухих

(Мурманск, Россия)

ТИПИЧНЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ПУТИ ИХ КОРРЕКЦИИ

Наше исследование посвящено проблемам выработки у студентов навыков грамотной устной и письменной речи. Необходимо учитывать влияние родного языка и предупреждать ошибки, связанные с негативной интерференцией.

Ключевые слова: межязыковая интерференция, внутриязыковая интерференция.

The paper deals with the problems of developing students' literacy skills in oral and written speech. It is necessary to consider the impact of native language and to prevent mistakes caused by negative interference.

Key words: interlingual interference, intralingual interference.

В процессе обучения иностранному языку в вузе чрезвычайно важна выработка у студентов навыков грамотной устной и письменной речи, в связи, с чем особое значение приобретает предупреждение и коррекция лексических и грамматических ошибок. Естественно, полного отсутствия таких ошибок добиться очень сложно. Даже носитель языка может допускать отклонения от языковой нормы, однако он практически никогда не ошибется в использовании базовых языковых конструкций.

Известно, что одним из принципов обучения иностранному языку является принцип учета родного языка. Однако в основе данного принципа часто лежит негативная тенденция интерференции. Выделяют два вида интерференции: 1) межъязыковая интерференция (перенос привычных

языковых норм родного языка на иностранный язык или первого иностранного языка на второй иностранный язык); 2) внутриязыковая интерференция (перенос уже сформированных навыков на иностранном языке на новые явления в том же языке). Обучение иностранному языку, базирующееся на принципе аналогии, стремление использовать модели родного языка при построении иноязычных структур или уже изученные модели иностранного языка при изучении новых приводят к интерференции, которая, в свою очередь, является причиной устойчивых ошибок.

Значительное количество лексико-грамматических ошибок возникает в результате проведения ложных аналогий между родным и иностранным языком. По мнению Т.И. Арбековой, большинство данных ошибок возникает по следующим причинам:

1. грамматическая характеристика лексически сходных слов может быть различной;

2. способы словообразования и, как результат их действия, структурные типы слов не являются одинаковыми;

3. многозначные слова, совпадающие в одном или двух значениях, обычно не совпадают в остальных;

6. сближающиеся по форме слова могут не совпадать по значению;

7. слова и словосочетания, имеющие одинаковое предметное значение, могут не совпадать по этимологии, мотивировке и современному ассоциативному значению [1. С.11].

Рассмотрим некоторые из вышеперечисленных положений. При изучении морфологии трудности вызывают изучение тех частей речи, которые отсутствуют в русском языке, например артикля. На первом этапе обучения часто отмечается опущение в речи определенного и неопределенного артикля, например *I am_student, *look at_picture, что на более поздних этапах, в результате недостаточно сформированных навыков употребления артиклей, приводит к неверному их употреблению. Как справедливо отмечает Г.А. Вейхман, заблуждение людей, изучающих английский язык, в том, что наличие

или отсутствие артикля не играет существенной роли, часто приводит к искажению смысла высказывания:

I don’t like**_people** in this room. – Мне не нравится, когда в этой комнате кто-нибудь есть.

I don’t like **the people** in this room. – Мне не нравятся люди, находящиеся в этой комнате [3. С. 37].

Значительные трудности может вызвать смешение частей речи как результат ложной аналогии. Например, студенты довольно часто совершают ошибки типа *he afraided (вместо he was afraid) под влиянием русского “он боялся”. Подобную ошибку можно отметить при построении предложения *I wasn’t agree with him (I didn’t agree with him) по образцу с русским “Я не был согласен с ним”. В данных случаях необходимо обратить внимание студентов, что слово afraid не является глаголом, поэтому не может принимать суффикс -ed, в то время как agree – английский глагол, который образует отрицательную форму прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола did.

Следующая группа наиболее распространенных ошибок связана с неправильным употреблением предлогов. В результате калькирования предлогов с русского языка в речи студентов часто можно наблюдать конструкции *on the lesson, *to depend from, *to treat smb from smth, *to happen with smb и другие. Ошибки возникают также из-за несоответствия глаголов, которые принимают прямое дополнение в английском языке и предложное дополнение в русском языке, и наоборот: to influence smth – *влиять на что-л.*, to need smth – *нуждаться в чем-либо*, to refuse smth – *отказываться от чего-л.*, *сочувствовать кому-л.* – to sympathize with smb. Иногда под влиянием родного языка студенты либо автоматически переносят предлоги из русского языка в английский: *to influence on smb, *to refuse from smth вместо to influence smb, to refuse smth, либо опускают их там, где они требуются – *to explain smb, *to prove smb вместо to explain to smb, to prove to smb. Для устранения таких ошибок, на наш взгляд, наибольший эффект может дать простое запоминание глаголов, за которыми следует прямое дополнение и глаголов с

соответствующими предлогами в английском языке, поскольку провести какие-либо параллели между английским и русским языками не представляется возможным.

Отдельные сложности вызывают английские и русские слова, схожие по форме, но не совпадающие либо частично совпадающие по значению. Такие слова могут:

1. не иметь никакой семантической связи. Например: *датский* и Dutch, *декада* и decade, *колонна* и colon;

2. совпадать не во всех словарных значениях, то есть являться частичными синонимами. Например: *музыка* и music (1. музыка; 2. ноты), *кабина* и cabin (1. хижина; 2. небольшой домик; 3. кабина; 4. каюта), *медицина* и medicine (1. медицина; 2. лекарство);

3. относиться к одному семантическому полю, но не совпадать по предметному значению, то есть являться разноязычными ложными синонимами. Например: *рутина* и routine, *оператор* и operator [2. С. 165].

Постоянно фиксируя, изучая и систематизируя ошибки студентов, можно собрать материал, дающий довольно подробную картину трудностей овладения иностранным языком. Накопленный материал позволит подобрать наиболее эффективные приемы и методы работы над языком, что в конечном итоге поможет минимизировать количество лексико-грамматических ошибок в речи студентов.

Литература

1. *Арбекова, Т.И.* Английский без ошибок. – М.: Высшая школа, 1998.
2. *Арбекова, Т.И.* Лексикология английского языка. – М.: Высшая школа, 1999.
3. *Вейхман, Г.А.* Английский без грамматических ошибок. – М.: Высшая школа, 2008.

В. Г. Гуд, Е. В. Вильковская

(Гомель, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Наше исследование посвящено проблеме развития профессиональной компетентности у студентов языкового факультета посредством использования Интернет-ресурсов. В работе приводится ряд преимуществ использования Интернета в обучении иностранным языкам. На основе проведенного анкетирования определяются цели обращения студентов языкового факультета к специальным электронным текстам на иностранном языке и направленность используемого текстового материала.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, коммуникативная компетентность, профессиональная компетентность.

The article is devoted to the problem of the development of professional competence of language students by means of Internet resources. The article shows a number of advantages of using the Internet in teaching foreign languages. Tht article defines the objectives of language students' reference to special electronic texts and their orientation.

Keywords: competence, competent approach, communicative competence, professional competence.

На современном этапе развития общества и поиска эффективных методов обучения студентов нового поколения возникает необходимость подготовки конкурентоспособной личности, обладающей универсальными знаниями, которые помогут ей вырабатывать свои убеждения и защищать их; самостоятельно, критически и творчески мыслить; независимо от избранной профессии уверенно вступать в социальные отношения, добиваясь высоких результатов. Конкурентоспособность, активность, мобильность, целеустремленность и другие качества личности приобретают сегодня особую значимость, обеспечивая в конечном итоге ее способность к самореализации, социальную и экономическую успешность. Учитывая такую роль данной личностной характеристики, становится ясным, насколько важно обеспечить ее эффективное формирование с использованием комплекса педагогических

средств в процессе обучения, содержательным компонентом которого являются компетенции, формируемые в процессе личностно-значимой деятельности. Следовательно, целью образования становится формирование способности обучаемых к выполнению деятельности в любой профессиональной сфере на основе сформированных компетенций, что в конечном итоге характеризует такую позицию, которую определяют как компетентность [2. С. 19-25].

Важность проблемы развития компетентности специалиста продиктована социально-экономическими изменениями, которые позволяют специалистам свободно распоряжаться их главным достоинством – квалификацией.

С позиций компетентностного подхода целью обучения иностранному языку в языковых вузах и на языковых факультетах является формирование коммуникативной иноязычной компетентности [1. С. 8-14].

Основной акцент в системе образования в Беларуси сегодня делается на интеллектуальное и нравственное развитие личности, что предполагает необходимость формирования самостоятельности мышления, развития творческих и исследовательских способностей, умения работать с информацией разного рода и всегда критически осмысливать ее.

В связи с этим становится важной роль компьютера в обучении иностранному языку, эффективное использование которого предполагает решение ряда психологических, психолингвистических, лингвометодических и собственно методических проблем. Также возрастает роль Интернета как уникального средства доступа к информации в условиях, когда общение будущих выпускников с Интернетом становится профессионально полезным и необходимым.

Система методических приемов обучения иностранному языку в рамках использования Интернет-ресурсов предусматривает наличие следующих этапов формирования иноязычного речевого поведения обучаемого, а именно:

- ознакомление с иноязычным материалом на основе его предъявления (введения);

- тренировочная работа по формированию навыков владения учебным материалом;

- активизация иноязычного языкового и речевого материала;

- контроль и самоконтроль, оценка результатов самообучения.

Использование Интернет-ресурсов в обучении иностранным языкам имеет ряд своих преимуществ: во-первых, развивает у студентов исследовательские навыки, при которых обеспечивается развитие самостоятельности; во-вторых, мотивирует активность в языковом и познавательном плане; и в-третьих, развивает компетентность будущих преподавателей, школьных учителей, специалистов-переводчиков и секретарей-референтов, которая выражается в умении получения качественной информации в кратчайшие сроки, ее оценивания и применения с последующим сообщением этой полученной информации на родном и иностранном языке.

Для того чтобы определить, какова цель обращения студентов языкового факультета к специальным электронным текстам на иностранном языке и какого рода специальные тексты на иностранном языке они изучают для развития их профессиональной компетентности, нами было проведено анкетирование. В опросе участвовало 27 студентов 1 курса, 62 студента 4 курса факультета иностранных языков и 13 слушателей Института переподготовки кадров и повышения квалификации специальности «Современный иностранный язык (внешнеэкономическая деятельность)».

Результаты анкетирования показали, что студенты первого курса используют Интернет реже, чем студенты 4 курса, для которых Всемирная Сеть стала одним из основных и самых популярных источников получения информации. В среднем первокурсники проводят в сети около 10 часов в неделю и ставят перед собой цель – подготовиться к занятиям (26 студентов), в то время как студенты-старшекурсники – до 20-25 часов и активно используют иноязычные материалы не только для подготовки к учебным занятиям (75 студентов), но и для поиска информации, не относящейся к учебе (59 студентов). Знакомство и чтение специальной литературы на иностранном

языке для опрошенных студентов составляет: от 13% от общего времени работы в Интернете для первокурсников и до 80 % – для старшекурсников.

Анкетный опрос выявил, что основными причинами обращения к специальной литературе на иностранном языке являются: 1) подготовка к учебным предметам (101 студент); 2) написание курсовых и научных работ (72 студента); 3) самообразование (31студент). Как выяснилось, наиболее читаемыми специальными материалами на иностранном языке оказались информационные тексты реферативного характера (75 студентов-старшекурсников), справочная литература (81 студент) и научно-популярные тексты (79 студентов). При этом в учебных целях все студенты больше всего читают информационно-реферативную литературу (77 студентов), а в познавательном плане – научно-популярную литературу (81 студент).

Анкетирование показало, что большая часть читаемой студентами в сети литературы по специальности имеет лингвистическую направленность (73 старшекурсника, включая слушателей); на втором месте по частоте использования и чтения – литература методического характера (62 студента-старшекурсника) и третье место отводиться литературе страноведческой тематики (46 студентов).

Таким образом, результаты анкетирования подтвердили огромный интерес и возрастающую частоту обращения студентов 1 и 4 курсов языкового факультета к источникам Интернет в поисках и изучении специальной литературы лингвистического, методического, страноведческого характера, направленной на развитие их профессиональной компетентности.

Литература

1. *Болотов, В.А.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8 –14.

2. *Калицкий, Э.М.* Современная концепция профессионализма // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – №10. – С. 19 –25.

О.Б. Зарубина

(Россия, Рязань)

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАБОТКИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Статья посвящена проблемам организации учебного процесса на уроке иностранного языка в начальной школе и определению роли и места ролевой игры в структуре занятия. Учебная ролевая игра является эффективным средством формирования коммуникативных умений, а также развития творческих способностей младших школьников.

Ключевые слова: игровая деятельность, коммуникативная направленность, навыки и умения, творческий потенциал, учебный процесс.

The article is devoted to the problems of organizing the process of learning at a foreign language lesson. Role play can serve as an effective means of developing intellectual and creative abilities of junior schoolchildren at different stages of a foreign language lesson. It serves the purpose of forming language and communicative skills, involving pupils into the type of activity which is significant for their age group. Role play helps to achieve structural and communicative integrity of the process of learning.

Key words: communicative situations, creative potential, intellectual activity, make-belief activity, process of learning, skills and abilities, stages of a lesson.

В настоящее время становится актуальным раннее обучение иностранным языкам. Одним из более эффективных способов обучения английскому языку в начальной школе является применение игровых технологий. Психологами было доказано, что «игра “оправдывает” переход на новый язык» [2. С.32]. Она является одновременно и интересным видом работы для ученика и аналогом языковых упражнений для учителя, благодаря которым развиваются навыки всех видов речевой деятельности. Но новый социальный заказ повлиял на пересмотр целей образования в целом и обучения английскому языку в частности. До последнего момента целью школьного обучения была выработка навыков и умений, теперь же востребован новый тип личности, имеющей желание учиться всю жизнь и обладающей толерантностью, социальной, коммуникативной и информационной

компетенциями. В нашей работе мы рассматриваем вопрос, соответствует ли использование игровой методики новым требованиям и является ли её применение целесообразным, способствует ли активизации познавательной деятельности учащихся и ведёт к более осмысленному усвоению знаний.

Мы не можем не согласиться с утверждением выдающегося педагога

Л.В. Занкова, что «каждый учитель должен сохранить детскую активность внутренней психической деятельности, вызывая в ребенке живой интерес к своему предмету» [4. С.11]. Игровые приемы выполняют множество функций в процессе развития ребенка, облегчают учебный процесс, помогают усвоить увеличивающийся с каждым годом материал и ненавязчиво развивают необходимые компетенции.

Задачи, которые ставит учитель для достижения своих целей, должны быть сформулированы с двух позиций: 1) с позиции ребенка – что он будет делать, чтобы цель была достигнута и 2) с позиции учителя – какой материал надо изучить, какие задания дать ученику, как построить учебный процесс, чтобы поставленная цель была достигнута.

В психологической концепции игровой деятельности игра определяется «как деятельность, предмет и мотив которой лежит в самом процессе ее осуществления» [5. С.15]. Игровые технологии на начальном этапе обучения обеспечивают длительный характер усвоения знаний, навыков и умений.

Используя игру на учебных занятиях, учитель формирует и развивает у обучающихся навыки и умения находить необходимую информацию, преобразовывать ее, вырабатывать на ее основе планы и решения как в стереотипных, так и в нестереотипных ситуациях.

Важно построить правильно обучение иностранного языка на начальном этапе. Успешное овладение детьми иноязычной речью становится возможным еще и потому, что детей (особенно на начальном этапе) отличают: более гибкое и быстрое, чем на последующих возрастных этапах запоминание языкового материала; наличие глобально действующей модели и естественность мотивов общения; отсутствие так называемого языкового барьера, то есть страха

торможения, мешающего вступить в общение на иностранном языке даже при наличии необходимых навыков; сравнительно небольшой опыт в речевом общении на родном языке и др.

Однако необходимо учитывать, что у учащихся начальной школы еще недостаточно развито произвольное внимание и такие виды памяти, как эмоционально-образная, ассоциативная и кинестетическая (моторная). Данные виды памяти активизируются с помощью: ролевых игр, соревнований, конкурсов, использования иллюстративно-изобразительной наглядности, музыки, ритмических приемов, движения, рисования и т.д.

Поэтому игра, являясь главным видом деятельности ребенка, позволяет сделать коммуникативно - ценными практически любые языковые единицы.

Занимательные, игровые элементы позволяют преодолеть большинство трудностей, связанных с условным характером иноязычного общения и усилить положительное воздействие иностранных языков на становление личности. Кроме того, обилие игровых ситуаций, сказочных сюжетов призвано создать на уроках атмосферу радости, раскованности и непосредственности.

Все это «дает возможность в раннем возрасте оптимально сочетать коммуникативные потребности и возможности их выражения на иностранном языке детьми данного возраста. Это позволяет избежать одного существенного противоречия, которое постоянно возникает при более позднем начале обучения этому предмету между коммуникативными потребностями обучаемого (желание узнать много) и ограниченным языковым опытом (незнание, как это много выразить малым количеством лексики)» [1.С.176]. Усиление коммуникативной направленности обучения осуществляется за счет введения сказочных персонажей, использования большого количества ролевых игр.

Идея поиска какого-то одного, универсального метода, способного решить весь комплекс учебных задач, является утопичной.

Необходимо разработать не отдельные методы обучения, но их систему, органически вписав ее в традиционную систему обучения.

Игра не противоречит традиционному типу обучения, современным педагогическим теориям и в условиях модернизации образования может стать одной из форм интегрированного обучения, объединяющей необходимые теории и технологии педагогической науки.

Учебная игра должна быть целенаправленной. Необычность формы проведения занятий, ее нешаблонный характер способствует поддержанию интереса к изучаемому предмету. Наиболее активно учебная игра используется на занятиях по иностранному языку, что объясняется особенностями данного предмета, главная цель которого – обучение языку как средству общения.

Эффективность игровых ситуаций на начальном этапе обучения иностранному языку обусловлена рядом факторов: возрастными особенностями учащихся, психологическими особенностями игровой деятельности как важного стимула для общения. Это дело творчески работающего учителя. Однако следует отметить, что для опытного учителя весьма непросто подобрать такой игровой материал, который носил бы истинно речевой характер, а игровые действия соответствовали бы психолингвистическим особенностям различных видов речевой деятельности.

Будучи введенной в систему традиционного обучения «учебная игра осуществляет несколько функций: мотивационно-побудительную, воспитательную, ориентирующую и компенсаторную» [3.С.175]. Игра применяется как средство наглядности и как упражнения. Учебные игры могут характеризоваться учебными целями и задачами, формой проведения, способом организации, степенью сложности, количественным составом учеников.

В своей работе мы рассмотрели игру как один из способов организации учебной деятельности в младших классах средней школы, как один из приёмов обучения, который способствует интенсификации учебного процесса на начальном этапе и ведёт к более прочному формированию языковых навыков и развитию коммуникативных умений.

Результаты проведённой работы можно обобщить в следующих выводах:

1) место, роль, способы организации и характер игры в младших классах будут различными в зависимости от этапа обучения. Так, например, в первом полугодии первого класса на игру целесообразно, с нашей точки зрения, отводить 80% учебного времени, при этом преобладать будут игры, в которых учащимся предлагается выступать в роли какого-то конкретного персонажа. На более старших этапах обучения (начиная со второго полугодия) игра может занимать 50 - 60% учебного времени, при этом учащимся может задаваться не сказочная, а реальная коммуникативная ситуация общения, максимально приближённая к реальной коммуникации;

2) игра на начальном этапе способствует, с одной стороны, более прочному и последовательному формированию языковых навыков и, с другой стороны, развитию всё более сложных коммуникативных умений;

3) при организации учебной деятельности учащихся в форме игры учителю необходимо принимать во внимание следующие моменты:

а) перед учащимися должна быть чётко поставлена коммуникативная задача, которую мы предлагаем решить в ходе игры;

б) необходимо предложить достаточное количество языковых и речевых опор, которые позволят профилактировать появление ошибок;

в) для развития разных языковых навыков и речевых умений, возможно, немного поменять условия, задачи или способы выполнения уже знакомой учащимся игры.

Литература

1. *Амонашвили, Ш.А.* Здравствуйте, дети. – М. Просвещение, 1986.

2. *Выготский, Л.С.* Педагогическая психология. М., Педагогика. 1991.

3. *Конышева, А.В.* Современные методы обучения английскому языку. – Мн.: ТетраСистемс, 2003.

4. *Равинская, С.В.* Игры как средство обучения. – «Иностранные языки в школе», 1980, №1.

5. *Эльконин, Д.Б.* Психология детской игры. М., 1978.

О. В. Захарченко

(Рязань, Россия)

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье делается попытка определить влияние лингвострановедческого аспекта на обучение иностранному языку и иноязычной культуре в высшем учебном заведении, а также доказать тезис о неотделимости изучения иностранного языка от одновременного изучения культуры, истории, обычаев и традиций народа, язык которого изучается, о большой роли фоновых знаний.

Ключевые слова: культурный компонент, национальные реалии, коммуникативный компонент, социокультурные знания, фоновые знания.

The article is dedicated to the issues of linguacultural aspect in teaching foreign languages in higher school. The importance of applying both cultural and communicative components in this process is shown.

Key words: cultural component, national realia, communicative component, sociocultural knowledge, background knowledge.

В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранных языков от одновременного ознакомления с культурой страны изучаемого языка, ее историей и современной жизнью является общепризнанным. Один из аспектов, отражающих культуру, который к тому же помогает изучающему иностранные языки понять национально-исторические особенности, свойственные иной культуре, это – лингвострановедение. Сам язык выступает источником сведений об истории и культуре страны изучаемого языка.

По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, лингвострановедение понимается как культуроведение, ориентированное на задачи и потребности изучения иностранного языка. Но в отличие от культуроведческих дисциплин оно имеет филологическую природу, действует через язык и обязательно в процессе его изучения. Г.В. Рогова включает в лингвострановедческий компонент содержания обучения иностранному языку речевой материал

разного уровня, в том числе материалы, содержащие страноведческие сведения о культуре, истории и социальной жизни страны изучаемого языка. В рамках данного подхода речь идет о необходимости включать в предметное содержание речи страноведческий материал с ориентацией на диалог культур.

Таким образом, многие авторы подчеркивают важность информации о культуре страны изучаемого языка. Естественно, что при изучении иностранного языка необходимо включать информацию о природе, обществе, культуре, мышлении того народа, язык которого изучается. То есть культурный компонент реализуется через знания национальных реалий, важнейших исторических событий, выдающихся деятелей литературы и искусства.

Усиление культуроведческого компонента в обучении ни в коей мере не снижает важности коммуникативного компонента. Более того, это позволяет реализовать принцип коммуникативной направленности и организовать заинтересованное общение курсантов на иностранном языке. Культурный компонент способствует более осознанному овладению иностранным языком как средством общения и мотивирует интерес к культуре страны изучаемого языка. Все уровни языка имеют страноведческий план. Такие единицы языка, как идиомы, пословицы, содержат некий компонент значения, который понятен только носителям данной культуры. Этот компонент культуры передается так называемыми единицами значения. Для полного владения языком важно знание этих элементарных единиц значения, которые не совпадают в различных культурах.

Фоновые знания, будучи результатом исторического развития того или иного общества, отражают его культуру, обычаи и т.п., то есть являются страноведческими и лингвострановедческими и составляют национально-культурный аспект. Недооценка данного аспекта в обучении может привести к определенным трудностям в интеркоммуникации. При изучении иностранного языка происходит усвоение не только плана выражения некоторого языкового явления, но и плана содержания, то есть надо вырабатывать в сознании

обучающихся понятия о новых предметах и явлениях, не находящих аналогов, ни в их родной культуре, ни в их родном языке. Следовательно, речь идет о включении элементов страноведения в преподавание языка. Но поскольку это включение качественно иного рода по сравнению с общим страноведением, то необходимо соединение в учебном процессе изучения языка и сведений из сферы национальной культуры, то есть преподавание должно иметь лингвострановедческую направленность, без которой нельзя изучать язык как средство общения.

Коммуникативное и социально-культурное развитие обучаемых средствами учебной дисциплины «Иностранный язык» осуществляется в большей мере за счет правильной реализации лингвострановедческого подхода на занятиях. Культурологические знания составляют одну из основных частей лингвистического образования.

Страноведческая информация должна включать сведения, позволяющие сделать урок иностранного языка интересным. История страны, географические сведения, природа и экология, культура и искусство, деятели культуры (певцы, музыканты, писатели, художники, ученые), спорт, праздники и традиции, особенности быта, уклад повседневной жизни, взаимоотношения в семье – основные темы страноведческого характера. Часть этой информации может быть представлена в виде картин, слайдов, фильмов, компьютерных презентаций и т.д. Художественный фильм представляет собой одно из самых эффективных средств, обеспечивающих ту совокупность обстоятельств, которая вызывает речевое общение, благоприятствует или сопутствует ему, то есть создает коммуникативную ситуацию. Просматривая аутентичный художественный фильм, курсанты знакомятся с принятыми нормами речевого взаимодействия и особенностями коммуникативного поведения носителей изучаемого языка.

При обучении курсантов английскому языку в военном училище мы используем учебник «Campaign. English for the Military» издательства MACMILLAN (2003).

В этом и других учебниках можно встретить, например, следующие реалии – топонимы:

а) название военных объектов: Fort Jackson in South Carolina, Fort Knox in Kentucky, Fort Mc Cleland in Alabama where recruits are trained.

б) название стран: Russia, Canada, China, Hawaii, Mexico;

в) название водных пространств: the Atlantic Ocean, the Pacific Ocean, the Gulf of Mexico; the Mississippi, the Missouri, the Rio Grande, the Columbia;

г) название городов: Washington, New York, Los-Angeles, Chicago, Philadelphia, Detroit, San Francisco и другие географические названия.

Географические названия могут быть известны и за пределами данной страны, иметь устоявшиеся соответствия в языках всего мира, однако ассоциации, связанные с этими объектами, являются частью национальной культуры и могут быть не известны за пределами данной культуры.

Объектом лингвострановедения являются и антропонимы (личные имена людей). Это прежде всего имена исторических личностей, государственных и общественных деятелей: Columbus, Lincoln .

Другие реалии, используемые на занятиях, могут быть классифицированы следующим образом.

1. Этнографические реалии. Реалии быта:

а) воинские звания: Noncommissioned Officers, Warrant Officers, Sergeant Major;

б) документы военнослужащих: travel claims – требование по оплате путевых расходов, application for leave (transfer) – рапорт о представлении отпуска (перевода), discharge document – документ об увольнении;

в) бытовые помещения воинской части: barracks – a place, where cadets live married quarters – accommodations for married soldiers, cookhouse – a place, where soldiers take their meals;

г) боевая подготовка военнослужащих: communication training, obstacle course, field training exercises, foot march, weapons training;

д) обычаи и традиции, праздники: Independence Day, Thanksgiving Day;

е) повседневная деятельность военнослужащих: company duty, roll call, guard duty, afternoon assembly.

2. Общественно-политические реалии: правительство США, вооруженные силы США.

Весь учебный процесс выступает как процесс последовательного решения цепочки задач, соотносящихся с целями. Известно, что на пути реализации конечных целей стоит множество промежуточных, которые как вехи определяют наше продвижение к конечным целям. Одной из основных целей обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции. Эта цель реализуется через языковые, речевые упражнения, основанные на фоновых знаниях, в результате выполнения которых формируются знания, умения и навыки, и способность осуществлять иноязычное общение.

Самые распространенные упражнения с учетом лингвострановедческого аспекта, которые мы применяем на занятиях по английскому языку, это:

– Match the words with the pictures (при введении и активизации лексики с помощью слайдов);

– Listen and complete the text (прослушав текст, курсанты вставляю пропущенные слова или дополняют предложения, тем самым развивая навыки аудирования);

– Complete the schedule, Complete the chart, Work in pairs. etc (для развития навыков устной речи).

Все это дает возможность целенаправленно вести работу по формированию фоновых страноведческих знаний с первых шагов и развивать речевые навыки курсантов.

На наш взгляд, можно с полным правом говорить о лингвострановедческом компоненте содержания учебников, т.к. он входит и в цели, и в содержание, и в приемы обучения, представленные в них. Правомерно считать лингвострановедческим компонентом содержание УМК в целом, т.к. в

него входит книга для чтения, книга для учителя, тематический план, которые в значительной мере решают эти задачи.

Организация изучения иностранного языка в тесной связи с национальной культурой народа, который говорит на этом языке, лингвострановедческая «окраска» обучения в целом, учебных материалов, в частности, будет содействовать усилению коммуникативно-познавательной мотивации курсантов, расширению общекультурного кругозора, позволит разнообразить приемы и формы работы, апеллировать к интеллекту и эмоциональной сфере обучаемых, повысить мотивацию, активность, инициативу курсантов на занятии, а значит, возникнет потребность, необходимость в получении знаний и в овладении умениями и навыками по иностранному языку.

Литература

1. *Брянцева, Н.В.* Культурологические знания – одна из основных частей лингвистического образования // Преподавание и изучение иностранных языков и культур: традиции и новации. Сб. докладов II Международной научно-практической конференции. – Тольятти, 2010.

2. *Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г.* Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М, 1980.

3. *Соловова, Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособие для студентов пед.вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2003.

4. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Slovo, 2004.

5. *Тимофеева, Е.В.* Родная культура как необходимое условие для межкультурной коммуникации./ Языковая личность и социокультурное сообщество: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. − Рязань: РГМУ, 2007.

6. *Томахин, Г.Д.* Лингвострановедение: что это такое? // Иностранные языки в школе. – 1996. – №6.

И.С. Идилова
(Рязань, Россия)

ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ДЕЛОВОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ МАГИСТРАТУРЫ

(направление подготовки «Филология»)

Статья посвящена подходам к обучению деловому иностранному языку студентов, обучающихся в магистратуре по направлению подготовки «Филология». В ней рассматриваются цели, особенности и принципы преподавания данной дисциплины.

Ключевые слова: деловой английский, цель, принцип, коммуникативная ситуация, профессиональная сфера, бизнес-сфера, коммуникативная компетенция, стилистическая компетенция, дискурсивная компетенция, социокультурная компетенция, переводческая компетенция.

The article describes an approach to teaching Business English to students studying for their Master's degree in Philology. It considers the aim, specific features and most important principles that should be taken into account while teaching the discipline.

Key words: Business English, aim, principle, communicative situation, professional sphere, business-sphere, communicative competence, stylistic competence, discursive competence, socio-cultural competence, translation competence

Неотъемлемой частью профессиональной деятельности в любой сфере является деловое общение. Знание делового этикета, профессиональной этики, умение выстраивать межличностное общение в процессе делового общения, умение планировать и организовывать деятельность свою и других членов коллектива необходимы любому специалисту и отчасти определяют ее успешность.

Обучаясь в магистратуре по направлению подготовки *032700 Филология*, студенты готовятся к осуществлению различных видов профессиональной деятельности: научно-исследовательской, педагогической, прикладной, проектной, организационно-управленческой [1].

Специфика дисциплины «Деловой иностранный язык» такова, что позволяет преподавателю ставить перед обучающимися комплексные задачи: исследование языков и культур, художественной литературы и различных видов дискурса и текста сочетается с развитием у магистрантов личностных качеств, необходимых для осуществления профессиональной деятельности в вышеназванных сферах, с формированием общекультурных универсальных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВПО [3].

Планируя и организуя учебный процесс, мы принимаем во внимание, что большинство сегодняшних магистрантов, обучающихся по образовательной программе «Филология», завершили профессиональную подготовку по специальностям «Перевод и переводоведение» или «Иностранный язык с дополнительной квалификацией (второй иностранный язык)». Это студенты, уже обладающие довольно высоким уровнем иноязычной коммуникативной компетенции, достаточной для ведения профессиональной (педагогической или переводческой) деятельности на иностранном языке. С одной стороны, это обстоятельство облегчает задачу преподавателю, так как позволяет рассчитывать на достаточно свободное использование языка в условиях учебно-коммуникативных ситуаций, направленных на решение профессиональных коммуникативных задач. С другой стороны, довольно высокий «начальный» уровень магистрантов налагает на него дополнительную ответственность: преподаватель должен выявить «лакуны» в знаниях и умениях магистрантов и «вывести» уже сформированные компетенции в новую узкопрофессиональную сферу.

Дисциплина «Деловой иностранный язык» направлена на исследование стилистических характеристик различных видов делового дискурса, на обучение магистрантов продуцированию различных видов деловой документации, планированию и осуществлению публичных выступлений; квалифицированному синхронному или последовательному сопровождению

международных форумов и переговоров, обеспечению приема делегаций из зарубежных стран [2], планированию и ведению на иностранном языке собраний, дискуссий, конференций и пр.

Эффективность учебного процесса обеспечивается созданием необходимых психолого-педагогических условий для его осуществления, одно из которых − *соблюдение* общедидактических *принципов* сознательности, системности, коммуникативности, доступности, научности, градации трудностей и др. Помимо общеизвестных и общепринятых принципов выделим еще два специфических для преподавания дисциплины «Деловой иностранный язык»:

1) принцип постоянного межкультурного сопоставления реалий, связанных с бизнес-сферой (например, концепт «дистанция власти» («power distance») и, как следствие, особенности деловых взаимоотношений между подчиненными и руководителями в различных культурах и др.);

2) принцип многоцелевой организации занятий: совершенствование *коммуникативной компетенции* в ситуациях решения профессиональных проблем остается основной задачей; развиваются *стилистическая компетенция*, определяемая как «способность идентифицировать и воспроизводить стилистически маркированные характеристики делового языка как функционального стиля»; *дискурсивная компетенция* - «овладение способами содержательного наполнения и композиционного построения устного или письменного высказывания в зависимости от разновидности делового дискурса»; *социокультурная компетенция* – «овладение способами языкового оформления устного высказывания или письменного документа в соответствии с иноязычной культурой и коммуникативной ситуацией»; *переводческая компетенция* – «способность пользоваться совокупностью переводческих стратегий в целях передачи исходного текста на ином языке в устной или письменной форме, с учетом социокультурных факторов» [2] в условиях делового общения.

Особенно важным представляется правильный подход к планированию

занятий с учетом методических принципов и специфики обучающихся по данному направлению. Продуманный и правильно составленный конспект занятия позволяет преподавателю максимально активизировать магистрантов, самому же «отойти в тень», так как даже его контролирующая функция в этом случае сводится к минимуму, поскольку занятия строятся так, что каждое последующее задание «контролирует» предыдущее, а каждое предыдущее «подготавливает» последующее.

Роль преподавателя на занятии при таком подходе модифицируется: он не является активным участником образовательного процесса, а становится «невидимым дирижером», который, не исполняя партию на каком-либо музыкальном инструменте, заставляет весь оркестр звучать гармонично. Его основная функция − определение стратегии и тактики учебного процесса, учебной траектории магистрантов во время каждого учебного занятия.

Максимальная активность магистрантов на всех этапах занятия может достигаться через самые разные формы работы:

- *индивидуальную* (case-study, анализ проблемной ситуации, unsupervised exercises, самопрезентация, написание резюме и др.);

- *парную* (интервью, беседа с экспертом в сфере профессиональной деятельности, ситуации последовательного и синхронного перевода и др.);

- *групповую* (проведение опроса, обобщение и презентация его результатов; составление профиля группы; ведение деловых собраний, конференций, деловых переговоров и др.).

Не следует забывать, что аутентичный и современный учебный материал, активное использование аудио, видео и Интернет-ресурсов на занятии помогают преподавателю максимально приблизить учебную коммуникативную ситуацию к ситуации реального профессионального общения, направить когнитивную деятельность магистров в нужное русло, наглядно продемонстрировать межкультурные различия в сфере деловой коммуникации, а также мотивировать студентов на активное участие в процессе общения.

Литература

1. Основная образовательная программа магистратуры, реализуемая Институтом иностранных языков РГУ имени С.А. Есенина по направлению подготовки высшего профессионального образования (ВПО) *032700 Филология*, утвержденная Ученым Советом Университета 30.05.2011, протокол № 12.
2. Программа дисциплины «Деловой иностранный язык», реализуемая Институтом иностранных языков РГУ имени С.А. Есенина по направлению подготовки высшего профессионального образования *032700 Филология* в рамках ООП магистратуры, утвержденная на заседании кафедры германских языков и методики их преподавания, протокол №1 от 31.08.2011 г.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) по направлению подготовки высшего профессионального образования (ВПО) (магистратура), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 января 2010г. №24 // Режим доступа: https://www.rsu.edu.ru/sites/default/files/users/n.dolgova/menu_2/standart_III0/magister/032700.68_philology.pdf

А.И. Малько, Ж.П. Курдеко

(Горки, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Наше исследование посвящено проблеме осуществления межпредметных связей в преподавании русского языка как иностранного. Подчеркивается большое значение решения данной проблемы, так как изучение специальной лексики на занятиях по русскому языку поможет иностранным студентам преодолеть языковой барьер, лучше овладеть специальными дисциплинами, успешнее готовиться к практическим и семинарским занятиям, сдавать зачеты и экзамены.

Ключевые слова: межпредметные связи, языковой барьер, система упражнений, расширение кругозора, воспитательное значение.

Our research is devoted to the problem of interdisciplinary ties in the process of teaching Russian as a foreign language. The idea of importance of solving this problem is stressed. Learning special vocabulary at the classes of the Russian language will help foreign students to overcome

language barrier, to master special disciplines, to get ready for practical classes and seminars better, and to pass examinations.

Key words: interdisciplinary ties, language barrier, system of exercises, broadening of the outlook, educational importance.

В Белорусской государственной сельскохозяйственной академии студенты 1 курса изучают дисциплину «История Беларуси», в том числе и студенты-иностранцы, которые учатся в одной группе с белорусами и, конечно, ощущают языковой барьер в овладении данной дисциплиной. Специфика состоит еще и в том, что белорусские студенты изучают данный предмет на своем родном языке, а иностранцы – на русском. В связи с этим преподаватели русского языка как иностранного оказывают помощь первокурсникам в подготовке к практическим и семинарским занятиям и к сдаче модулей по истории Беларуси.

В БГСХА преподавателями, работающими с иностранными студентами, осуществляются межпредметные связи, налажено сотрудничество русистов с преподавателями специальных дисциплин, подготовлены и готовятся совместные учебно-методические разработки и пособия по русскому языку на материале текстов по специальным дисциплинам: этике, основам права, обществоведению, международным экономическим отношениям – в помощь иностранным студентам. Подготовлены такие разработки и по истории Беларуси (в 2 частях), которые включают тексты по 30 темам, обработанные, адаптированные для иностранцев. Каждый текст сопровождается системой предтекстовых и послетекстовых заданий, направленных на снятие орфоэпических, акцентологических, лексических и грамматических трудностей: чтение слов с безударными гласными ***о***, ***е***, слитное чтение предлогов с существительными, местоимениями, чтение словосочетаний числительных с существительными и т.д.

Большое внимание уделяется словообразованию существительных, прилагательных, в том числе сложных слов, употреблению падежных окончаний, чему способствует задание на составление словосочетаний из приведенных пар слов, на подбор прилагательных к существительным.

Важными являются задания на составление вопросного и назывного планов текста, составление хронологической таблицы по тексту.

Кроме того, материал исторических текстов дает возможность преподавателю расширять кругозор иностранных учащихся, знакомя их с событиями далекого прошлого и с современной действительностью, с известными людьми республики бывшего СССР: поэтами, писателями, печатниками, государственными деятелями. На занятиях по истории преподавателю не хватает времени уделить иностранным студентам достаточно много внимания. Эти пробелы восполняются русистами, которые используют занятия по научному стилю речи и для знакомства студентов со специальной лексикой и страноведческими реалиями.

Например, при изучении темы «Социалистическая индустриализация и коллективизация в БССР» ведется рассказ об этих процессах в Беларуси на фоне событий во всем СССР. Поэтому нельзя не рассказать студентам о Михаиле Шолохове и его романе «Поднятая целина», посвященном трагическим событиям в истории страны коллективизации, которую в советской публицистике называли «великим переломом», в 70-е годы XX века – «раскрестьяниванием», а несколько десятилетий спустя коллективизация была расценена как уничтожение самых работоспособных, хозяйственных и сметливых крестьян. Рассказ преподавателя о самом писателе и показе коллективизации на Дону поможет студентам нагляднее представить трагические страницы истории народа.

При чтении со студентами текста о начале Великой Отечественной войны преподаватель рассказывает о Брестской крепости, ее истории, показывает открытки, документальный кинофильм «Брест и Брестская крепость». После изучения темы проводится просмотр художественного фильма «Брестская крепость» с последующим его обсуждением. Во время изучения темы «Установление фашистского оккупационного режима на территории Беларуси» студентам демонстрируется книга о Хатыни – белорусской деревне

около Логойска, которая 22 марта 1943 года была сожжена вместе со 149 ее жителями и на месте которой воздвигнут мемориал в память 628 сожженных деревень на территории Беларуси.

Студенты узнают о концлагерях на территории Беларуси, о еврейских гетто. Усилить впечатление от рассказов преподавателя помогают картины известного белорусского художника Михаила Савицкого «Цифры на сердце». Михаил Савицкий был узником Освенцима и Бухенвальда, поэтому его картины поражают страшной правдой.

Студенты получают информацию и о том, что происходило в Горках и в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии во время Великой Отечественной войны, о том, что студенты и преподаватели участвовали в подпольной борьбе, были в партизанских отрядах, узнают историю создания памятников, историю названий улиц города, в том числе улицы Якубовского, которая носит имя дважды Героя Советского Союза, маршала И.И. Якубовского, уроженца деревни Зайцево, находящейся в трех километрах от Горок.

Такая работа имеет большое познавательное и воспитательное значение, помогает студентам не только лучше усвоить необходимый фактический материал, но и расширяет их кругозор, дает возможность лучше узнать Республику, в которой они учатся, разобраться в событиях, которые здесь происходили, и правильно их оценивать.

Л.В. Молчанова

(Рязань, Россия)

АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

(на примере японского языка)

Данная статья исследует возможности применения компьютерных программ для акустического анализа речи (в частности, Speech Analyzer) для отработки произносительных навыков студентов младших курсов вузов на примере лабораторной работы по фонетике японского языка. Делается вывод, что данный метод прост в использовании, нагляден и учитывает индивидуальные особенности студентов, следовательно, эффективен как для аудиторной, так и для самостоятельной работы над произношением любого языка.

Ключевые слова: акустический анализ, фонетические навыки, произношение.

The article investigates the opportunities of acoustic speech analysis programmes (e.g., Speech Analyzer) for the purposes of pronunciation skills improvement. With the example of a language laboratory workshop developed for the freshmen students of the Japanese language, it is concluded that the method is simple to use, visual and individually oriented, therefore, effective both for in-class and independent phonetic training.

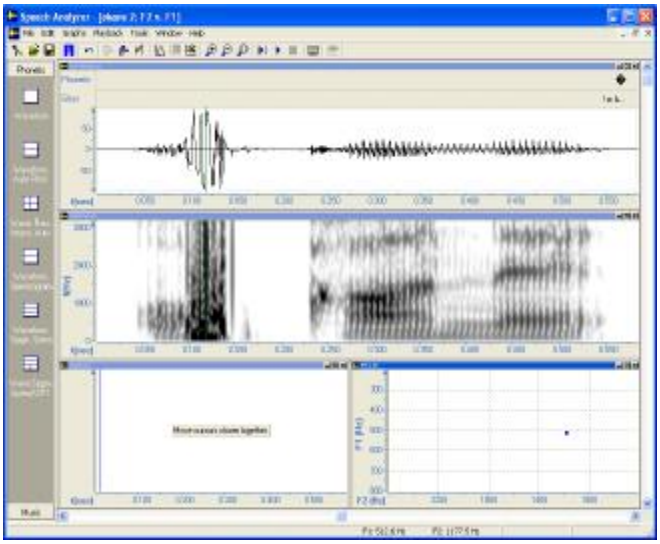
Key words: acoustic analysis, phonetic skills, pronunciation.

В результате перехода высшего образования в России на двухступенчатую систему ощущается значительное сокращение аудиторных часов, при этом часы на самостоятельную работу студентов увеличены. Однако если профилирующим предметом является иностранный язык, на младших курсах достаточное количество аудиторной работы является залогом усвоения такого основополагающего аспекта языка, как практическая фонетика. Постановка произношения – процесс, традиционно контролируемый преподавателем, который может внести необходимые исправления и направить студента. Как же осуществлять постановку произношения в условиях сокращения часов и опорой на самостоятельную работу студентов?

Представляется, что определенную помощь в этом могут оказать компьютерные программы для акустического анализа речи. В качестве примера рассмотрим свободно распространяемую программу Speech Analyzer,

разработанную и поддерживаемую международной лингвистической организацией Summer Institute of Linguistics (SIL).

Данная программа позволяет осуществлять запись через обычные совместимые с персональным компьютером микрофоны, редактировать запись (удалять, добавлять фрагменты), изменять ее параметры (громкость, скорость, высота звука и т.д.). Кроме того, возможно проводить акустический анализ записанных звуковых потоков в различных формах – осцилограмма, спектрограмма, форманты (см. рис.), мелограмма, линейный график высоты тона и пр. [2].



Акустический анализ имеет ряд преимуществ перед традиционными приемами имитации или сознательно-артикуляционным подходом в постановке и тренировке произношения. Прежде всего, это наглядность: не каждый человек имеет настолько точный фонематический слух и развитые навыки имитации, чтобы безошибочно копировать речь преподавателя или диктора. При акустическом анализе возможно зрительное восприятие произносимого звукового ряда, что позволяет записать своё собственное воспроизведение и сравнить его с данным образцом по различным параметрам: долгота и краткость звуков, качественные показатели звука, наличие или отсутствие звука, высота тона и т.п. Конечно, акустический анализ сам по себе не замещает иные подходы, но может являться успешным дополнением к ним, показывая нам звучащую речь с иной, измеряемой и зрительно контролируемой стороны [4. С. 137].

Фонетика японского языка характеризуется рядом особенностей как в плане произношения отдельных звуков, так и на супрасегментном уровне [1. С. 14-18]. Согласно Т. Андо (2001), наиболее частотными фонетическими

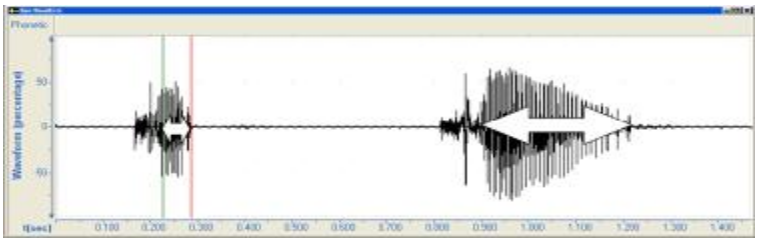
ошибками у русскоговорящих студентов, изучающих японский язык, являются следующие [3]:

1) излишняя лабиализация гласного [□] (превращение в [u]);
2) качественная редукция безударных гласных;
3) отсутствие оглушения гласных там, где это необходимо;
4) сложности в произношении носового гласного – аллофона /N/;
5) замена согласных с непривычным местом или способом образования более привычными (губно-губного [□] – губно-зубным [f]; (хлопкового [□] – дрожащим [r] и пр.);
6) замена музыкального тонового ударения силовым.

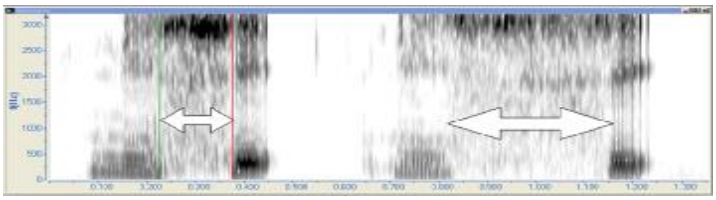
На основании исследования Т. Андо и преподавательского опыта автора, нами были выделены трудности в произношении студентов, составлены минимальные пары или отобраны отдельные слова, сгруппированные по данным трудностям, и составлен цикл лабораторных работ по акустической фонетике. В качестве их содержания мы отобрали такие параметры, как: краткость/долгота гласных звуков, двойные согласные, качественная редукция гласных [o], [e]; ослабление (полная редукция, или оглушение) гласных [i], [□]; позиционные аллофоны носового /N/; музыкальное ударение.

Первая лабораторная работа по ознакомлению с программой Speech Analyzer проводится со студентами в лингафонной лаборатории после 2 месяцев изучения японского языка, когда ими освоены все отдельные звуки. Минимальные пары или отдельные слова согласно отобранным сложностям предварительно записываются носителем языка и сохраняются на компьютерах студентов. После этого студенты выполняют самозапись тех же самых примеров. Затем выполняется этап анализа: в первую очередь анализируются примеры-образцы согласно заданным параметрам (для некоторых параметров даны соответствующие примеры в отображении Speech Analyzer):

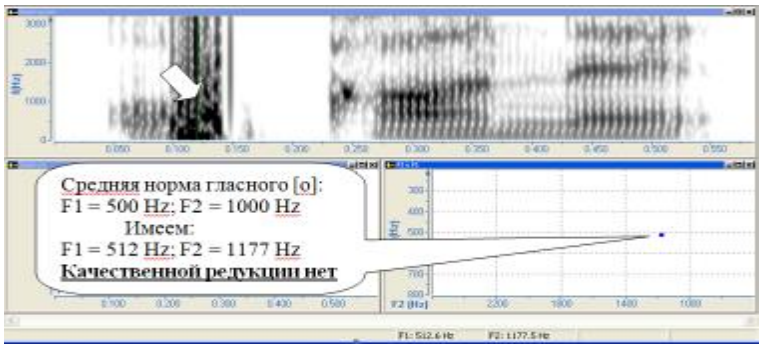
- *краткость/долгота гласных звуков* – долгота звука в мсек и ее соотношение в каждой паре **([ka] – [ka□])**:



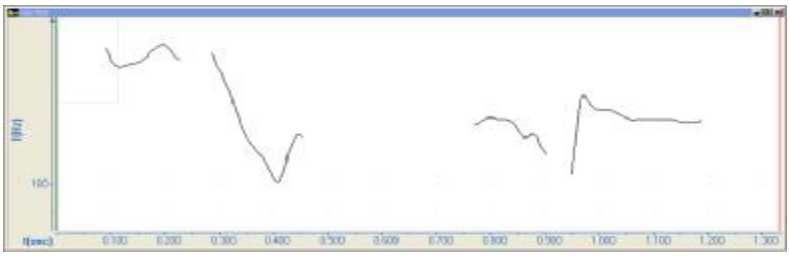
- *краткость/долгота согласных звуков (двойные согласные)* – долгота смычки / шипящего звука в мсек **([ni□i] – [ni□ i])**:



- *качественная редукция гласных* – показатели формант F1 и F2 для гласных звуков в подчеркнутых слогах **([okane]):**



- *количественная редукция (оглушение) гласных* – наличие гласных звуков в подчеркнутых слогах (при наличии, определение его долготы в мсек);
- *позиционные аллофоны носового /N/* – наличие носового форманта, его длительность и концентрация/размытость;
- *музыкальное ударение* – высота тона и ее изменение (музыкальный рисунок ударения**: [igai] (high-low) – [igai] (low-high)**):



После анализа образцов студенты выполняют аналогичный анализ самозаписанных файлов и сравнивают показания. Таким образом, выявляются

наиболее типичные для конкретного студента ошибки. Эти слова или пары слов рекомендуется произнести и записать снова, обращая внимание на проблемные зоны, где ранее возникала ошибка, и повторно проанализировать результат.

Наконец, для закрепления полученных навыков при использовании их в речи предлагается условно-коммуникативное задание: продолжить высказывания, добавив 2-3 предложения, воспроизвести их и сделать запись (при этом в предложения-стимулы включаются отработанные ранее слова). В данном задании мы заинтересованы, будут ли сохраняться навыки правильного произношения отдельных слов при включении их в поток речи. После записи из сохраненного файла вырезается и анализируется интересующий нас фрагмент.

Проведение подобных лабораторных работ показывает, что повышается осознание студентами количественных и качественных различий в фонетических явлениях родного и японского языка, своих ошибок и проблемных зон, повышение внимательности и самоконтроля за звуковой стороной речи. Помимо улучшения репродуктивных навыков, данный вид работы эффективен и для тренировки восприятия японской речи на слух, тем более что любые аудиофайлы, в том числе аудиозаписи к учебникам, могут быть адаптированы в формат для работы в программе Speech Analyzer. Уже после первой лабораторной работы многие студенты устанавливают программу на домашние компьютеры и работают над произношением и готовятся к занятиям с ее помощью.

Литература

3. *Фельдман, Н.И.* Японский язык. – Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2011.
4. Speech Analyzer: SIL International Website. Available at: http://www.sil.org/computing/sa/index.htm [Accessed on 1.03.2012]
5. 安藤智子（2001）『ロシア人日本語学習者に対する音声教育の一例』// Nagoya Working papers in Linguistics. Vol. 17. – 名古屋：名古屋大学 - 1-22項．
6. 吉田友敬（2007）『言語聴覚士の音響学入門』東京：KAIBUNDO項．

О.В. Писецкая

(Минск, Беларусь)

РАСШИРЕНИЕ ПОЛЯ КОНЦЕПТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

В статье идет речь об особенностях изучения концепта *семья* на занятиях русского языка для иностранцев как на начальном этапе, так и на более продвинутом уровне. В качестве примера рассматривается учебник Е. Колларовой и Л. Трушиновой «Встречи с Россией», предназначенный для средних школ Словакии. Автор приходит к выводу о том, что поле концепта в процессе его изучения расширяется при помощи семантических групп, фоновой лексики, узуальных оппозиций и прототипов.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, прототип, семантизация, фоновая лексика, фрейм.

The article focuses on the peculiarities of the study of the concept *family* during the classes on the Russian language for foreign students both at elementary and advanced levels. As an example the textbook ‘Meetings with Russia’ by E. Kollarova and L. Trushinova is considered. The textbook is intended for the secondary schools of Slovakia. The author comes to the conclusion that concept sphere is widening in the process of its study with the help of semantic groups, background vocabulary, customary oppositions and prototypes.

Key words: concept, concept sphere, prototype, semantization, background vocabulary, frame.

Человек живет в контексте культуры. Она является для него «второй (виртуальной, возможной) реальностью». Концептосфера языка – это и концептосфера русской культуры. По мнению Д.С. Лихачева, «главное богатство словаря русского языка лежит на уровне концептов и концептосферы» [3. С. 286]. Поэтому очевидно, что изучение русского языка требует изучения наиболее значимых фрагментов концептосферы, без которых невозможно адекватное понимание и продуцирование текстов. Следует заметить, что семантизация концепта при обучении иностранному языку

затруднена. Не всегда возможен и адекватный перевод ключевых концептов, о чем писала А. Вежбицка, анализируя русские слова *душа, тоска, судьба* [1].

Содержание концепта зависит не только от языка, но и от тех изменений, которые претерпевает внеязыковая среда. В современном языке ключевые категории культуры *истина* и *красота*, *долг* и *судьба*, *закон* и *порядок* обретают новые коннотации и ассоциации. Тем не менее, изучение концепта в его фреймовом окружении на начальном этапе, безусловно, следует начинать со знакомства с *прототипной* ситуацией (Элеонора Рош) как наилучшим образцом. Как правило, это традиционное (словарное) значение лексемы. Такой путь изучения концепта *семья* и сопутствующих ему категорий *любовь, брак* представлен в учебнике Е. Колларовой и Л.В. Трушиновой «Встречи с Россией» (в 2 ч.), предназначенном для средних школ Словакии.

Как отмечает Ю.С. Степанов в Словаре русской культуры «Константы», одним из компонентов концепта *любовь* является «взаимное подобие» двух людей [5], ср.: англ. *I like her (him)* – ‘Она (он) мне нравится’ и ‘Я подобен ей (ему)’. В состав *семьи* входят люди, появившиеся от одного *семени* (этимологический аспект концепта), однако их подобие объясняется еще и продолжительным сосуществованием в пределах общего пространства и времени (Ср.: *Муж и жена – одна сатана*). В «Толковом словаре русского языка» слово *семья* в первом значении трактуется как группа живущих вместе близких родственников [4].

В учебнике Е. Колларовой и Л. Трушиновой уже вторая встреча учеников с русским языком называется «Все начинается с семьи…», где авторы предлагают традиционное лексическое наполнение для фрейма *семья*: *отец – мать (родители), муж – жена, сын – дочь (дети), брат – сестра*. Такая лексика, как правило, является эквивалентной: для ее понимания достаточно перевода на родной язык. Однако даже в языках, относящихся к одной группе, существуют различия в названиях близких родственников, и в этом случае выявляется национальная картина мира, выраженная в языке (например, номинации *дядя, тетя* в других славянских языках могут иметь несколько

вариантов перевода, в зависимости от направления родства – по мужской или женской линии). Закономерности такого же порядка эксплицируются в замечании авторов учебника о том, что англичане считают кошку и собаку членами семьи. Лексическое и фоновое наполнение концепта *семья* помогает сравнить русские слова *семья*, *родина* и словацкое слово *rodina* (‘семья’). Таким образом, выявляются различия концептуализации понятия *семья* в разных языковых картинах мира.

Наиболее эффективный метод изучения иностранного языка – концентрический. Так поступают авторы учебника, возвращаясь к концептам *семья – брак – любовь* и углубляя их в следующих встречах: «Дом – лицо человека», «Талант семьи, талант и семья», «Лицом к лицу: ученик и учитель, отцы и дети». Так, особенности современной картины мира выявляется при помощи лексем *жених – невеста* и *обручение*, например: *Как в русском языке можно представить партнера (моя девушка – мой парень, подруга – друг, невеста - жених)?* Что в современном русском языке означают понятия *церковный, законный* и *гражданский брак?*

Как отмечалось выше, в одной семье объединяются люди, связанные не только фактом своего рождения, но также общностью пространства и времени. Поэтому в учебнике Е. Колларовой и Л.В. Трушиновой фрейм концепта *семья* заполняется лексемами со значением временных и пространственных координат. Например, в ответе на вопрос *Кто где живет?* предлагается вставить названия городов в форме предложного падежа, а на вопрос *Когда в Вашей семье завтрак, обед, ужин?* – использовать конструкции со словами *час* и *минута*. Совместное принятие пищи за семейным столом – маркер русской традиционной семьи. В «Комплексном словаре русского языка» в ряде существительных, с которыми сочетается прилагательное *семейный*, значимыми для русской национальной картины мира являются *очаг, круг, праздник* [2]. Авторы «Встреч с Россией» представляют лексику – номинации продуктов – при помощи оппозиции *будни – праздники: Что у Вас в семье едят на завтрак, обед, ужин? – Что бы Вы поставили на праздничный стол?*

Знакомство с культурой – это, прежде всего, знакомство с ключевыми именами этой культуры. В качестве образца, прототипной семьи, во второй встрече рассматривается родословное дерево семьи Михалковых – Кончаловских: прадед – художник XIX века Василий Суриков, дед – художник Петр Кончаловский, отец – поэт Сергей Михалков, мать – писательница Наталья Кончаловская, сыновья – режиссеры Андрон Михалков-Кончаловский и Никита Михалков. Таким образом, авторы считают прототипной семьей для любой национальной картины мира семью одаренных людей (задание ученикам: *Назовите какие-либо словацкие знаменитые семьи*). Неслучайно восьмая встреча в учебнике для 3-его и 4-ого годов обучения называется «Талант семьи, талант и семья», где учащимся предлагается соединить знаменитые пары: А. Ахматова – Н. Гумилев, Л. Орлова – Г. Александров, З. Гиппиус – Д. Мережковский, А. Дункан – С. Есенин, М. Влади – В. Высоцкий, Г. Вишневская – В. Растропович и др. Принцип парности, дихотомии, свойственный человеческому мышлению, а значит, и концептуальной картине мира, сохраняется и в уроке под названием «Лицом к лицу: ученик и учитель, отцы и дети». Как можно заметить, во фрейм концепта *семья* втягивается оппозиция *учитель – ученик*, по аналогии с оппозицией *отцы – дети*. Как экспликацию прототипных отношений на оси *отец – дочь* и *мать – дочь*, имеющих общие точки пересечения с осью *учитель – ученик*, авторы учебника «Встречи с Россией» рассматривают отношения внутри семьи Цветаевых: проф. Цветаев – Марина Цветаева (*отец - дочь*), Марина Цветаева – Ариадна Цветаева (*мать - дочь*).

В поле концепта *семья* втягивается семантическая группа слов *любовь* и *красота*, причем последняя категория в своей структуре содержит противопоставление: *внешняя красота – внутренняя красота* (вопрос: *Всегда ли это совпадает?*). Культурологическая компетенция учащихся пополняется еще одним прототипом русской концептосферы: любовь и брак первого поэта А.С. Пушкина и первой красавицы Н. Гончаровой (*Говоря о Пушкине, мы не можем не говорить о любви…*).

Таким образом, в учебнике Е. Колларовой и Л.В. Трушиновой «Встречи с Россией» работа над очень важным в структуре любой картины мира, будь то национальная или индивидуальная, концептом *семья (любовь, брак)* проводится концентрически. С каждым новым обращением к этой теме поле концепта расширяется при помощи:

1. семантических групп: номинации родственников (*отец, мать, дядя, племянник* и т.д.), лиц по профессии (*семья рабочего, учителя* и т.д.),
2. фоновой лексики: топонимы (названия городов, где живет семья), названия продуктов питания и др.;
3. узуальных оппозиций: *жених – невеста*, *церковный брак – гражданский брак*, *внешняя красота – внутренняя красота*;
4. прототипов, образцов: *семья* Михалковых-Кончаловских, *брак* Г. Вишневской – В. Растроповича, *любовь* А. Пушкина – Н. Гончаровой, отношения на оси *отец – дочь* проф. Цветаев – М. Цветаева.

На наш взгляд, система работы над семантизацией концепта *семья* при изучении русского языка иностранцами может быть дополнена словообразовательными возможностями семантической группы слов-топонимов. В условиях многонациональной и географически протяженной России (и Беларуси, где широко представлены семьи, созданные людьми разных национальностей) целесообразно поработать в иностранной аудитории над словообразовательной моделью: название города, страны, географической зоны – название лица мужского пола – название лица женского пола (*Минск – минчанин – минчанка, Беларусь – белорус – белоруска, Сибирь – сибиряк – сибирячка*). Кроме того, с нашей точки зрения, учитывая социальные условия России и Беларуси, где жизнь в столице (в городе) и в сельской местности имеет свою ярко выраженную специфику, оправданным является введение еще одной оппозиции *городская семья – сельская семья* и соответствующих лексических групп: *квартира – дом*, *работа – отдых*.

Несмотря на видимые изменения общественного сознания, прототип концепта остается неизменным – меняется только фрейм.

Подобные перемены мы можем наблюдать в периодической печати, языке СМИ, где ярко прослеживается динамика изменения концептуализации в условиях современного общества. Так, в сочетаниях *брачный контракт*, *брачный бизнес*, *брачное агентство* отчетливо выступает концептуальная метафора нашего времени: *брак (семья) – бизнес*. Фрейм традиционного концепта *семья* заполняется экономической лексикой. Данное обстоятельство необходимо учитывать в преподавании РКИ на «продвинутых» этапах, когда чтение и понимание неадаптированных газетных текстов является одним из важнейших аспектов владения иностранным языком.

Литература

1. *Wierzbicka, A.* Duša (soul), toska (yearning), sudba (fate): Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture / A. Wierzbicka // Metodu formalne w opisie języukòw słowiańskih. – Białystok, 1990. – P. 13-36.

2. Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов и др. Под. ред. А.Н. Тихонова. – М.: Рус. яз, 2001.

3. *Лихачев, Д.С.* Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. – М., 1997. – С. 280-287.

4. *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992.

5. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001.

Н. Шань

(Чанчунь, Китай)

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье рассматриваются дидактические принципы обучения. Предлагается использовать сознательно-коммуникативный подход при обучении студентов иностранному языку в Китае.

Ключевые слова: дидактические принципы обучения, сознательно-коммуникативный подход.

The article is devoted to the didactic principles of teaching. Is is suggested to follow the

conscious-communicative approach in the process of teaching foreign languages to students in Chinese educational establishments.

Key words: didactic principles of teaching, conscious-communicative approach.

Как известно, принципы обучения − это исходные положения, которые в своей совокупности определяют требования к учебному процессу в целом и к его составляющим (целям, задачам, методам, средствам, организационным формам, процессу обучения). Они относятся к числу базисных категорий методики, реализация которых в учебном процессе обеспечивает его эффективность. Принципы обучения являются отражением и обобщением существующих в природе закономерностей. Это обстоятельство послужило основанием для парадоксального, на первый взгляд, утверждения о том, что «принципов в природе нет; в природе существуют лишь закономерности» [2].

Сколько существует принципов обучения? Однозначного ответа на этот вопрос нет. В разных работах упоминаются почти 40 принципов обучения. Не существует и их общепринятой классификации. Одним из возможных подходов к классификации принципов обучения является содержание базисных для методики наук, на которые преподаватель ориентируется в своей работе. К числу таких наук относятся дидактика, лингвистика, психология. Перечислим принципы обучения:

- дидактические: сознательность, активность, наглядность, прочность, доступность и посильность, межпредметная координация, межкультурное взаимодействие, профессиональная компетентность преподавателя;

- лингвистические: системность, концентризм, разграничение лингвистических явлений на уровне языка и речи, функциональность, стилистическая дифференциация, минимизация языка;

- психологические: мотивация, поэтапность в формировании речевых навыков и умений, учет индивидуально-психологических особенностей личности учащихся, учет адаптационных процессов;

- собственно методические: коммуникативность, учет родного языка учащихся, устное опережение, взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности, профессиональная направленность обучения, аппроксимация,

ситуативно-тематическая организация обучения, учет уровня владения языком.

Все принципы тесно между собой связаны и образуют единую систему, призванную обеспечить достижение поставленных целей обучения. В то же время можно выделить принципы (или группы принципов), которые играют ведущую роль в конкретных условиях обучения. В наши дни к ведущим методическим принципам относится принцип коммуникативности, следование которому обеспечивает практическую направленность занятий, ориентирующих на овладение речевой деятельностью в избранной сфере общения.

Я.А. Коменский впервые в истории дидактики не только указал на необходимость руководствоваться принципами в обучении, но раскрыл сущность следующих принципов актуальных и сегодня:

1. принципа сознательности и активности;
2. принципа наглядности;
3. принципа постепенности и систематичности знаний;
4. принципа упражнений и прочного овладения знания и навыками;
5. принципа сознательности и активности.

Последний принцип предполагает такой характер обучения, когда учащиеся не пассивно, путем зубрежки и механических упражнений, а осознанно, глубоко и основательно усваивают знания и навыки.

Я.А. Коменский подчеркивал, что основным свойством сознательного знания является умение использовать знания на практике. Сознательность в обучении неразрывно связана с активностью учащегося, с его творчеством. А воспитание активности и самостоятельности автор относил к важнейшим задачам. Оказав огромное влияние на развитие педагогической мысли во всем мире, Я.А. Коменский был новатором в области дидактики, выдвинувшим много глубоких, прогрессивных дидактических идей, принципов и правил организации учебной работы.

Его рекомендации до сих пор в основных чертах применяются в школах различных стран.

Мы полагаем, что целесообразно было бы внедрить в китайских учебных заведениях метод преподавания иностранных языков, развиваемый представителями рязанской методической школы − Я.М. Колкером и Е.С. Устиновой − сознательно-коммуникативный подход, который опирается на лучшие традиции русской и зарубежной педагогики, органично сочетая их с требованиями «глобального» образования при обучении русскому языку как иностранному. Согласно этому методу, важнейшими принципами при обучении иностранному языку следует считать [1]:

- осмысление учащимися не только особенностей языкового материала, но и структуры функциональных умений (то есть умений переработки информации и эффективного порождения высказываний в устной и письменной формах);

- систематизацию языковых и экстралингвистических знаний с разнообразных точек зрения: с позиций воспринимающего речь и говорящего, с позиций обобщения уже изученного и предвосхищения еще неизученных компонентов частной системы (например, системы местоимений, временных форм и пр.);

- немедленное применение изученных языковых явлений в коммуникации, будь то подлинный обмен информацией или разыгрывание ролей в правдоподобных речевых ситуациях;

- построение последовательности заданий на занятии по принципу «снежного кома», то есть постепенного нарастания трудностей и включение уже отработанных учебных действий в более сложные;

- взаимосвязанное обучение аудированию, говорению, чтению и письменной речи как взаимообусловленным процессам, каждый из которых способствует обучению остальным трем;

- опору на родной язык учащихся (или на первый иностранный язык). Реализация этих принципов во многом зависит от условий обучения.

Литература

1. *Колкер, Я. М., Устинова, Е.С. Еналиева, Т. М.* Практическая методика обучения

иностранному языку: Учеб. пособие. − М.: Издательский центр «Академия», 2000.

2. *Нипков, К.Э.* Ян Коменский сегодня. − СПб: Глаголь, 1995.

О.В. Саватеева

(Мурманск, Россия)

SOME PROMPTS ON TEACHING VOCABULARY

В данной работе рассматриваются вопросы успешного обучения новым лексическим единицам на занятиях по иностранному языку, методические принципы, их реализация, а также способы запоминания значения новых слов.

Ключевые слова: лексическая единица, воспроизведение слова, зрительный образ слова, визуально-звуковой аспект слова, ассоциация.

The work is devoted to the issues of successful vocabulary teaching, to the processes the learning of a foreign vocabulary involves, to the methods of fixing meaning in one's mind and connecting it with the form and sound of a word.

Key words: vocabulary, word pronunciation, word sight, aural-visual aspect of the word, association.

For the average student, the learning of a foreign vocabulary is a challenge. The task involves three processes: 1) a series of unfamiliar combinations of letters must be learnt; 2) meaning must be attached to the newly learned word; 3) and finally, a pronunciation, not suggested by native spelling habits or speech patterns, must be applied to the new symbol. The problem of successful vocabulary teaching is to surmount these three difficulties at one and the same time. Thus a student who has been properly taught will be able to spell, pronounce and recognize a newly learned foreign word. Further, the three aspects of the word must be forever closely related in his mind: sound should suggest form and meaning, meaning should recall form and pronunciation, sight should recall meaning and pronunciation. If sight and sound are kept together at the start, retention and recall will be easier than if a word is seen without having been heard or heard without having been seen. The best results are also obtained if an attempt is made to fix the meaning in the student's mind when he

is first confronted with the aural-visual aspect of the word.

For fixing meaning and connecting it inseparably with the form and sound of a word, in students mind several methods of association can be provided for the students:

1. cognate helps and hindrances. The visual association of a foreign word with its English cognate is by far the most useful aid to students recall. Fortunately, it is possible with the languages generally studied to provide this sort of help, and the extent of its use is limited mainly by the extent of a teacher's knowledge;

2. derivative relationships should also be pointed out. Frequently English contains words which, although not cognates of foreign words, are derived from the same sources;

3. etymological treatment of words, utilizing student knowledge of Latin or another foreign language, is occasionally useful;

4. analysis of some foreign words, with subsequent definition of the various word elements of which they are composed, is an aid;

5. synonyms and antonyms sometimes make learning easier. The word for good, for instance, is remembered when associated with bad, etc. Scattered vocabulary items can be put together and organized to provide such associations;

6. pronunciation helps result from the similarity of English and foreign sounds, making the meaning of the foreign word easier to guess when pronounced than visual appearance might suggest;

7. analysis of the literal meanings of idioms makes them vivid, and impresses them upon the student's mind. The contrast between what the foreign idiom actually says and the English equivalent is often striking and the process of analysis and comparison will in itself go far toward fixing the phrase in the stident's memory;

8. all available devices for learning should be described to students. Mention should be made of verb and vocabulary wheels, drill pads, vocabulary lists and the like.

Particular care should be taken to see that students learn the indispensable

connectives and particles that make connected discourse possible. Too often teachers stress the learning of a formidable vocabulary of rare and unusual words while they neglect such words as *because, although, since, over* and the like. It is not at all uncommon to find an intermediate student whose general vocabulary is good, but who is hopelessly crippled in reading for lack of a ready knowledge of such common connectives and adverbs.

Once a vocabulary lesson has been presented to the class it is usually well to follow up with insistence of individual adoption of some sort of systematic vocabulary learning. A lot of teachers dislike to supervise study, and are content with simply pointing out various methods, leaving the student initiative in the adoption of the suggestions offered.

Each vocabulary presented should be studied by the student from the standpoint of pronunciation, spelling, etc. and the teacher should test the knowledge of the class on each phrase. The class should also be required to test its own preparation as part of home study, striving not only for recall of the English meaning of the foreign words, but also for recall of the foreign words when the English meanings are given. They should check and recheck, working on the words that seem most difficult to learn. For variety they can work in pairs and test each other orally.

Among other study methods to be recommended are the use of prepared vocabulary and idiom lists, flash cards and vocabulary notebooks. The use of lists of alphabetized or functionally arranged groups of foreign words has much to recommend it. Most of the published booklets contain words chosen on the basis of word counts, and the underlining or checking of the new words encountered provides supplementary training in vocabulary. The flash card method requires that students write down on a separate card each new word, but it has the disadvantage of taking much time and endless shifting of the cards. Easier to require of students less costly in effort is a vocabulary notebook in which words may be classified in accordance with their use, alphabetically or in functional series.

A few words should be said about one more method for introducing the class to a foreign language namely to have students supply as many foreign words as possible

from their own experience. It not only shows the student that he already has an unexpected familiarity with the foreign vocabulary, but it also provides useful clues to pronunciation, since most loan words usually retain some of the essential features of their original pronunciation.

In conclusion we'd like to stress that the students look to the teacher for advice in conducting their own study. It is therefore advisable to devote considerable time to explaining the above-mentioned methods of vocabulary review, and to provide by well-arranged and well-conducted vocabulary drills an example as to how vocabulary may be most easily acquired.

References

1. *Тарнопольский, О.Б.* Методика обучения английскому языку на I курсе технического вуза. – Киев: Высшая школа, 1989.

2. *Кислая, С.В., Демьяненко, М. Я., Лазаренко, К. А.* Обучение лексике иностранного языка. Методическая разработка и теоретические основы. – Киев, 1974.

3. *Мильруд, Р.П.* Методика преподавания английского языка. English Teaching Methodology: учеб. пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллина Л.Р. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань). e-mail: lilioven@mail.ru

Аникина Т.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Института филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (г. Нижний Тагил). e-mail: anikishna@mail.ru

Ачкасова Н.Н. – кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва). e-mail: natalya.a4kasova@yandex.ru

Батюшкина М.В. – кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства правового управления Законодательного Собрания Омской области (г. Омск). e-mail: soulangeana@mail.ru

Бидная А.А. – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: kechkoa@mail.ru

Богатикова Л.И. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь). e-mail: lbahatsikava@yahoo.com

Бубнова Н.В. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных, естественнонаучных и общеобразовательных дисциплин Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского (г. Смоленск). e-mail: 85ninochka67@mail.ru

Бызова М.И. – студентка 2 курса Института филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (г. Нижний Тагил).

Вильковская Е.В. – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь).

Воронина Л.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова (г. Рязань). e-mail: LV-Voronina@rambler.ru

Гавриленко Т.А. – преподаватель кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь). e-mail: tgapeeva@yandex.ru

Глоба Т.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры делового иностранного языка Мурманского государственного технического университета (г. Мурманск). e-mail: globata@mail.ru

Глухих Я.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры делового иностранного языка Мурманского государственного технического университета (г. Мурманск). e-mail: janaag@yandex.ru

Гордеева Ю.В. – ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань). e-mail: julgordeeva@yandex.ru

Груль И.И. – старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: stas.ulia@mail.ru

Гуд В.Г. – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь). e-mail: gud_valentina@mail.ru

Давлетшина Л.Ф. – ассистент кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета (г. Магнитогорск). e-mail: lucky_mgn@mail.ru

Добижи С.П. – старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (г. Горки, Беларусь). e-mail: george_snp@mail.ru

Дьяченко Т.Д. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород). e-mail: TDyachenko@bsu.edu.ru

Заволокин А.И. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Рязанского государственного радиотехнического университета. e-mail: zavolokin1965@mail.ru

Заграевская Т.Б. – кандидат филологических наук, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Института международного сервиса, туризма и иностранных языков Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск). e-mail: zagraevskaya@yandex.ru

Зарубина О.Б. – ассистент кафедры психологии и лингвистики Рязанского института (филиала) Московского государственного открытого университета имени В.С. Черномырдина (г. Рязань). e-mail: oksanazar90@gmail. com

Захарченко О.В. – профессор кафедры русского и иностранных языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова (г. Рязань).

Иванов Г.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры делового иностранного языка Мурманского государственного технического университета (г. Мурманск). e-mail: herrmanspecial@mail.ru

Иванова О.Ф. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (г. Москва). e-mail: anturiv2000@mail.ru

Игнатюк З.И. – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Мурманского государственного технического университета (г. Мурманск).

Идилова И.С. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой восточных языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Искандарова Г.Р. – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа). e-mail: ischtuganowa@mail.ru

Калинина М.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии и лингвистики Рязанского института (филиала) Московского государственного открытого университета имени В.С. Черномырдина (г. Рязань). e-mail: schmarina@rambler.ru

Калюк Н.В. – студентка Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: kechkoa@mail.ru

Качур М.С. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь). e-mail: kachur79@mail.ru

Кербер Е.В. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета (г. Омск). e-mail: lkerber@mail.ru

Кирюшкина А.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь). e-mail: kirushkina@mail.ru

Козлова А.Г. – аспирантка Столичного института иностранных языков (г. Москва). e-mail: a1g1k@yahoo.com

Козлова Ю.Е. – магистр филологических наук, преподаватель кафедры английского языка Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь). e-mail: juliekoshka@gmail.com

Коломиец В.А. – кандидат психологических наук, доцент кафедры германской и финно-угорской филологии Киевского национального лингвистического университета (г. Киев, Украина). e-mail: vkolomiyets2010@gmail.com

Короткевич С.В. – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь).

Космовская Е.С. – студентка 5 курса филологического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: ekaterina-05-21@mail.ru

Купцова А.К. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (г. Москва). e-mail: kupzowa@rambler.ru

Куренкова Т.Н. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры технического иностранного языка Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнёва (г. Красноярск). e-mail: kurenkova73@mail.ru

Курдеко Ж.П. – старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (г. Горки, Беларусь).

Курилкина Ю.С. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского и иностранных языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова (г. Рязань). e-mail: toyotarav777@yandex.ru

Лановая Т.В. – магистрант факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь, Украина). e-mail: lanovaya.tatyana@gmail.com

Левицкий А.Э. – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев, Украина). e-mail: andrelev@list.ru

Лепухова Н.И. – преподаватель кафедры немецкого языка Нежинского государственного университета имени Н. Гоголя (г. Нежин, Украина). e-mail: kozhuhivska_nat@mail.ru

Логинова Е.Г. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германских языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань). e-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

Лошак Г.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева (г. Рязань).

Лухина Е.В. – кандидат филологических наук, ассистент кафедры зарубежной филологии и регионоведения Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого (г. Тула). e-mail: lukhina2011@yandex.ru

Малько А.И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и белорусского языков Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (г. Горки, Беларусь).

Миронов В.В. – доктор физико-математических наук, профессор кафедры высшей математики Рязанского государственного радиотехнического университета, директор лаборатории системного анализа, заместитель генерального директора международного фонда ученых им. академика В.Ф.Уткина. e-mail: mironov1vv@mail.ru

Мицкевич О.С. – магистрант кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: olyushka89@mail.ru

Молчанова Л.В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань). e-mail: lilya.molchanova@gmail.com

Моряхина Н.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза). e-mail: avrora_69@mail.ru

Москаленко Л.С. – магистр филологии Крымского республиканского института последипломного педагогического образования (г. Симферополь, Украина). e-mail: lida_mosk@mail.ru

Муравьева Е.О. – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (г. Москва). e-mail: eo.muravyeva@gmail.com

Насонова Т.М. – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь). e-mail: nason77@list.ru

Новрузов Ф.Р. – соискатель института фольклора Национальной академии наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан). e-mail: rafik_novruzov@mail.ru

Олешков М.Ю. – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (г. Нижний Тагил). e-mail: oleshkov@rambler.ru

Оноприенко Т.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Житомирского государственного университета имени Ивана Франко (г. Житомир, Украина). e-mail: vikusik.ru.com@mail.ru

Пескова Н.А. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой интенсивных методик преподавания иностранных языков Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань). e-mail: n.peskova@rsu.edu.ru

Пилецкая С.С. – магистрант кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: torpeeda@mail.ru

Писецкая О.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь). e-mail: oksana_piseckaya@mail.ru

Поветкина Ю.В. – ассистент кафедры германских языков и их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань). e-mail: julpov@yandex.ru

Половец М.В. – аспирант кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: margaritapolovec@gmail.com

Рускевич Л.В. – старший преподаватель кафедры фонетики английского языка Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь). e-mail: ruskevich.luvrus@gmail.com

Саватеева О.В. – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой делового иностранного языка Мурманского государственного технического университета (г. Мурманск). e-mail: ovsavateeva@mail.ru

Савилова И.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова (г. Рязань).

Самойлова И.Ю. – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: ekaterina-05-21@mail.ru

Сокольчик Н.В. – аспирант кафедры грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь). e-mail: sadovkanadia@mail.ru

Стародубцева Л.В. – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

Стасевич Ю.А. – студентка 5 курса филологического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: stas.ulia@mail.ru

Уланова С.Б. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и лингвистики Рязанского института (филиала) Московского государственного открытого университета имени В.С. Черномырдина (г. Рязань). e-mail: ulalamail@mail.ru

Федорюк А.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики Восточно-Сибирской государственной академии образования (г. Иркутск).
e-mail: fedoryuk@rambler.ru

Храмченко Д.С. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого (г. Тула). e-mail: hramchenko@rambler.ru

Чабаненко Т.С. – магистр филологии, аспирантка Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Украина). e-mail: kostina-tatyana@mail.ru

Шань Н. – доцент факультета русского языка Института иностранных языков Чанчуньского университета Китая, доцент кафедры восточных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, директор Института Конфуция Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Чанчунь, Китай).

Шитикова И.В. – аспирант Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь). e-mail: irynaalex2000@tut.by

Шкода О.Я. – магистрант кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь). e-mail: shkoda8989@inbox.ru

Штырлина Е.Г. – аспирант кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань). e-mail: shtyrlinaekaterina@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА ……..... **3**

Раздел I. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Абдуллина Л.Р. Логико-концептуальные основы трансформаций фразеологических единиц в дискурсе (на материале татарского языка) **6**

Аникина Т.В., Бызова М.И. К проблеме виртуального жанроведения **10**

Воронина Л.В. Актуальные синтаксические конструкции финитива в языке современных СМИ .....……..... **15**

Груль И.И., Стасевич Ю.А. Полисемантичность конструкции «предлог + дательный падеж» для выражения пространственных и временных отношений в древнегреческом языке..... **20**

Давлетшина Л.Ф. Языковая картина мира в лексическом прототипе на материале многозначных слов английского языка .....…….. **24**

Добижи С.П. Концепты *время* и *пространство* в белорусской фольклорной картине мира …..... **29**

Дьяченко Т.Д., Стародубцева Л.В. К проблеме выделения среднего залога в современном английском языке **32**

Искандарова Г.Р. К проблеме словообразовательной мотивированности субстантивных дериватов ……..... **35**

Калинина М.А. Современная молодежь: миф или реальность? (О месте ассоциативного эксперимента в когнитивных исследованиях языка) **40**

Калинина М.А. Концепт *тоска* в зеркале белорусского языка **45**

Качур М.С. Концептуальные связи цветонаименований (на материале английского, немецкого, русского и белорусского языков) **50**

Козлова Ю.Е. Внешние границы категории модальности **56**

Куренкова Т.Н. Микрополе «характеристики еды» лексико-семантического поля «еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова ……..... **61**

Курилкина Ю.С. Семантические модели превентива **65**

Пескова Н.А. Концептуальная основа развития значений предлога *in* **72**

Уланова С.Б. Семантические особенности перекатегоризации **77**

Чабаненко Т.С. Соотношение полных и неполных парадигм русского глагола ……..... **82**

Раздел II. ТЕКСТ И ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Батюшкина М.В. О предметной стороне лингвистической экспертизы проектов законов …..... **87**

Гордеева Ю.В. Коммуникативная цель высказывания в семантической и прагматической интерпретации **92**

Игнатюк З.И. Коммуникативно-прагматические аспекты языковых явлений ……..... **96**

Левицкий А.Э. Адресация как основа успешности передачи комизма **101**

Лухина Е.В. Языковые особенности реализации тактики обещания в американском социально-ориентированном дискурсе **106**

Насонова Т.М. К вопросу о роли просодической сегментации речи в осуществлении коммуникативного намерения говорящего **111**

Олешков М.Ю. Похвала и порицание в педагогическом дискурсе **116**

Поветкина Ю.В. Информативность письменного текста в рамках web-страницы ……..... **121**

Рускевич Л.В. Взаимодействие просодических средств экспрессивности и лексического состава устного высказывания **125**

Савилова И.П., Лошак Г.П. Фразеологические единицы английского языка в информационном пространстве политического дискурса **130**

Федорюк А.В. Специфика семантических параметров политического дискурса Х. Клинтон …..... **133**

Храмченко Д.С. Функционально-синергетический анализ метафоры как нестандартного приема английского бизнес-дискурса **138**

Раздел III. ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ НОМИНАЦИИ, СТИЛИСТИКИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА И ПЕРЕВОД

Бидная А.А., Калюк Н.В. Троп как средство индивидуализации изображения в «Первой речи против Катилины» М.Т. Цицерона **143**

Бубнова Н.В. Ядро ономастических единиц в структуре региональных фоновых знаний смолян **148**

Иванов Г.А. К вопросу о неологизмах современного английского языка .. **152**

Иванова О.Ф. Как мы говорим о смерти **156**

Иванова О.Ф. Некоторые эвфемизмы японского языка (тематическое поле «некрасивая внешность») **161**

Кирюшкина А.А. Переносное значение как показатель эмоционального состояния говорящего **166**

Козлова А.Г. Концептуально-конструктивная развернутость гротеска в поэзии Дж.Апдайка **171**

Короткевич С.В., Гуд В.Г. К вопросу о политкорректных эвфемизмах **175**

Логинова Е.Г. Фрактальный подход как способ исследования многомерности художественного произведения (на материале драмы абсурда) **180**

Новрузов Ф.Р. Некоторые параметры мифологического текста и проблемы их передачи на азербайджанский язык **187**

Оноприенко Т.Н. Окказионально-ассоциативные эпитеты в современном английском языке **192**

Пилецкая С.С. Урбанонимы в речи жителей города **196**

Самойлова И.Ю., Космовская Е.С. Использование ресурсов различных языков при номинации городских объектов **199**

Сокольчик Н.В. Функциональная многозначность французского междометия «*Oh!*» **203**

Шитикова И.В. О статусе синтаксического параллелизма в коммуникативном плане языка **208**

Штырлина Е.Г. Особенности функционирования слова «пора» в поэтическом языке И.Бродского **213**

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОВ И ТЕРМИНОСИСТЕМ

Кербер Е.В. Конкуренция заимствованных терминов и исконных немецких терминов в немецкой экономической терминологии **218**

Купцова А.К. Процесс межсистемного заимствования терминов в англоязычной терминологии менеджмента и логистики **222**

Моряхина Н.В. Об образовании терминов-композитов в русской экономической терминологии (на примере терминологии менеджмента) **227**

Половец М.В. Особенности терминологии интернет-лингводидактики **230**

Шкода О.Я. Специальная лексика в толковых словарях русского и белорусского языков **235**

Раздел V. ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, КОМПАРАТИВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Богатикова Л.И. Взаимодействие лингвокультур на концептуально-понятийном и коммуникативно-поведенческом уровнях **240**

Гавриленко Т.А. Заимствование лингвокультурных концептов как лингвистическая проблема **244**

Гавриленко Т.А. Основные проблемы изучения феномена межкультурной коммуникации **250**

Заграевская Т.Б. Афроамериканский этносубъязык как средство диглоссной коммуникации **254**

Лановая Т.В. Функционирование иноязычных заимствований в языке и речи **258**

Лепухова Н.И. Сравнительный анализ систем вокализма германских и славянских языков (на примере английского, немецкого, русского и украинского языков) **263**

Москаленко Л.С. Лексические особенности русского языка Украины **268**

Муравьева Е.О. Язык как социокультурный аспект глобализации **272**

Раздел VI. КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Заволокин А.И., Миронов В.В. Алгоритмическая процедура перевода с использованием активной грамматики **277**

Коломиец В.А. Корпус аннотаций научных статей по компьютерной лингвистике: общая структура и перспективы использования **283**

Мицкевич О.С. Особенности инфологического моделирования лингвистических баз данных **287**

Раздел VII. ЛИНГВОДИДАКТИКА

Ачкасова Н.Н. Формирование механизма билингвизма на материале детских опер **292**

Глоба Т.А. К вопросу о коммуникативной адекватности аудиотекста **295**

Глухих Я.А. Типичные лексико-грамматические ошибки студентов в процессе изучения английского языка и пути их коррекции **300**

Гуд В.Г., Вильковская Е.В. Использование Интернет-ресурсов как средства развития профессиональной компетентности у студентов языковых факультетов ……..... **304**

Зарубина О.Б. Применение игровых технологий в преподавании иностранного языка в начальной школе как средство выработки коммуникативной компетенции ……..... **308**

Захарченко О.В. Лингвострановедческий компонент содержания обучения иностранному языку **313**

Идилова И.С. Подходы к обучению деловому иностранному языку в условиях магистратуры (направление подготовки «Филология») **319**

Малько А.И., Курдеко Ж.П. Использование текстов по истории Беларуси в процессе преподавания русского языка как иностранного **323**

Молчанова Л.В. Акустический анализ как инструмент совершенствования фонетических навыков (на примере японского языка) ……..... **327**

Писецкая О.В. Расширение поля концепта при изучении русского языка в иностранной аудитории .....……. **332**

Шань Н. Дидактические принципы как основа обучения студентов - будущих педагогов **337**

Саватеева О.В. Some prompts on teaching vocabulary **341**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ **345**

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:

Сборник статей Международной (заочной) научно-практической конференции 17 апреля 2012 года

Под редакцией
Улановой Светланы Борисовны

Компьютерная вёрстка А.С. Есенина, С.Б. Уланова

Оформление обложки Л.Г.Бойчук

Корректор М.А. Калинина

Подписано в печать 12.04.12. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 23 . Уч.-изд.л. 21.1. Тираж 500 экз. Заказ № 79

Рязанский институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Московский государственный открытый университет им. В.С. Черномырдина»
390000, г. Рязань, ул. Право-Лыбедская, 26/ 53

Издательство «Узорочье»
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 35

Отпечатано: ООО «фирма «Интермета»
390000, г.Рязань, ул.Семинарская, 3